
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 3(60). 2020. Том 10

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2020

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ

Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ

д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА

д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО

д.п.н., профессор Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Вадим Витальевич
ГАЙДУК

д.п.н., профессор Башкирского государственного
университета

Леокадия Михайловна
ДРОБИЖЕВА

д.и.н., руководитель Центра исследования
межнациональных отношений Института Социологии
ФНИСЦ РАН

Владимир Юрьевич
ЗОРИН

д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

Раушан Мухахановна
КАНАПЬЯНОВА

д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МГИК

В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ

д.и.н., профессор кафедры теории и истории
международных отношений Российского
университета дружбы народов

Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ

д.и.н., профессор Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина

Игорь Георгиевич
КОСИКОВ

д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ

д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА

д.и.н. профессор кафедры истории России
Российского университета дружбы народов

Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА

к.п.н., ответственный редактор

Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ

д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиал РАНХ и ГС при Президенте РФ

Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ

д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА

д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Вильям Владимирович
ШМИДТ

д.ф.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Медведев Н.П. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Дробижева Л.А.,
Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор
журнала: 1,006

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4

Тел.: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 26.03.2020

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 0000.

Отпечатано
в типографии PrintUP

117105, г. Москва,
Нагорный проезд, 12, корп. 1
Тел.: +7 (495) 925-00-06

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал *ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ* – периодическое международное рецензируемое на-учное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “*Issues of National and Federative Relations*” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethno-politics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

- Орешин С.А.** Роль съездов народов Терека в решении национального вопроса на Северном Кавказе (январь-май 1918 года) 478
- Кузнецов Д.В.** Из истории создания и деятельности
Первой Западносибирской опытно-селекционной станции 488
- Осипенко С.В.** «Введение к Уложению государственных законов»: исторический контекст исследования конституционного проекта 498
- Осмаев М.К.** К вопросу о культурных потерях чеченского народа в результате депортации 1944 года 505
- Семёнов В.Н.** Создание Тихоокеанского флота СССР (1932-1941 гг.) 515
- Яковенко С.Н.** Подготовка командных и инженерно-технических кадров для службы военных сообщений в период становления советской военной школы в 1920-е начало 1930-х гг. 525

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Агапов П.В.** Война и конфликт цивилизаций в творчестве Владимира Соловьёва 533

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Крюкова Е.В.** Политические технологии как инструмент воздействия на психологию масс 543
- Куренкова Е.А., Гришин В.О.** Развитие железнодорожного комплекса Московской области в контексте социально-политического проектирования 549
- Сабирова Е.Н.** Еврейские организации современного Башкортостана как фактор сохранения идентичности евреев 558

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

- Габдрахманова Н.Т., Курьлев К.П., Химич Д.А.** Анализ нейросетевой модели международных индексов коррупции и хрупкости государств 562
- Каратуева Е.Н.** Особенности биологического и экологического терроризма как самостоятельных видов радикализма 574
- Жамбаева У.Б.** Историко-политический экскурс Тибета как государства 585
- Демидова Е.Н.** Специфика образа Дональда Трампа и Ангелы Меркель как политических лидеров современности 592
- Хвaley А.А., Бурьгин А.А.** Исламизм и светскость – неотделимые грани политической модернизации Туниса 599

Петрова К.С. Реформирование системы антитеррористической безопасности Индии после терактов в Мумбаи	608
Куриев Р.Н. Частные военные компании как неформальный политический ресурс современных государств мира	615
<i>Чэн Го, Инь Цюнь</i> Political Analysis of the Sino-U.S. Relations under President Trump Era: Power Transfer and the Battle of the Model/ Политический анализ китайско-американских отношений в эпоху президента Трампа: битва за влияние	624
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	
Макаров Е.П., Макарова Т.Е. Роль Ассоциации детских садов в становлении дошкольного образования Великобритании в первой половине XX в.	634
Морозов Е.В. Позиция России в египетском вопросе в 1896 г.	642
Ку Чамян Кавказский вопрос в системе международных отношений 20-50-х годов XIX века.	649
НАШИ АВТОРЫ	661
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	4666

CONTENTS

Scientific Journal
“Issues of National and Federative Relations”
Volume 10. Issue 3(60), 2020

DOMESTIC HISTORY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Oreshin S.A.** The Role of the Terek Peoples ‘Congresses in the Solution of the National Question in the North Caucasus. January-May, 1918 479
- Kuznetsov D.V.** From the History of Creation and Activity of the First West Siberian Experimental Breeding Station 487
- Osipenko S.V.** “Introduction to the Code of State Laws”: Historical Context of the Constitutional Project Research 498
- Osmaev M.K.** On the Issue of the Cultural Losses of the Chechen People as a Result of the Deportation of 1944 506
- Semenov V.N.** The Creation of the Pacific Fleet of the USSR (1932-1941)..... 515
- Yakovenko S.N.** Training of Command and Engineering Personnel for the Military Transport Service During the Formation of the Soviet Military School in the 1920s. and early 1930s..... 525

THEORY, PHILOSOPHY AND HISTORY OF POLICY

- Agapov P.V.** War and Conflict of Civilizations in the Works of Vladimir Solovyov 533

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Kryukova E.V.** Political Technologies as a Tool for Influencing the Psychology of the Masses 543
- Kurenkova E.A., Grishin V.O.** Development of the Railway Complex of the Moscow Region in the Context of Socio-Political Projection 550
- Sabirova E.N.** Jewish Organizations of Modern Bashkortostan as a Factor of Preserving the Identity of Jews..... 558

POLITICAL PROBLEMS OF THE GLOBALIZING WORLD

- Gabdrakhmanova N.T., Kurylev K.P., Khimich D.A.** The Analysis of the Neuron Network Model of International Indexes of Corruption and Fragility of States 563
- Karatueva E.N.** Features of Biological and Ecological Terrorism as Independent Types of Radicalism..... 574
- Zhambaeva U.B.** Historical and Political Excursion of Tibet as a State 585
- Demidova E.N.** Constructing an Image of a Modern Political Leader: Peculiarities of Leadership’s Styles on Examples of Donald Trump and Angela Merkel 592

Khvaley A.A., Burygin A.A. Islamism and Secularism are Inseparable Facets of Tunisia’s Political Modernization	600
Petrova K.S. Reforming of India’s Counter-Terrorism Security System after the Mumbai Terrorist Attacks	609
Kuriyev R.N. Private Military Companies as a Informal Political Resource of Modern World States	616
Cheng Guo, Yin Qun Political Analysis of the Sino-U.S. Relations under President Trump Era: Power Transfer and the Battle of the Model.....	625
HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLICY	
Makarov E.P., Makarova T.E. The Role of the Nursery School Association in the Formation of Early Childhood Education in the UK in the First Half of the XX Century.....	635
Morozov Ye. V. Russia’s Position on the Egyptian Question in 1896	642
Ku Chamyan The Caucasus Issue in the System of International Relations in the 20-50ies of the XIX Century	649
OUR AUTHORS	664
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	666

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.001

УДК 94

С.А. ОРЕШИН

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук,
Россия, г. Москва

РОЛЬ СЪЕЗДОВ НАРОДОВ ТЕРЕКА В РЕШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. ЯНВАРЬ-МАЙ 1918 ГОДА¹

Статья посвящена попыткам урегулирования межэтнических конфликтов в Терской области зимой-весной 1918 года. Резкое обострение национального вопроса на Тереке в период Российской революции поставило народы края на грань кровопролитной межнациональной войны. В январе 1918 года в регионе существовало несколько крупных очагов межэтнических конфликтов. В этой ситуации было принято решение о созыве съезда представителей народов Терской области, который должен был положить конец войне и организовать дееспособную систему власти.

В январе-мае 1918 года состоялось три съезда. Национальный вопрос был в центре внимания каждого из них. Представители радикальных сил пытались побудить делегатов санкционировать объявление войны чеченцам и ингушам, что было чревато непредсказуемыми последствиями. Тем не менее, благодаря активной позиции социалистического блока и национальных фракций, победила миротворческая линия. Было принято решение о допуске чеченской и ингушской делегаций на съезд и урегулировании всех спорных вопросов путем мирных переговоров. В зоны конфликтов направлялись специальные миротворческие делегации. Они содействовали заключению мирных соглашений между враждующими сторонами, организовывали обмен пленными.

При решении национального вопроса съезды исходили из принципа равноправия всех народов и их права на самоопределение. Органы государственной власти формировались на основе принципа пропорционального представительства всех народов области. Было принято решение о соз-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плана научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

дании национально-территориальных автономий, вводилось равноправие всех языков, декретировалась возможность отправления правосудия с учетом народных обычаев и традиций. Были гарантированы права этнических меньшинств и их представительство в органах местного самоуправления.

В то же время, съезды не смогли обеспечить прочный внутренний мир. Летом 1918 года Гражданская война на Тереке разгорелась с новой силой, однако вызвана она была уже социальными причинами.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терская область, межэтнический конфликт, Гражданская война, терские казаки, горцы.

S.A. ORESHIN

*Candidate of historical sciences,
researcher, Institute of Ethnology and Anthropology
named after N.N. Miklukho-Maclay of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

THE ROLE OF THE TEREK PEOPLES 'CONGRESSES IN THE SOLUTION OF THE NATIONAL QUESTION IN THE NORTH CAUCASUS. JANUARY-MAY, 1918

The article describes the role of attempts to resolve inter-ethnic conflicts in the Tersky region in winter-spring 1918. The sharp escalation of the national issue on Terek during the Russian Revolution brought the peoples of the region to the brink of bloody inter-ethnic war. In January 1918, there were several major hotbeds of inter-ethnic conflict in the region. In this situation, the political actors decided to convene a congress of representatives of the peoples of the Tersky region, which was to put an end to the war and organize a capable system of power.

Three congresses worked in January-May 1918. The national issue was the focus of each of them. Representatives of radical forces tried to encourage delegates to authorize the declaration of war on the Chechen and Ingush, which had unpredictable consequences. However, thanks to the active position of the socialist bloc and national factions, the peacekeeping line won. The delegate decided to allow Chechen and Ingush to attend the congress and to resolve all disputed issues through peaceful negotiations. Special peacekeeping delegations were sending to conflict zones. They facilitated the conclusion of peace agreements between the warring parties and organized the exchange of prisoners.

In deciding the national question, the congresses based on the principle of the equality of all peoples and their right to self-determination. State authorities based on the principle of proportional representation of all peoples of the region.

Congresses established national-territorial autonomy, introduced equality of all languages and ordered the administration of justice in accordance with traditional customs and traditions. They guaranteed rights of ethnic minorities and their representation in local government.

At the same time, the congresses failed to provide lasting internal peace. In the summer of 1918, the Civil War on Terek erupted with renewed force, but it was caused by social reasons.

Key words: *North Caucasus, Tersky region, interethnic conflict, Civil war, tersky Cossacks, mountaineers.*

Российская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война сопровождались обострением межэтнических отношений на окраинах бывшей Российской империей, в частности, в Терской области, которая отличалась чрезвычайной пестротой этнического и конфессионального состава населения. Предметом статьи являются три первых съезда народов Терека, проведенные в январе-мае 1918 года. Цель исследования – проанализировать механизмы решения национального вопроса и предотвращения межэтнических конфликтов, выработывавшиеся на съездах и оценить их эффективность. Несмотря на то, что Гражданской войне и национально-государственному строительству в Терской области посвящено немало научных работ, данная тема еще не получила должного отражения в отечественной историографии.

Терская область была одним из самых полиэтничных регионов России. На ее территории проживали русские, чеченцы, осетины, кабардинцы, ингуши, украинцы, ногайцы, кумыки, балкарцы, аварцы, армяне, грузины, немцы, поляки, туркмены, калмыки, персы, евреи и др. [9]. В 1917 году межэтнические отношения на Тереке резко обострились. Возникло несколько очагов конфликтов: между чеченцами и ингушами с одной стороны и терскими казаками с другой на Сунженской линии; между чеченцами и в меньшей степени кумыками с одной стороны и переселенцами (русскими, украинцами, немцами, поляками, молдаванами) в Хасавюртовском округе; между ингушами и осетинами пограничных аулов Владикавказского и Назрановского округов; между кабардинцами и балкарцами в Нальчикском округе и др. [7. С. 73, 86]. К началу 1918 года отдельные стычки переросли в вооруженные столкновения, сопровождавшиеся массовыми убийствами, грабежами, разрушениями населенных пунктов, захватом заложников. Кровопролитные бои развернулись на улицах Владикавказа и в районе Грозного [8. С. 355, 364-368]. Терская область пребывала в состоянии анархии и оказалась на грани полномасштабной межнациональной войны.

Во второй половине января на съезде казаков и иногородних в Моздоке было принято решение созвать Терский областной народный съезд. Ор-

ганизационное бюро выпустило обращение к населению Терской области, в котором говорилось о необходимости скорейшего прекращения межнациональной вражды и создании на предстоящем съезде «свободной, демократической твердой власти» в крае [4]. В то же время радикально настроенная часть казачества надеялась использовать съезд для того, чтобы заручиться поддержкой других народов Терека в вооруженном противостоянии с ингушами и чеченцами. Оргбюро приняло решение о том, что в съезде могут участвовать все жители региона, «кроме племен, восставших против мирных граждан, нагло попирающих человеческие права и законы и не желающих жить дружно с прочими жителями» [1. С. 43]. Под этими «племенами» имелись в виду ингуши и чеченцы, которых на съезд не пригласили.

I съезд народов Терека начал свою работу 25 января 1918 г. в Моздоке. Конструктивная часть делегатов была настроена на поиск мирного решения имевшихся противоречий. Представители кабардинской фракции заявили, что со времен Ивана Грозного кабардинцы «мирно жили с русскими и желаем так жить всегда». В декларации делегатов Осетии говорилось о необходимости уважения прав всех народов, проживающих в области, и пресечении попыток разжигания «национального шовинизма», способного провоцировать столкновения между отдельными народами [11. С. 31, 33]. Когда глава Моздокского военно-революционного совета полковник Т.М. Рымарь предложил съезду санкционировать уже подготовленный план военной операции против Чечни и Ингушетии, то после бурного обсуждения большинством в 170 голосов против 130 предложение было отвергнуто. Делегаты решили обратиться ко всем народам Терской области с призывом принять участие в следующем съезде и направить к чеченцам и ингушам делегацию с предложением мирного разрешения всех вопросов, волнующих их и все народы области [10. С. 109]. В состав делегации включались представители осетин, кабардинцев, балкарцев, социалистического блока, профсоюзов и армии. Уговорить казачью фракцию съезда принять участие в мирных переговорах удалось с большим трудом [7. С. 106].

31 января представители некоторых кабардинских и осетинских селений сообщили, что между горцами и солдатами местных гарнизонов происходят трения на бытовой почве, могущие нарушить мирную жизнь и спровоцировать новый межнациональный конфликт. Было решено направить в указанные аулы делегацию (в ее состав вошли казак, осетин, кабардинец и представитель социалистического блока) для выяснения ситуации и предотвращения столкновений. Кроме того, казакам было запрещено самовольно отбирать оружие у горцев, проезжавших по железной дороге через казачьи станицы [11. С. 47].

В «Обращении съезда ко всем народам Терской области» по национальному вопросу говорилось о том, что представителям всех народов должна быть предоставлена возможность устраивать свою жизнь так, как им кажет-

ся наилучшим. Каждой народности «в пределах своих территорий» предоставлялось право отправлять правосудие по народным обычаям и законам, открывать школы с преподаванием на родном языке [5]. Было принято решение о передаче всей полноты власти в области Терскому Народному Совету, который должен был комплектоваться на основе принципа пропорционального представительства, исходя из численности народов, живущих в области. Чеченцам предлагалось предоставить 10 мест в новом органе власти, казакам – 8, осетинам – 6, кабардинцам – 5, ингушам – 2, балкарцам – 1, кумыкам – 1. 10 мест в Совете получали также иногородние (под ними понимались представители всех остальных этнических групп, поселившиеся в регионе после окончания Кавказской войны) [11. С. 54].

Несмотря на принятые решения, обстановка в области продолжала оставаться крайне сложной. Мирные переговоры продвигались медленно. Терский Народный Совет каждый день получал донесения и телеграммы о нападениях и грабежах. Ежедневно его члены выезжали в те районы, откуда приходили тревожные сведения и на местах улаживали спорные вопросы. 15 (28) февраля на Сунженской линии возобновились бои [8. С. 385]. На следующий день в Пятигорске открылся II съезд народов Терека. Часть членов казачьей фракции вновь настаивала на объявлении войны чеченцам и ингушам, обвиняя их в разжигании межнациональной розни и требуя раз и навсегда покончить с «грабительским» народом [6]. Однако большая часть делегатов высказалась за мир. 23 февраля (8 марта) на съезд прибыли представители ингушей и чеченцев, которые заявили о стремлении прекратить кровопролитие и совместно с представителями других народов Терека приложить все усилия к укреплению межнационального мира в области [11. С. 124-126].

После продолжительных дискуссий 25 февраля абсолютным большинством голосов (при 1 против и 3 воздержавшихся) был принят проект положений по разрешению национального вопроса в Терской области. Съезд признал Терскую область составной частью Российской Федерации и констатировал, что она является «союзом народов и племен, живущих в ее пределах, политическое участие которых выражается в пропорциональном представительстве в составе единого объединенного органа областной власти». В местах компактного проживания чеченского, русского, осетинского, кабардинского, ингушского, балкарского, караногайского и кумыкского народов формировались органы национального самоуправления (трудовые народные советы), избираемые на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Этнические меньшинства, проживавшие на территории каждого национального самоуправления, получали право на национально-персональную автономию, им гарантировалось пропорциональное представительство в органах местного самоуправления. Съезд декретировал введение полного равноправия всех языков в школе, суде, администрации «и вообще повсеместно в общественной жизни»; каждый народ полу-

чил возможность отправлять правосудие по своим обычаям и традициям, «не противоречащим основным принципам законов Российской республики». Специально оговаривался принцип добровольной самоидентификации при определении национальной принадлежности граждан [11. С. 157-158].

Представители всех национальных делегаций подтвердили готовность к совместной работе с целью упрочения мира и согласия в регионе. Съезд потребовал от всех враждующих сторон немедленно освободить пленных и прекратить стрельбу. На Сунженскую линию было решено послать мирную делегацию, в состав которой были включены ингуши, чеченцы, осетины, кабардинцы, балкарцы, казаки, иногородние и представители социалистического блока, всего – 24 человека. Делегаты получили следующий наказ: вывести людей из окопов, разъяснить всем, что трудовому народу драться нечего и что все должны жить в единении и мире [3. С. 124].

Было принято решение, что, исходя из численности проживающих на Тереке народов, в Терском Народном Совете чеченцы получают 14 мест, казаки – 10, осетины – 8, кабардинцы – 7, ингуши – 3, балкарцы – 2, кумыки – 1. 14 мест было предоставлено представителям иногороднего населения [11. С. 242].

В начале марта поземельный спор между жителями соседних селений – осетинского Ольгинского и ингушского Базоркино – привел к кровопролитным столкновениям, грозившим вылиться в серьезный межэтнический конфликт. Чтобы восстановить мир, съезд направил в Базоркино и Ольгинское мирную делегацию, однако она была обстреляна неизвестными. Делегат съезда балкарец С.-Х.З. Калабеков был убит [7. С. 166]. Съезд направил в район конфликта смешанную комиссию, куда вошли также представители Закавказского сейма и Грузинского национального совета. Она должна была предъявить требование о немедленном прекращении военных действий с обеих сторон [2]. Конфликт удалось урегулировать.

8 (21) марта возобновились переговоры между представителями Грозненского военно-революционного совета с одной стороны и Чеченского национального совета с другой. Стороны договорились о прекращении военных действий и восстановлении мира. Представители Терского Народного Совета выезжали для урегулирования конфликтов в Осетию, Ингушетию, Чечню, на Сунженскую линию. В Моздокском отделе им удалось достичь примирения между казаками и чеченцами, в Пятигорском – между казаками и кабардинцами. Несмотря на восстановление в Терской области мира, временами он прерывался различными эксцессами. Так, во второй половине апреля вооруженные формирования исламистов под командованием шейха Узун-Хаджи Салтинского разгромили Хасавюрт и несколько десятков переселенческих хуторов [13. С. 86].

22 мая в Грозном открылся III съезд народов Терека. Одним из самых острых вопросов стал аграрный. Именно поземельные разногласия зачастую приводили к межэтническим конфликтам на Тереке. Попытки разрешить за-

путанный узел аграрных противоречий на съезде грозили обернуться новыми конфликтами: между кабардинцами и карачаевцами, между чеченцами, ингушами и казаками. По-прежнему напряженная обстановка сохранялась в районе Грозного. Съезд поручил Народному Совету создать смешанную комиссию для разработки вопроса о свободном въезде чеченцев в Грозный и обеспечении безопасности граждан Грозного, выезжающих за его пределы [11. С. 313]. Для ликвидации всех столкновений в Грозненском районе было решено создать примирительную комиссию из представителей Кизлярского областного народного совета, Грозненского Совета рабочих и солдатских депутатов и Чеченского народного совета. Съезд единогласно постановил немедленно освободить всех пленных, «в каком бы месте Терской области они ни содержались».

29 мая было принято решение «в целях уничтожения чересполосицы» переселить казаков станиц Сунженской, Акиюртовской, Тарской и Фельдмаршальской, а их земли передать ингушам. Предполагалось, что этот шаг сможет снизить остроту земельного голода, испытываемого ингушами и тем самым будет способствовать укреплению межнационального мира [12. С. 87].

Однако следует признать, что полностью решить национальный вопрос съезды народов Терека не смогли. Очаги межэтнической напряженности продолжали тлеть, время от времени прорываясь кровопролитными столкновениями. У Терского Народного Совета не было достаточно сил, средств и влияния, чтобы провести в жизнь все свои решения и изолировать экстремистов, провоцировавших конфликты. Казаки наотрез отказались уступить горцам часть своих земель и в конце июня подняли восстание. Оно продолжалось до начала декабря и сопровождалось большими жертвами и разрушениями. Однако Терское восстание (в советской историографии было известно, как «Бичераховский мятеж») не носило характер межнационального противостояния. На стороне восставших выступила часть казаков, кабардинцев, осетин и иногородних. В то же время, значительная часть иногороднего населения, ингушей, чеченцев, часть балкарцев, кабардинцев, осетин и казаков воевала на стороне правительства. Таким образом, данный конфликт в основе своей имел не этническую, а социальную природу.

Напротив, съезды народов Терека содействовали стабилизации межэтнических отношений в регионе весной 1918 года. Если в начале года край находился на пороге межнациональной войны, то уже к маю удалось локализовать и потушить основные очаги межэтнических конфликтов. В отличие от 1917 года, когда вопросы урегулирования межнациональных отношений в области решала узкая группа политической элиты, в начале 1918 года, используя механизм всенародных съездов, к решению актуального вопроса были допущены широкие массы населения.

Съезды провозгласили принцип равноправия всех народов и языков, гарантировали всем этническим общностям пропорциональное представи-

тельство в органах областной власти и местного самоуправления, вводили принцип национально-территориальной автономии, позволили ввести в механизм судопроизводства устоявшиеся народные традиции и обычаи, обеспечивали защиту и учет интересов этнических меньшинств. Декретированное II съездом право на национально-культурную автономию и принцип добровольности при определении своей национальной принадлежности были поистине прогрессивной новацией в сфере этнополитики, нашедшей свое воплощение в доктринальных документах только в 1990-е годы. В зоны конфликтов направлялись смешанные делегации, сформированные из депутатов съезда, которые активно использовали методы народной дипломатии, добивались прекращения огня, обмена пленными и усаживали враждующие стороны за стол переговоров.

Думается, что многие позитивные практики урегулирования межнациональных противоречий в полиэтничном регионе, выработанные на съездах народов Терека свыше века назад, могут быть востребованы в настоящее время при решении актуальных этнополитических вопросов, стоящих перед Северным Кавказом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917-1920). Орджоникидзе, 1957.
2. Бюллетень Терского областного Народного Совета. Владикавказ, 13 марта 1918. № 3.
3. Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918.
4. Горская жизнь. Владикавказ, 25 января 1918. № 19.
5. Горская жизнь. Владикавказ, 4 февраля 1918. № 27.
6. *Жарковский Е.* Рабочее движение на Тереке // Вольный горец (Тифлис). 1919. № 10.
7. *Корнев Д.З.* Революция на Тереке. 1917-1918 годы. Орджоникидзе, 1967.
8. *Музаев Т.М.* Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик, 2012.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку // http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=495.
10. Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. Орджоникидзе, 1983.
11. Съезды народов Терека // Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1977. Т. I.
12. Труды 3-й сессии Терского областного съезда. Грозный, 1918.
13. *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России: записки белого партизана. М., 2004.

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.002

УДК 63(091) (571.13)

Д.В. КУЗНЕЦОВ

*кандидат исторических наук, доцент,
преподаватель Университетского колледжа
агробизнеса Омского государственного аграрного
университета имени П.А. Столыпина,
Россия, г. Омск*

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОЙ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ОПЫТНО-СЕЛЕКЦИОННОЙ СТАНЦИИ

В статье рассматривается история становления и деятельности Первой Западносибирской опытно-селекционной станции, заслуга создания которой принадлежит тобольскому агроному Н.Л. Скалозубову.

При рассмотрении данной темы автор стремился осветить следующие аспекты: 1) показать ту роль, которую сыграла эта станция в развитии агрономической мысли и культуры сибирского земледелия; 2) выявить значение ее создания как показателя уровня развития производительных сил сельского хозяйства и опытного дела в Зауралье; 3) на основании изученных фактов выявить отношение центральной и местной администрации к вопросу ее создания и тем самым дополнить существующие представления о политике правительственных сфер по отношению к культурному и экономическому развитию восточных окраин страны.

Ключевые слова: *инфраструктура сельскохозяйственного производства, достижения селекционной мысли, организационные формы агрономической службы Сибири.*

D.V. KUZNETSOV

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, teacher “Omsk State
Agrarian University named after P.A. Stolypin,
University College of agribusiness”,
Omsk, Russia*

FROM THE HISTORY OF CREATION AND ACTIVITY OF THE FIRST WEST SIBERIAN EXPERIMENTAL BREEDING STATION

The article deals with the history of the formation and activity of the first West Siberian breeding station, the merit of which belongs to Tobolsk agronomist N.L. Skalozubov.

When considering this topic, the author sought to highlight the following aspects: 1) to show the role played by this station in the development of agronomic thought and culture of Siberian agriculture; 2) to reveal the significance of its creation as an indicator of the level of development of productive forces of agriculture and experimental work Beyond the Urals; 3) on the basis of the facts studied, to reveal the attitude of the Central and local administration to the issue of its creation and thereby Supplement the existing ideas on the policy of government spheres in relation to the cultural and economic development of the Eastern suburbs of the country.

Key words: *infrastructure agricultural production, the achievements of a selection of ideas, practices, organizational forms of agricultural service Siberia.*

В связи с началом проведения самодержавием нового аграрного курса, выразившегося в переходе от запретительной политики к политике поддержки переселений и проведении землеустройства, остро стала ощущаться потребность в организации широкой и эффективной агротехнической и культурной помощи населению Сибири. Это было одно из важнейших направлений в деятельности администрации по созданию инфраструктуры сельскохозяйственного производства, призванных способствовать целенаправленному сельскохозяйственному освоению региона. Чтобы это освоение было полноценным, необходимо было создать оптимальные условия для обеспечения нормальной жизнедеятельности селившихся здесь крестьян. В этих целях был осуществлен ряд крупных мер, направленных на то, чтобы способствовать экономическому развитию крестьянских хозяйств и добиться позитивных сдвигов в аграрном производстве края.

В соответствии с указанными обстоятельствами, в данном исследовании ставится цель, которая состоит в том, чтобы дать характеристику деятельности, проводившейся представителями местной общественности в сфере создания оптимальных условий для сельскохозяйственного освоения и развития западносибирского региона.

* * *

Западная Сибирь по своим качественным почвенно-биологическим характеристикам с точки зрения степени плодородия почв и их эксплуатации обладала различными возможностями. Ее почвенные зоны начиная с севера, слагались следующим образом: 1) тундровые, 2) подзолистые, 3) черноземные, 4) каштановые, 5) бурые, 6) сероземные. Все эти виды почв постепенно сменяли друг друга. Кроме перечисленных почвенных зон в Западной Сибири в особенности по пониженным местам довольно широко распространены солонцы и солончаковые почвы, располагающиеся большими пятнами [3. С. 11, 17]. В естественном состоянии они неплодородны или малоплодородны поэтому для вовлечения их в сельскохозяйственное производство требуется проведение работ по повышению их плодородия путем гипсования и другие методы мелиорации [6. С. 92]. Наряду с этим, также широко распространены болотистые почвы, занимающие огромные площади и располагавшиеся в пониженных и переувлажненных местах [6. С. 89].

Разнообразие почвенных зон требовало их тщательного изучения, которое необходимо было произвести, в рамках реализации той масштабной аграрно-переселенческой политики, которую проводило самодержавие в данном регионе [7. С. 26-29; 2. С. 35].

Наряду с мероприятиями по выявлению и изучению почвенно-биологических условий усилиями местной администрации, а также общественных организаций и отдельных заинтересованных лиц велась активная работа и по другим направлениям сельскохозяйственного развития Западной Сибири [8. С. 96-166].

Одним из таких направлений была деятельность местных общественных организаций по выведению сортов различных продовольственных культур, способных давать высокие урожаи в экстремальных климатических условиях Западной Сибири. Правильный выбор сорта семян имел большое значение для местного хозяйства. Сорт, подходящий к условиям возделывания в известной местности, мог значительно увеличить урожаи хлеба, повысить качество соломы, зерна и муки и поднять как рыночную стоимость продукта, так и вообще доходность хозяйства. И наоборот, неудачно выбранный сорт семян не только понижал производительность земли и качества зерна, но и совсем мог иногда оставить хозяина без хлеба [14. С. 3].

Именно поэтому как в зарубежных странах, так и в европейской части России обращалось особое внимание на выведение и подбор местных

высокоурожайных сортов полевых и огородных растений. Для этого правительство, общественные и кооперативные организации учреждали особые селекционные станции, которые исследовали возможно большее количество сортов и образцов какого-нибудь хлеба, беспристрастно и правильно оценивали преимущество одного и недостатки другого, отбирали из них лучшие в том или другом отношении племенные экземпляры и путем длительной работы в этом направлении выводили из них сорта, особо ценные в плане урожайности, качества зерна и соломы и устойчивости против разного рода неблагоприятных условий засухи, заморозков, мги, вредных насекомых, грибковых болезней и пр.

На это затрачивались большие средства и благодаря этому были достигнуты уже выдающиеся результаты. Выведенные в Германии, Швеции, Франции и Америке новые сорта дали возможность сельским хозяевам этих стран значительно поднять урожайность и качество своих хлебов и огородных растений. Такие зарубежные сорта, как: овес – Шведский, Золотой Дождь, пробштейнский; пшеница пробштейнская, Гейне, Римпау, Шампанская, банатка; рожь – шланштедтская, петкуская, альпийская; капуста – брауншвейгская, эрфурская, болгарская; горох – английский, «Чудо Америки»; морковь – парижская, нантская, и многие другие, получили благодаря своим высоким качествам всемирную известность, и дошли до далекого сибирского края [14. С. 4].

Не меньшее значение имели и некоторые сорта, выведенные в европейской России, как например: овес – шатиловский, немерчанский, собешинский; пшеница – арнаутская, кубанка, немерчанская; огурцы – павловские, муромские, вязниковские, разные сорта картофеля, лука, капусты и пр. [14. С. 5].

К сожалению, привозимые в Сибирь из европейской России и зарубежных стран культурные сорта семян не подходили к суровому сибирскому климату и условиям хозяйства, поскольку они либо совсем не приживались здесь, либо очень скоро вырождались, теряли свои высокие качества и понижали урожайность. Малое количество дождей в течение осени и лета, частые весенние и осенние заморозки, суровая и малоснежная зима, короткое и знойное лето, почти повсеместная пораженность хлеба головней, плохая обработка земли и отсутствие удобрений – это те особые хозяйственные и климатические условия Сибири, которые или совершенно губили лучшие выписные и привозные сорта, или делали их крайне неустойчивыми. Эти условия требовали введения в Сибирь более чем где-либо в другом месте исключительно местных сортов, которые были бы более приспособлены к местному климату, почве и возделыванию и более устойчивы против неблагоприятных условий произрастания. Удачный подбор таких местных сортов давал возможность поднять урожайность сибирских хлебов и повысить доходность земли без особых затрат на удобрение, рабочую силу и обработку. Поэтому выведение и подбор местных сортов имел особенно важное значение для сельского хозяйства Сибири и Степного края.

Это ясно осознавали те немногие культурные хозяйства Сибири, которые хотели более правильно и прочно поставить у себя производство и разведение хороших семян. Считая невозможным вести серьезные семенные операции без предварительного изучения и выведения чисто местных сортов, они собственными средствами пытались разрешить вопросы селекции семян. В одном из таких хозяйств в течение 2 лет работал известный в Сибири агроном, бывший член Государственной думы Н.Л. Скалозубов, которым были достигнуты в этом отношении значительные результаты, давшие богатый материал для отбора наиболее урожайных и высококачественных пшениц и овсов.

Будучи назначенным на должность правительственного агронома в г. Тобольск в 1894 г. Н.Л. Скалозубов проявил себя не только как один из первых агрономов-практиков Сибири, но и как автор работ, в которых освещались и анализировались различные аспекты сельскохозяйственной жизни края [13].

Уже в следующем году после своего прибытия в Тобольск, Скалозубов организует в Кургане первую общегубернскую кустарную и сельскохозяйственную выставку, на которой были представлены продукты земледелия, животноводства, изделия крестьянской кустарной промышленности [9. С. 6-7]. Таким образом тобольский агроном стремился пробудить самосознание в народе, пробудить его хозяйственную инициативу, сформировать основы предпринимательской деятельности.

В декабре 1905 г. вместе с такими же как он прогрессивными деятелями Скалозубов созывает «Вольный крестьянский съезд», на котором делегаты приходят к выводу: что в таком обширном и богатом крае, как Сибирь земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. При этом государство должно помогать населению в развитии земледелия, животноводства, ремесленничества и получать всю прибыль, которую будет давать ему рационально организованное хозяйствование. Для этого необходимо сформировать в Сибири «мужицкое», а не барское земство [9. С. 7].

Большое значение в аграрном развитии края Скалозубов придавал сельскохозяйственному образованию населения. С этой целью он основал в Тобольске низшее сельскохозяйственное училище, которое стало не только учебным, но и просветительским центром в Зауралье, разработавшим научные основы организации и развития местного земледелия и животноводства. Большое внимание уделял он и проведению курсов по отдельным отраслям сельского хозяйства. Этот прогрессивный метод обучения, внедряемый Н.Л. Скалозубовым, дал возможность расширить контингент учащихся (вне зависимости от их образовательного и возрастного ценза). При этом «пути развития сельскохозяйственной практики на обширных сибирских пространствах были весьма отличны от европейских опытных станций. В Сибири в первую очередь изучались вопросы улучшения режима питания растений, создания лучших условий почвенного плодородия и его

сохранения, их подбора (по эффективности реакции на внешние условия, такие как почва, погода, сроки сева и т.д.)» [9. С. 250].

Как считал Скалозубов, сибирское сельское хозяйство с конца восьмидесятих годов XIX века за последующие 25 лет, испытало колоссальные перемены, которые имели как позитивный, так и негативный характер. Проведение самой большой по протяженности железной дороги, внедрение значительных масс переселенцев привело не только к громадному увеличению распашки сибирских земель, но и к частым голодовкам, периодически повторяющимся в неурожайные годы. Все это не могло не нарушить равновесия, установившегося за долгие годы между разными сортами культурных растений. При этом, в одних случаях происходило вытеснение местных сортов пришлыми, в других – вытеснение благородных твердых пшениц (например, «кубанок») мягкими.

В результате этого в Западной Сибири возникло большое разнообразие сортов, хлебов вообще, в частности пшениц, из которых ни одна в отдельности по-настоящему не была изучена и оценена. В силу этого, полагал Скалозубов, было бы преждевременно заниматься организацией семенных хозяйств, не пройдя предварительных стадий изучения местных и пришлых сортов хлебов [10. С. 4].

В связи с этим, основными вехами на пути выведения посевного материала, по мнению тобольского агронома, должны были стать следующие меры:

1. Изучение сортов, возделываемых в Западной Сибири хлебов, и прежде всего пшеницы, как со стороны их хозяйственных свойств – урожайности, стойкости по отношению к заболеваниям, качества соломы, скороспелости и пр., так и со стороны технических свойств зерна. В этих целях со стороны правительственных губернских органов должно быть оказано содействие местным агрономическим структурам в плане организации мер по созданию опытно-селекционных учреждений.

2. Изучение в местных условиях, предполагаемых рынком чистых сортов культурных растений, с целью подбора сортов, наиболее отвечающих местным требованиям и наиболее урожайных. Содействие в этих целях со стороны заинтересованных органов организации коллективных опытов по сортоиспытанию.

3. Широкая популяризация результатов новейших исследований в области племенного растениеводства, и в частности, понятия о племенных свойствах семян и значении благородных сортов растений в определении величины и качества урожая.

Ввиду этих соображений Скалозубов считал насущно необходимым решить вопрос о постановке коллективных опытов по сортоиспытанию [10. С. 5].

Правильную организацию таких опытов Скалозубов увязывал с необходимостью учреждения в Западной Сибири сельскохозяйственной опытной станции для постоянного исследования потребностей и нужд

местного земледелия. «После единовременного, сплошного изучения естественноисторических условий юга губернии – писал Скалозубов в своей записке Куломзину, – чтобы работы не остались только академическим трудом, чтобы основать на них практические мероприятия, было бы крайне необходимо учреждение хорошо научно обставленной опытной станции с опытным при ней полем и фермой. Задача опытной станции, находящейся в заведовании естествоиспытателя, организовать и вести периодические наблюдения над природой страны с целью подметить, в конце концов, закономерности в естественно-исторических явлениях и предсказать эти явления» [13. Л. 5об-6].

В дальнейшем идея создания опытной станции была развита Скалозубовым в статье, опубликованной в 1903 г. В ней давалось более широкое и четкое обоснование того, «какие проблемы сельскохозяйственного производства могут быть решены путем экспедиционных и анкетных обследований и какие требуют более основательного и постоянного изучения. Ко второй группе были отнесены вопросы коренного улучшения местного земледелия, такие, как применение удобрений, борьба с вредными насекомыми, улучшение сортового состава культивируемых растений и т.п. Именно решение этой группы проблем, по мнению Скалозубова, и вызывало необходимость создания опытной станции» [12. С. 296].

Реальное открытие станции состоялось в 1913 году в имении Петровка, принадлежавшем крупному местному землевладельцу Л.Д. Смолину (Курганский уезд). С этого времени основное место в деятельности Н.Л. Скалозубова на станции занимала работа по созданию сортов пшеницы, приспособленных к местным природно-климатическим условиям. Как указывал впоследствии сам Скалозубов, одна из основных проблем, с которой он столкнулся в своих исследованиях, это проблема оптимального подбора различных сортов зерновых культур и улучшения их качественного состава. При одних и тех же условиях почвы и климата, при одном и том же уходе за почвой, одни сорта давали лучшие урожаи, другие худшие. На протяжении двух лет им велись сравнительные испытания сортов пшеницы и овса, при котором рядом, на одной и той же почве, при одних и тех же условиях обработки, посева и уборки выращивались сравниваемые сорта [11. С. 11]. Из наблюдений, полученных в ходе этих испытаний становилось ясным значение внедрения в хозяйстве таких сортов каждого хлеба, которые при одних и тех же затратах труда давали бы лучшие результаты. Отсюда же был понятен и тот интерес к улучшению разных сортов, который к тому времени возник у местного населения. Об этом свидетельствовали все отчеты местных сельскохозяйственных обществ, выделяющих средства на приобретение новых сортов для опытов или даже пытающихся завести семенные участки для репродукции выписных семян.

Так, по свидетельству Скалозубова, Омский отдел Московского общества сельского хозяйства «поставил себе целью организовать коллективные

опыты по испытанию сортов озимой пшеницы, а агрономические организации Сибирского Казачьего войска уже приступили к постановке опытов по сортоиспытанию озимой пшеницы» [11. С. 11].

Следствием работы Скалозубова, проводившейся им на селекционной опытно-испытательной станции, стало появление высокоурожайных и высококачественных по своим физико-химическим свойствам, приспособленных к местным условиям сортов.

Один их сибирских агрономов, близко знакомый с опытными работами в Петровском, писал, что Скалозубов поставил в нем сортоиспытание «с предельной точностью». По мнению В.М. Суринова, «такая оценка вполне оправдывалась тем комплексом приемов, которые использовались в хозяйстве. Скалозубов был хорошо знаком с новейшими научными достижениями селекционной мысли и умело их использовал в практической деятельности» [12. С. 311]. При изучении результатов опыта он старался максимально нивелировать причины, вызывающие отклонения от нормального течения опыта. Им детально фиксировались и арифметически высчитывались размеры просевов и выпадения растений и делались соответствующие перерасчеты на целую делянку. При посевах учитывались агрофон участка, его этномофауна и сорная растительность.

Помимо этого, велась работа по выведению высококачественных сортов кормовых трав, огородных растений, а также испытанию орудий, используемых в селекционных целях [12. С. 305, 306, 310, 315]. «В практической проверке добытых данных он видел путь для постановки новых и уточнения проведенных опытов. Эта проверка мыслилась им как средство научного ознакомления широких кругов крестьянства с результатом работ станции. Для этой цели он считал необходимым организовать коллективные опыты, создать постоянно действующий институт крестьян-опытников... Проверка семян системой коллективных опытов должна была, по мнению Скалозубова, установить тот район, куда хозяйство может их поставлять» [12. С. 315].

Большая работа велась Скалозубовым и в области животноводства. С помощью анкетных опросов он выясняет режим ухода за скотом в крестьянских хозяйствах Ишимского, Курганского, Тарского и Тюкалинского уездов и методы его кормления [13. Л. 17]. Результаты этого опроса после соответствующей обработки могли быть использованы для выработки рекомендаций, способных содействовать поиску путей правильного содержания скота и получения его улучшенных пород в местных условиях.

«Деятельность станции широко популяризировалась, публиковались статьи, отчеты о работе в целом и по отдельным темам. Удачные опыты станции в значительной мере облегчили эту задачу. Местные крестьяне, общественные деятели, и агрономы постоянно проявляли интерес к деятельности станции. Наплыв желающих, особенно крестьян из соседних волостей ознакомиться с работой станции был настолько велик, что ее руководители

были вынуждены установить специальные дни и часы посещений. ...Были сделаны попытки внедрить результаты работ станции в местное сельскохозяйственное производство. Но широкой производственной проверки рекомендаций станции в условиях дореволюционной России Скалозубову организовать не удалось» [12. С. 317]. В феврале 1915 года Скалозубов внезапно умер от тифа. С его смертью вся работа на Петровской опытной селекционной станции фактически была прекращена.

Неожиданная смерть Н.Л. Скалозубова остро поставила вопрос о дальнейшей судьбе этой в высокой степени полезной и нужной работе. Для лиц и учреждений, которые сознавали всю важность и полезность работы Скалозубова была совершенно очевидна необходимость немедленного продолжения его селекционных работ в целях сохранения и использования полученных результатов.

Так взглянул на это дело и краевой сельскохозяйственный и кооперативный съезд, состоявшийся в январе 1916 года в г. Омске. Съезд в частности постановил немедленно приступить к продолжению селекционных работ Н.Л. Скалозубова и к устройству опытно-селекционной станции для выведения урожайных и высококачественных сортов зерновых культур и прочих полевых растений, адаптированных к экстремальным условиям Западной Сибири и Степного края [14. С. 7]. При определении основных задач станции съезд признал необходимым создать следующие ее отделы: 1) Полеводства, 2) Селекции, 3) Почвоведения, 4) Метеорологии, 5) Гидротехнический, 6) Животноводства, 7) Агрономической статистики [5. С. 455].

Обязанности по организации работы станции Съезд возложил на Омский отдел Московского общества сельского хозяйства, который к тому времени накопил большой опыт в разведении улучшенных сортов сельскохозяйственных культур [10. С. 317; 4. Л. 123об-124]. Омский отдел принял на себя все зависящие от него меры к выполнению постановления Съезда. Весной и летом того же 1916 года Омским отделом уже велись селекционные работы на временном участке при Омском среднем сельскохозяйственном училище при участии сына Н.Л. Скалозубова – под наблюдением особой комиссии, председателем которой был директор училища П.Н. Пловдовский [14. С. 7].

По ходатайству Омского отдела Переселенческое управление отвело участок земли размером 1087 дес. близ разъезда Горькое, под устройство на нем постоянной селекционной станции и семенного хозяйства. Департамент земледелия ассигновал на ведение работ 9000 р. в 1916 г. и обещал ассигновать не меньше этой же суммы в следующем году. Общее собрание отдела, состоявшееся в октябре 1916 г. постановило ассигновать на устройство станции и хозяйства при ней 10000 р [1]. К тому времени в Омске уже существовала организованная Отделом в 1914 г. первая в Сибири семенная контрольно-испытательная станция.

В январе 1917 года, состоялось очередное заседание Омского отдела МОСХ, на котором известный в тот период знаток сельского хозяйства Западной Сибири В. Берг выступил с докладом о том, как должны вестись подготовительные работы по организации селекционной станции, названной именем Н.Л. Скалозубова. Берг считал, что поскольку Н.Л. Скалозубов начал свою селекционную работу с изучения сортов Тобольской губернии, то, в основу будущих работ селекционной станции необходимо положить дальнейшее обследование культурной сельскохозяйственной флоры района и изучение местных сортов. Также селекционной станции, по мнению докладчика «необходимо наметить в самых общих чертах район распространения своей деятельности. Для этого необходимо собрать и систематизировать те немногие отрывочные метеорологические данные, которые имеются сейчас на многочисленных метеорологических наблюдательных пунктах, существующих в Тобольской губернии, Акмолинской и Тургайской областях».

Кроме этой главной цели, полагал докладчик, систематизация метеорологических данных еще необходима для непосредственного сортоизучения, поскольку изучая собранные из разных районов образцы стационарным способом и подмечая те или иные особенности, обязательно нужно ставить эти особенности в связь с метеорологическими особенностями той местности, откуда эти сорта получены.

Главное внимание при выведении новых сортов, по мнению Берга, следует обращать на их урожайность, которая определяется в конкурсном сортоиспытании, ведущемся в полевых условиях. В связи с этим Берг описал технологию изучения условий, влияющих на урожайность [1]. «Урожайность сортов определяется в конкурсном сортоиспытании, которое обязательно должно вестись в условиях полевой культуры. При постановке полевых опытов мы изучаем всевозможные условия, влияющие на урожай сельскохозяйственных растений. При оценке тех или других условий мы сравниваем урожаи, полученные при этих условиях. При сортоиспытании мы изучаем производительность сортов. Для правильной оценки необходимо, чтобы все изучаемые условия были одинаковы на данной земельной площади, дабы результаты действительно выражали сортовые особенности, а не неоднородность почвенных условий земельной площади, на которой велось сортоиспытание.

Из сказанного становится ясным необходимость разведочных посевов, а также и их задачи, заключающиеся в выяснении неоднородности земельной площади по влиянию на урожай растений и в зависимости от неоднородности площади установить, какой величины и формы должна быть делянка и сколько раз она должна повторяться, чтобы получить надежные результаты, дающие верный ответ с известной точностью на поставленный вопрос о производительности тех или других сортов» [1].

Впоследствии, на основе материалов Скалозубова, дополненных затем местным отделом, в Омске после революции была создана западносибирская опытная станция, позднее переименованная в Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (СибНИИСХоз) [12. С. 318].

* * *

В целом необходимо особо подчеркнуть, что значение Петровской станции, созданной и работавшей под непосредственным руководством и при живейшем и активнейшем участии Н.Л. Скалозубова, было довольно велико. Оно определялось, во-первых, тем, что хозяйство положило начало развитию селекции как отрасли сельского хозяйства и серьезно изменило организационные формы агрономической службы в Сибири, во-вторых, тем «последствием», которое оно оказало на развитие производительных сил сельского хозяйства и на формирование основных направлений опытного и селекционного дела в восточных районах страны. При проведении селекционного процесса широко применялись машины, делались попытки их улучшения применительно к целям хозяйства, предприятие было оборудовано лабораторными приборами и работало в теснейшем контакте с массовым сельскохозяйственным производством. Все это вместе взятое дает нам основание считать, что в Сибири в начале XX века произошло выделение новой отрасли капиталистического сельского хозяйства – селекции, в широком смысле семеноводства. Это обстоятельство было показателем определенного уровня производительных сил сельского хозяйства Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Берг Л.С.* О подготовительных работах по организации селекционной станции им. Н.Л. Скалозубова. Доклад, читанный в комиссии по продолжению работ Н.Л. Скалозубова в заседании 4 января 1917 г. // Труды ООМОСХ. Омск: Изд-е ООМОСХ, 1917. Вып. 1.
2. *Бондаренко С.И.* К вопросу о переселенческой политике П.А. Столыпина и ее значении для социально-экономического развития Сибири и Алтая // Аграрная наука – сельскому хозяйству. Барнаул, 2010. Кн. 1.
3. *Глинка К.Д.* Почвы // Азиатская Россия. Земля и хозяйство. СПб.: Изд-е Перес. упр. Главное Управление землеустройства и земледелия, 1914. Т. II.
4. Государственный архив Омской области. Ф. 119. Омский Отдел Московского общества сельского хозяйства. 1900-1918 гг.
5. Заседания секции полеводства. (Подсекции по опытному и семенному делу и селекционной станции). Протокол 14-го заседания // Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда в г. Омске 2-12 января 1916 года. Изд-е Омского отдела МОСХ. Художественная типография.
6. Иртышский вертоград. Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи. М.: Академия Поэзии, Изд-во «Московский писатель», 1998.

7. Кузнецов Д.В. Организация почвенно-ботанических исследований в Среднем Прииртышье в конце XIX – начале XX вв. // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126).

8. Кузнецов Д.В. Формирование основных отраслей инфраструктуры сельского хозяйства в Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Омск: И.Д. «Наука», 2018.

9. Макарова Н. Жду подвига от Вас. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1976.

10. Скалозубов Н.Л. К вопросу об улучшении качества сибирских хлебов. Доклад Н.Л. Скалозубова и Л.Д. Смолина Агрономическому съезду Акмолинской области // Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Ежемесячный журнал. 1914. № 10-12.

11. Скалозубов Н.Л. Об организации коллективных опытов по сортоиспытанию. (Сообщение из семенного хозяйства Л.Д. Смолина и Н.Л. Скалозубова) // Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Ежемесячный журнал. 1914. № 10-12.

12. Суринов В.М. Из истории создания и деятельности первой Западно-Сибирской селекционной станции // Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. М.: Наука, 1969.

13. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Фонд 147. Губернский агроном Н.Л. Скалозубов (личный фонд 1891-1917).

14. Федоровский В.А. К устройству селекционной станции имени Н.Л. Скалозубова; (обращение к сельским хозяевам, кооперативам и всем деятелям сельского хозяйства в Сибири). Омск, 1916.

15. Чедурова Е.М. Развитие агрономической службы в Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2009. Т. 2. № 4.

«ВВЕДЕНИЕ К УЛОЖЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЕКТА

В статье представлен обзор исследований посвященных деятельности М.М. Сперанского над составлением плана государственного преобразования России. Авторская концепция заключается в обосновании главного замысла М.М. Сперанского – в поступательном реформировании института власти и создании гражданского общества.

Ключевые слова: Уложение, манифест, правовая система, реформатор, государственность, гражданское общество, конституционные законы.

S.V. OSIPENKO

*Associate Professor of Military
administration Military University of the Ministry
of Defense (VUMO RF), Moscow, Russia*

“INTRODUCTION TO THE CODE OF STATE LAWS”: HISTORICAL CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL PROJECT RESEARCH

The article presents a review of studies on the activities of M.M. Speransky over drawing up a plan for the state transformation of Russia. The author's concept is to justify the main idea of M.M. Speransky – in the progressive reform of the institution of power and the creation of civil society.

Key words: Code, Manifesto, legal system, reformer, statehood, civil society, constitutional laws.

Проект «Введение к Уложению государственных законов» является объектом пристального внимания как дореволюционных, так и современных исследователей и не раз подвергался неоднозначной оценке в научной ли-

тературе. Имеющиеся исследования «Введения ...» [18] (1) столь разнообразны в оценке, что представляют спектр различных точек зрения, для того чтобы уточнить эти нюансы мы обратимся к историографии.

Сведения о законотворческой деятельности реформатора появились в печати лишь в 1847 г. Н.И. Тургенев в приложении к изданию «Россия и русские» поместил «несколько выдержек» из проекта реформатора (2). Эти фрагменты в течение нескольких десятилетий были единственным источником для исследований проекта 1809 г. В своей публикации Тургенев, характеризует реформатора, с одной стороны, как представителя передовых идей своего времени, попытавшегося установить представительную форму правления в России, подражая реформам Наполеона во Франции [14. Л. 2-3], и с долей иронии, возможность реализации главного замысла – идеи разделения властей. Позже, в «Замечаниях на книгу М.А. Корфа» (1862) Н.И. Тургенев оценивает проект 1809 г. как бюрократическую попытку, с помощью которой Сперанский планировал усовершенствовать систему государственных учреждений [15. Л. 13]. Тургенев, не располагая значительной частью информации о содержании документа реформатора, составил свое представление о проекте 1809 г., не учитывая самого главного, – того, что весь замысел этого грандиозного проекта был ориентирован на решение вопросов государственного устройства и развития общества. В дальнейшем, когда стали известны и другие редакции проекта, В.И. Семевский и С.Н. Валк доказали, что такого рода разночтения в публикации Тургенева по вопросу разделения властей были произвольно «скомпонованы» автором.

М.А. Корф сыграл важную роль в формировании образа политика – реформатора М.М. Сперанского, инициатора реформ 1802-1811 гг. и активного участника политических процессах первой половины XIX в. [9. С. 110-113] (3), который когда-нибудь займет «важную страницу в истории России и биографии императора Александра I». На книгу М.А. Корфа незамедлительно последовали публикации различного толка. Н.Г. Чернышевский в своей рецензии «Русский реформатор» с долей иронии отметил нежелание М.А. Корфа ознакомить общественность с либеральным планом реформ Сперанского. В рецензии критика отдельных фрагментов плана является косвенным свидетельством о личном прочтении Чернышевским частей проекта «Введения». В переписке за 1856 г. и в романе «Что делать?» писатель дает высокую оценку деятельности Сперанского в первый период правления Александра I и отмечает, что слабость и трагедия как реформатора заключена в его отказе от борьбы после 1812 г. [25].

Опубликованные Н.И. Тургеневым «несколько выдержек» из проекта 1809 г. были введены в оборот русской исторической литературы историком А.Н. Пыпиным в 1870-1871 гг., в его известном труде «Общественное движение в России при Александре I» [17. С. 150-172]. Пыпин оценил проект 1809 г. как стремление реформатора реализовать идеи Великих французских просветителей в России.

В 1877 г. в Рукописное отделение Публичной библиотеки Петербурга поступило собрание документов из архива сенатора К.Г. Репинского. В числе поступивших оказался черновой вариант записки «Введение к Уложению государственных законов» с правкой Сперанского. Заведующему рукописным отделением библиотеки А.Ф. Бычкову, в силу сложившихся обстоятельств, удалось составить только подробную опись всех рукописей К.Г. Репинского поместив ее в «Отчете публичной библиотеки за 1877 г.», благодаря опубликованию в столь солидном издании проект стал предметом научных исследований. Так, уже в 1879 г. известный историк русского права В.И. Сергеевич цитировал некоторые положения проекта 1809 г. в своей работе (4).

В 80-х гг. XIX в. В.О. Ключевский, исследовав текст публикации Н.И. Тургенева (1848), оценил его как авторскую попытку «воссоздать» проект Сперанского на основании компиляции проектов 1802 и 1809 гг. [6. С. 182-185]. В результате тщательного изучения и анализа основного замысла реформатора – проекта 1809 г., Ключевский пришел к выводу, что проект не соответствовал «уровню действительных потребностей и наличных средств России» и духу времени. Историк соглашается с реформатором в способах и методах реализации замысла, в частности о легитимном статусе реформ, без каких-либо политических потрясений, отмечает дальновидность и глубину замысла проекта, значение его деятельности для последующего развития государства. Здесь уместно привести точку зрения классика русской литературы Ф.М. Достоевского, сравнившего проекты Сперанского с аналогичными преобразованиями Петра I в начале XVIII в. [2. С. 193; 3. С. 267; 4. С. 241].

Профессор Демидовского юридического лица В.Г. Щеглов в публикации о Государственном совете (1892) впервые представил текст рукописи из собрания К.Г. Репинского. Сопоставив содержание имеющихся вариантов записки, он пришел к выводу, что тургеневский текст – это текст одной из редакций плана 1809 г. (к сожалению, профессор не воспользовался еще одной копией рукописи «Введения», которую он обнаружил в делах Комитета 6 декабря 1826 г. В силу данного обстоятельства его исследование осталось без внимания) [27. С. 828].

Следующая публикация «Введения» была осуществлена историком Н.К. Шильдером в приложении к монографии об Александре I [26. С. 372-394]. Как указывает В.И. Семевский, здесь автор допустил ряд ошибок, так как проект 1809 г. был издан «не по подлинной (хотя и черновой) рукописи хранящейся в Публичной библиотеке, а по весьма неисправному списку с искажающими смысл ошибками», к тому же «с опущением весьма важных мест» [19]. По мнению С.Н. Валка, в распоряжении Н.К. Шильдера были самая ранняя и самая поздняя редакции «Введения».

Исследование этой версии проекта Шильдера продолжил С.М. Середонин [22. С. 197-198]. Ряд разночтений позволил С.М. Середонину прийти к выводу, что Н.К. Шильдер имел в своем распоряжении несколько вариантов. Середонин оценил проект 1809 г. как результат компиляции «лоскутков»

политической литературы и французских кодексов и конституций, копий идей мыслителей эпохи Просвещения.

Историк В.И. Семевский обнаружил разрозненные фрагменты документов свидетельствующие о происхождении опубликованных Н.И. Тургеневым выдержек [24] из «Введения» 1809 г. На основании анализа этих частей приходит к выводу, что Тургенев, руководствуясь содержанием одного из вариантов (или даже фрагментов) «Введения», упрекал Сперанского в недальновидности, в нежелании решить главный вопрос для России – «уничтожение рабства», крепостного права. Для опровержения В.И. Семевский использовал основные положения обнаруженного им варианта проекта, а именно, части о немедленном установлении личной свободы крестьян. Но, в конечном итоге, по неустановленной историком причине этот фрагмент не вошел в окончательный вариант утвержденного императором проекта (возможно, по распоряжению Александра I). Изучение зачеркнутых частей текста рукописей Сперанского, тщательный анализ их содержания для более точного воспроизведения замысла автора являются, несомненно, основанием и для последующих научных исследований. Публикация «Введения...» по тексту рукописи из Публичной библиотеки была осуществлена В.И. Семевским вместе с рукописным материалом – набросками, воспроизводившими первоначальный замысел «Введения» [19].

В 1906 г. В.И. Семевский в Библиотеке Академии наук, среди документов семейного архива братьев Тургеневых обнаружил еще одну – «другую» часть «выдержек» из проекта Сперанского, опубликованных Н.И. Тургеневым. Анализ содержания этой части позволил ему установить время написания этого документа – 1802 г. [20; 21. С. 174-178], а позже были обнаружены и копии этой записки. Так, что версия о компиляции публикации проекта 1809 г. Тургеневым еще раз получила научное обоснование и документальное подтверждение.

Сперанский значительное количество документов составлял по заказу высокопоставленных чиновников и вполне обосновано предположение, что содержание этих документов отражало не только взгляды самого автора, но видение этой проблемы заказчиком (5. С. 39-46). Актуализировал этот вопрос М.М. Сафонов, доказав, что автором текста «выдержек» из публикации Тургенева является В.А. Зубов, а Сперанский только редактором этих записей по личной просьбе автора (В.А. Зубова). В бумагах Сперанского была обнаружена и записка председателя комиссии 1802 г. П.В. Завадовского о деятельности и планах комиссии [10. С. 25].

В предисловии «Исторические записки» (1961) [1. С. 464-472] С.Н. Валк обращает внимание на неправомерность буквального и однозначного прочтения не только проекта «Введения», но и других записей Сперанского. Для более достоверного понимания замысла автора следовало бы обратиться к изучению заметок и черновиков рукописей, частично опубликованных исследователями, а также к изучению фондов личного архива реформатора.

В фонде Комитета 6 декабря 1826 г. С.Н. Валком [1. С. 464-472] был обнаружен экземпляр «Введения» с пометками Александра I. Некоторые пометки Александра I свидетельствуют о том, что данный проект был воспринят императором как попытка введения конституционного республиканского устройства [26. С. 515]. Следует напомнить, что Сперанский, на тот момент, работал над заданием императора – разработкой плана реформ государственного устройства (из пермского письма Александру I). Инициатором составления программы государственных преобразований был сам государь, а Сперанский выступал в роли исполнителя монаршей воли и по сути проект 1809 г. представляет «систематическое расположение» [26. С. 515] идей, занимавших императора с 1801 г.

Во второй половине XX в. на основе традиций дореволюционной либеральной историографии сложилась еще одна точка зрения относительно содержания замысла реформатора, суть которой заключается в следующем. В проекте «Введение к Уложению...», опираясь на зарубежный либеральный опыт, Сперанский пытался реализовать основные элементы конституционной монархии в интересах формирующейся буржуазии (таково мнение В.А. Корнилова, В.Н. Калягина, С.А. Мальцева, С.В. Мироненко [13], А.Н. Медушевского и Ю.С. Пивоварова; к этому мнению, но с оговорками склоняется и Н.В. Минаева) [11; 12]. С.В. Мироненко отмечает соавторство Сперанского и Александра I в разработке плана реформ изложенного во «Введении». Без санкции императора Сперанский никогда бы не решился на реализацию столь радикального замысла по преобразованию крепостнического русского абсолютизма в буржуазную монархию. Основу замысла Сперанского представляли преобразования всех сторон государственного устройства, в первую очередь, разделение властей, введение политических и гражданских прав, выборного начала. Сперанский как дальновидный политик был уверен в «неизбежности будущего развития России по буржуазному пути», но верховная власть оказалась не в состоянии провести коренные реформы, которые явно назрели.

В ряде публикаций, посвященных М.М. Сперанскому, В.А. Корнилов обосновывает степень «родства» политического замысла реформатора с аналогами западноевропейских стран, и, исходя из этого, исследователь утверждает, что категории свободы и собственности были основополагающими в проектах Сперанского 1802-1809 гг. [7; 8]. В свою очередь, М.Н. Покровский в курсе лекций «Истории России в XIX веке» в разделе, посвященном эпохе императора Александра I, замысел политических преобразований Сперанского 1809 г., оценивает как вариант конституции [16].

В статье «Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель» Б.И. Сыромятников определил замысел «Введения» как плод политических «рассуждений» и мечтаний Сперанского [23], но ни в коем случае не как политический проект преобразования государственного

устройства империи. В исследовании «Политические взгляды М.М. Сперанского» В.Н. Калягин определяет «Введение» как «программу преобразований, рассчитанную на много лет или даже десятилетий и потому содержащую лишь основные принципы, основания предполагаемых реформ» [5. С. 33], но ни в коем случае как план преобразования государственного устройства России. Такого рода утверждение позволяет автору объяснить факт исключения Сперанским целого ряда реформ из окончательного варианта проекта 1809 г., изначально предполагавшихся после учреждения Государственного совета, в частности, проведение судебной реформы, организацию законодательных органов и думы. Проект Сперанского не лишен противоречий, но следует отметить его идею, главный замысел – реформирование института власти, с целью создания гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В качестве приложения к проекту реформатор составил «Проект уложения государственных законов», «Краткое начертание государственного образования» и «Общее обозрение всех преобразований и распределение их во времени».

(2) В 1860 г. сенатор К.Г. Репнинский писал, что с содержанием текста записки 1809 г. были знакомы – император, кн. А.Н. Голицин, П.С. Молчанов, Н.И. Тургенев и два секретаря-переписчика // См.: Журнал Комиссии составления законов о поручении члену Комиссии тайному советнику Н.И. Тургеневу принять по описи документы Комиссии, находящиеся у М.М. Сперанского (22 мая 1812 г.) // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 913; Ф. 637. Д. 859.

(3) Корф в письме А.Ф. Бычкову в 1863 г. писал, что сознательно не слал «воскрешать» «утопические планы» М.М. Сперанского о том времени, когда была надежда осуществить эти «несбыточные» конституционные мечты // Русская старина. 1902. Т. 109.

(4) Краткое изложение В.И. Сергеевичем проекта 1809 г. в своей публикации можно объяснить цензурными соображениями. В 1876 г. когда в «Русской старине» были опубликованы документы об аресте и высылке М.М. Сперанского в 1812 г., то сразу же было начато расследование об источнике информации / Сергеевич В.И. Государство и право в истории // Сборник государственных знаний. СПб., 1879. Т. УП.

(5) Мнение гр. А.Р. Воронцова по вопросу о преобразовании Сената, изложенное в записке 1802 г. и сохранившаяся в Воронцовском архиве. Как показали исследования ее составителем был М.М. Сперанский, на тот момент, не достигший еще высокого положения // Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. I. Ч. I.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Валк С.Н. Законодательные проекты М.М. Сперанского в печати и в рукописях // Исторические записки. М., 1955. Т. 54.

2. Достоевский Ф.М. ПСС. М., 1979. Т. 19, 20.
3. Достоевский Ф.М. ПСС. М., 1980. Т. 21.
4. Достоевский Ф.М. ПСС. М., 1982. Т. 24.
5. Калягин В.Н. Политические взгляды М.М. Сперанского. Саратов, 1973.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Пб., 1921. Ч. V.
7. Корнилов В.А. М.М. Сперанский – генерал-губернатор Сибири // Политика царизма в Сибири в XIX-XX вв. Иркутск, 1987.
8. Корнилов В.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905.
9. Корф М.А. Жизнь гр. Сперанского. СПб., 1861. Т. I.
10. Майков П.М. Второе отделение Собственной е. и. в. канцелярии // Исторический очерк (1826-1882). СПб., 1902.
11. Минаева Н.В. Правительственная конституция и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.
12. Минаева Н.В. Политические идеи Сперанского, Карамзина и Пестеля. М., 1983.
13. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
14. ОР ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2544.
15. ОР ИРЛИ. Ф. 309. Оп. 2. Д. 1120.
16. Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX веке. Т. I. Б. м., б. г.
17. Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908.
18. РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 746.
19. Семевский В.И. Проект уложения государственных законов // Историческое обозрение. СПб., 1899. Т. X.
20. Семевский В.И. Первый политический трактат Сперанского // Русское богатство. 1907. № 1.
21. Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования имп. Александра I. В кн. Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. II.
22. Середонин С.М. М.М. Сперанский // Русский биографический словарь. Т. «Смеловский-Суворин». СПб., 1909.
23. Сыромятников Б.И. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3.
24. Тургенев Н.И. Россия и русские: Воспоминания изгнанника. 1915.
25. Чернышевский Н.Г. ПСС. М., 1950. Т. V, VI, VII, XI, XIV.
26. Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3.
27. Щеглов В.Г. Государственный Совет в России, в особенности в царствование императора Александра I. Ярославль, 1892.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ПОТЕРЯХ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА В РЕЗУЛЬТАТЕ ДЕПОРТАЦИИ 1944 ГОДА

Статья посвящена малоисследованному аспекту депортации чеченцев и ингушей, имевшей место в феврале 1944 г., а именно культурным потерям чеченского народа в результате этой акции. Автор не претендует на полное раскрытие темы, как ввиду ее общей малой исследованности, так и по причине недостаточной источниковой базы. Тем не менее, предпринята попытка создать довольно полное представление о характере и масштабах основных культурных потерь, которые понес чеченский народ в результате депортации. В частности, полностью прервался процесс становления национального профессионального искусства, которое до депортации было представлено Чечено-Ингушским драматическим театром, танцевальным ансамблем, оркестром национальных инструментов.

Депортация привела также к прекращению книгоиздательства и вообще любой печатной деятельности на чеченском и ингушском языках, а также уничтожению большого количества национальной литературы, выпущенной ранее. Особенно тяжелым ударом для чеченской культуры стала утрата рукописных книг, по большей части религиозно-философского содержания, а также исторических хроник-летописей.

Отмечается, что вплоть до возобновления книгоиздания на чеченском языке в 1955 г., среди наиболее образованной части чеченского общества имела хождение рукописная книга в виде списков отдельных произведений как религиозного, так и светского содержания.

Депортация ограничила сферу применения чеченского языка в семейно-бытовой сфере, полностью исключив его использование в общественной и социально-культурной сферах. Прекратила существование национальная школа. Таким образом, выселение чеченцев и ингушей перечеркнуло многие достижения «культурной революции», достигнутые за предыдущие двадцать с лишним лет советской власти. Тем не менее, несмотря на усиление процесса культурных заимствований, чеченское общество сохранило основные ценности традиционной национальной культуры, что обеспечило ему высокую степень культурного единства.

Ключевые слова: Чечено-Ингушетия, чеченская народная культура, национальное искусство, депортация, рукописные книги, личные и публичные библиотеки, книжный фонд.

M.K. OSMAEV

*Candidate of economic Sciences,
associate Professor of the Chechen state
University, Grozny, Chechen Republic, Russia*

ON THE ISSUE OF THE CULTURAL LOSSES OF THE CHECHEN PEOPLE AS A RESULT OF THE DEPORTATION OF 1944

The article is devoted to a little-studied aspect of the deportation of Chechens and Ingush people that took place in February 1944, namely the cultural losses of the Chechen people as a result of this action. The author does not claim to fully disclose the topic, both because of its General lack of research, and because of the insufficient source base. Nevertheless, an attempt has been made to create a fairly complete picture of the nature and extent of the main cultural losses suffered by the Chechen people as a result of deportation. In particular, the process of formation of the national professional art, which before the deportation was represented by the Chechen-Ingush drama theater, dance ensemble, and orchestra of national instruments, was completely interrupted.

The deportation also led to the complete cessation of book publishing and all printing activities in the Chechen and Ingush languages, as well as the destruction of a large number of national literature published earlier. The loss of handwritten books, mostly of religious and philosophical content, as well as historical Chronicles-Chronicles of individual surnames, types and villages-was a particularly heavy blow to Chechen culture.

It is noted that until the resumption of book publishing in the Chechen language in 1955, a handwritten book in the form of lists of individual works of both religious and secular content was in circulation among the most educated part of Chechen society.

The deportation restricted the use of the Chechen language in the family and household sphere, completely excluding its use in public and socio-cultural spheres. The national school ceased to exist and never recovered. Thus, the eviction of Chechens and Ingush people negated many of the achievements of the "cultural revolution" that had been achieved during the previous twenty-plus years of Soviet power.

Nevertheless, despite the strengthening of the process of cultural borrowing, Chechen society has preserved the basic values of traditional national culture, which has provided it with a high degree of cultural unity.

Key word: *Chechen-Ingushetia, Chechen folk culture, Chechen art, deportation, national book publishing, handwritten books, book publishing, personal and public libraries, book Fund.*

В феврале 2020 г. исполнилось 76 лет со дня депортации чеченцев и ингушей. Долгое время остававшаяся под запретом, эта тема получила развитие в исторических исследованиях лишь в последние годы существования советской власти и к настоящему времени представлена значительной по объему историографией. В тоже время отсутствуют специальные исследования, в которых анализировались бы последствия депортации для состояния культуры депортированных народов.

Современное международное право включает в понятие геноцид действия, направленные на уничтожение языка, религии и культуры отдельной нации, расовой или религиозной группы, включая ликвидацию национальной школы, использование родного языка в печати, уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников и т.д., что вполне соответствует ситуации, в которой на протяжении 13 лет находились депортированные чеченцы и ингуши. Как следствие, депортация нанесла огромный ущерб не только материальной, но и духовной культуре высланных народов.

За отсутствием необходимой документной базы потери, нанесенные депортацией чеченской материальной культуре, не поддаются даже приблизительному учету, но сам факт массового уничтожения памятников национальной чеченской культуры очевиден. В частности, были разрушены сотни, отдельно стоящих боевых и жилых башен, а также башенных комплексов. По некоторым данным, только в Аргунском ущелье преднамеренно было уничтожено путем подрыва до 250 башен из примерно 300 имевшихся.

Одновременно с этнографическими памятниками было уничтожено большое количество древних кладбищ, откуда вывезли многие тысячи каменных надгробных стел, которые разбивали на части и использовали для строительства дорог, мостов, хозяйственных построек. Среди прочих оказались уничтоженными стелы с античными греческими надписями [20. С. 205].

В настоящее время на территории Чеченской Республики в верховьях рек Фортанга, Гехи, Аргун, Шаро-Аргун, у озер Кезеной и Галанчош с различной степенью сохранности насчитывается около 150 башенных поселений, несколько сотен жилых и более двухсот боевых башен, а также десятки культовых сооружений, более сотни наземных склепов [8. С. 191].

Безвозвратно утраченными оказались многие тысячи изделий народных мастеров, представлявшие музейную ценность: старинное оружие, ковры ручной работы, изделия обихода и др., входившие в состав имущества, оставленного депортированными семьями [19. С. 207-209].

В наибольшей степени сохранились этнографические материалы из коллекций республиканского краеведческого музея, на время депортации, пе-

реданные на хранение в запасники. Возможно также, что какая-то часть предметов, имевшая историческую, научную или эстетическую ценность, была передана в другие музеи страны.

Отдельно следует отметить прекращение книгоиздательства и вообще любой печатной деятельности на чеченском и ингушском языках, а также уничтожение большого количества литературы, выпущенной на этих языках. К моменту депортации национальная книга была широко представлена как в общественных фондах (библиотеках публичных, различных систем и ведомств), так и в личных (частных) собраниях, причем наиболее ранние издания вышли с использованием арабской графики, затем латинской и лишь в самом конце 30-х гг. XX в. национальная письменность перешла на алфавит на основе кириллицы. Общественные фонды количественно во много раз превосходили совокупный книжный фонд личных библиотек, но в последних было сосредоточено большое количество рукописных книг, преимущественно религиозного содержания. Кроме того, в частных библиотеках хранились рукописные летописи отдельных фамилий, тайпов и селений, т.н. шира тептарш – «древние рукописи».

Депортация вайнахов сопровождалась изъятием и уничтожением национальных изданий из фондов всех библиотек, включая ведомственные, а также библиотек научно-исследовательских учреждений. Книги, изъятые из библиотек г. Грозного, сжигались в сквере возле Республиканского дворца пионеров и школьников (в настоящее время здание городской мэрии). Аналогичные костры горели и в районных центрах, куда доставлялась литература, изъятая из сельских и школьных библиотек. Лишь некоторое количество книг, изданных на чеченском языке, в том числе на латинской графике сохранил тогдашний директор республиканской библиотеки И.В. Сергеев [16. С. 8].

Из всей чеченской литературы, издававшейся в период до 1944 г., сохранились лишь издания, хранившиеся в фондах учреждений, являющихся государственными хранилищами обязательного экземпляра. Это, прежде всего, Российская книжная палата и Российская Государственная библиотека в Москве, а также Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

К числу безвозвратно утраченных следует отнести фонды личных библиотек, выдающихся чеченских религиозных деятелей, например, библиотека шейха Сугаип-муллы Гойсумова, содержащая большое количество богословских, философских и литературных трудов, а также рукописей самого шейха [11. С. 270].

Невозможно восстановить и упомянутые выше рукописные летописи отдельных фамилий, тайпов и селений. Они носили, как правило, дневниковый характер, составлялись на арабском и чеченском языках (с использованием арабской графики) с более или менее подробным описанием и анализом генеалогии развития того или иного рода (тайпа), общества и т.д. [10. С. 365].

Гораздо реже встречались рукописи с описанием важнейших исторических событий, военных действий, междоусобиц, землетрясений, наводнений, пожаров, неурожая, эпидемий.

В целом, утрата абсолютного большинства рукописных философско-религиозных и литературных трудов, а также исторических хроник стала тяжелым ударом для духовной культуры чеченского народа.

Депортация перечеркнула многие достижения «культурной революции», достигнутые за предыдущие двадцать с лишним лет советской власти. Языки высланных народов были вычеркнуты из всех сфер жизнедеятельности, кроме семейного круга. Смертельный удар был нанесен национальной начальной школе – в местах выселения органы НКВД считали целесообразным организовать обучение детей переселенцев на русском языке [4. Л. 2].

Начальная школа на родном языке не была восстановлена в Чечено-Ингушетии даже после завершения депортации.

Кроме того, не смогло завершить учебу подавляющее большинство студентов высших и средних специальных учебных заведений из числа чеченцев, а также учащиеся общеобразовательных школ. Только осенью 1945 г. органы НКВД начали учет детей спецпереселенцев школьного возраста [18. С. 155]. По состоянию на 1 декабря 1945 г., в Киргизской ССР из 21 тыс. детей спецпереселенцев школу посещали только 6643, в Казахстане лишь 14145 детей из 84500 учтенных. К июлю 1946 г. численность детей школьного возраста в Казахстане увеличилась до 89102, из которых посещали школу только 22020 детей [22. С. 272].

О многом говорят и причины, по которым дети спецпереселенцев не учились в школах. В первую очередь это отсутствие теплой одежды и обуви, затем идет незнание русского и казахского языков и на последнем месте – отсутствие разъяснительной работы с родителями [5. Л. 118 об.].

Закономерным итогом стало то, что в 1949 г. до 60% спецпереселенцев из республик Северного Кавказа являлись полностью неграмотными, среднее образование имели только 2,1%, высшее – 0,2% [6. Л. 191-192].

Вплоть до окончания депортации власти не смогли охватить обучением всех детей школьного возраста из спецпереселенческих семей. Проверка положения чеченцев и ингушей в местах поселения, проведенная летом 1955 г., показала, в частности, что большая часть их детей не посещает школы, а ликвидация неграмотности и малограмотности проводилась только среди молодежи призывного возраста [2. С. 202].

Если по данным 1939 г. образовательный уровень чеченцев и ингушей укладывался в средние параметры по стране – на 1 тыс. человек от 10 лет и старше приходилось по 6 человек с высшим образованием, то после 13 лет депортации на каждые 10 тыс. человек численность специалистов с высшим и средним специальным образованием составляла – 19,1 чел. при среднем показателе по СССР – 326,3 чел. Таким образом, уровень профессионально-

го образования у чеченцев оказался в 17 раз ниже по сравнению со средним показателем по стране [17. С. 353].

Необходимо отметить, что в культурной жизни чеченского общества важная роль принадлежала религиозным школам, которые до установления советской власти функционировали при сельских мечетях. Преподавание в них велось на родном языке с использованием алфавита на основе арабской графики. Благодаря этому, наряду с арабским языком, необходимым для чтения Корана, учащиеся осваивали национальную письменность.

С укреплением советской власти школы при мечетях закрывались, как и большинство самих мечетей, а представители духовенства и даже просто знатоки арабской письменности подвергались репрессиям. Таким образом, еще до депортации были репрессированы представители старшего поколения, являвшиеся хранителями традиционных нравственных и духовных ценностей [14. С. 175].

В годы депортации правоохранительные органы отмечали случаи нелегального существования т.н. «арабских школ» [12. С. 709], которые частично брали на себя роль ликвидированной национальной школы. И хотя сколько-нибудь подробных сведений о деятельности «арабских школ» нет, но в 1951 г. отмечалось усиление религиозного влияния среди интеллигенции и молодого поколения спецпереселенцев из Северного Кавказа [7. Л. 354].

Депортация почти на полтора десятилетия прервала процесс становления чеченского профессионального искусства. Хотя в начале войны недостаток финансирования привел к временному закрытию значительного числа учреждений культуры и искусства, в целом чеченское национальное искусство в годы Великой Отечественной войны находилось на подъеме: было создано большое количество поэтических и прозаических произведений, на творческом подъеме находился национальный театр, в конце 1943 г. возобновил работу Чечено-Ингушский ансамбль песни и пляски [21. С. 4].

Значительное развитие получила художественная самодеятельность, в советское время игравшая роль переходной формы от народного к профессиональному искусству. К концу 1942 г. в Чечено-Ингушетии действовало 177 различных кружков художественной самодеятельности. За год они дали 5309 концертов, которые посетило свыше 1 млн. 888 тыс. зрителей [13. С. 37-38].

Депортация на 13 лет прервала процесс становления чеченского профессионального искусства. Лишь отдельные деятели искусства, например, известный танцор Махмуд Эсамбаев, смогли продолжить профессиональную деятельность, но уже за рамками национального искусства.

Неудачей завершилась, и попытка видного чеченского деятеля искусств Абдул-Хамида Хамидова создать Кавказский ансамбль песни и пляски из депортированных артистов. Дав всего несколько концертов в 1946 г., ансамбль прекратил свое существование.

Находясь в местах выселения, абсолютное большинство чеченцев и ингушей осталось в стороне от культурной жизни республик, куда они были насильственно высланы. Более того, вайнахи, исповедовавшие суфизм, оказались обособлены даже от местных мусульманских общин. Они, как правило, не посещали мечети и молитвенные дома местных жителей, а моления старались проводить на частных квартирах [12. С. 694-695].

Тем не менее, культурная жизнь чеченского общества не замерла, а вернулась к традиционным жанрам народного искусства. В условиях полного отсутствия национального книгоиздания произошло частичное возрождение рукописной книги: тексты религиозных песнопений (назма), стихи, рассказы распространяются в списках, сделанных от руки или на печатных машинках. Например, пользовавшийся большой популярностью назм, состоявший из 174 четверостиший, распространялся путем переписывания от руки [1. С. 185].

В целом культурная жизнь чеченского общества в депортации находилась под строгим наблюдением советских правоохранительных органов. Так, пятнадцатилетняя чеченская девушка, сочинившая песню-проклятие руководителю СССР И. Сталину, была осуждена на длительный срок [1. С. 190-191].

В годы депортации урон понесло не только профессиональное искусство, но и народная традиционная культура, что во многом стало следствием ускорившегося процесса разрушения традиционного образа жизни. Оказавшись перед необходимостью выживать в условиях рассеяния небольшими группами на просторах среднеазиатских республик, чеченцы вынужденно приспосабливались к непривычному для себя культурному окружению.

В качестве инструмента постижения окружающей действительности для большинства стал русский язык, которым на момент выселения большинство чеченцев либо плохо владело, либо не знало совсем. Освоение русского языка происходило в процессе учебы, трудовой деятельности и совместного проживания с русским населением. При этом часто осваивалось только самое необходимое для общения [15. С. 343].

Закономерно, что наиболее активно новое культурное пространство осваивалось представителями молодого поколения, только вступающего в жизнь. Именно у молодежи быстрее всего формировались новые культурные предпочтения. Постепенно набирал силу закономерный процесс культурной ассимиляции, определявшийся «...неизбежными контактами с «большим миром», ...теми новыми возможностями, которые этот «большой мир», российский социум, мог предложить молодым вайнахам» [12. С. 709].

В этой связи многие исследователи отмечали образование определенно-го культурного разрыва между старшим и младшим поколениями вайнахов [1. С. 193].

На состояние культурной жизни спецпереселенцев с Северного Кавказа власти обратили внимание лишь в середине 50-х гг. прошлого века в рамках

обсуждения возможности создания для чеченцев и ингушей национальной автономии в одной из республик Средней Азии. Так, 29 июня 1955 г. принято Постановление Президиума ЦК КПСС «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев», в котором указывалось на необходимость издания политической литературы и газет на родных языках спецпоселенцев, а также обеспечить обучение в школах всех детей [3. С. 51-54].

Уже 1 июня 1955 г. в Казахстане вышел в свет первый номер газеты «Къинхъегаман байракх» («Знамя труда») на чеченском языке, а в ноябре того же года газета «Социалистический Казахстан» опубликовала статью, посвященную чеченскому театру [9. С. 91, 157].

9 апреля 1956 г. появилась «Записка отделов партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам, науки и высших учебных заведений ЦК КПСС, культуры ЦК КПСС о нецелесообразности возвращения спецпоселенцев на прежнее место жительства и об организации культпросветработы среди них». Соответственно были приняты меры по изданию политической литературы и газет на родном языке для чеченцев и ингушей. В частности, еженедельная газета «Знамя труда» на чеченском языке издается тиражом 14400 экз., из которых 1630 экз. распространяются среди спецпоселенцев, проживающих в Киргизии. В 1955 г. издательствами Казахстана и Киргизии для спецпоселенцев издано 16 названий брошюр на политические и естественнонаучные темы. Принимаются меры по восстановлению чеченских и ингушских писателей в Союзе писателей СССР. Признается целесообразным поручить Министерству культуры СССР рассмотреть вопрос об организации в Казахской и Киргизской ССР ансамблей песни и танца, об издании в издательствах этих республик альманахов на чеченском и ингушском языках, а также издания Госиздатом сборников поэтов и писателей этих национальностей [3. С. 81].

Сами чеченцы и ингуши в своих письмах в различные партийно-советские органы поднимали вопросы об издании литературы на национальных языках, организации национальных театров и ансамблей, коллективов художественной самодеятельности, радиопередач, создании общеобразовательных школ на родном языке, призыве молодежи на военную службу на общих основаниях. Кроме того, просьбы об освобождении спецпоселенцев, осужденных за нарушение порядка передвижения в местах поселения [3. С. 87].

Несмотря на то, что чеченский народ понес огромные потери: людские, материальные и культурные, целостность его культурного пространства сохранилась весь период депортации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ахмадов М.* Чеченская традиционная культура и этика. Грозный, 2006.
2. *Бурзаканов Я.У.* Восстановление Чечено-Ингушской АССР: трудности и их преодоление // Материалы Всероссийской научно-практической

конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. г. Грозный, 16 ноября 2007 г. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издат. Центр «Эль-Фа», 2008.

3. Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962 гг.) / Сборник документов и материалов. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2013. Т. 1.

4. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 4374.

5. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 245.

6. ГАРФ. Р-9479. Оп. 1. Д. 455.

7. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 583.

8. *Ильясов Л.* Культура чеченского народа. М., 2009.

9. *Исаев Э., Терлоев З., Исаев З.* Из особой папки Сталина (о депортации чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года). М., 2004.

10. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х т. Т. 1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. Т. 1.

11. *Киндаров А.Г.* Шейх Сугаип-мулла Гойсумов. Биографический очерк. Изд. 2-е, доп. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2017.

12. *Козлов В.А., Козлова М.Е.* Патерналистская утопия и этническая реальность // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

13. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941-1980 гг.): Сборник документов и материалов. Грозный, 1985.

14. *Межидов Д.Д., Алироев И.Ю.* Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный: «Книга», 1992.

15. *Намруева Л.В.* Депортация калмыков и чеченцев в 1943-1944 годах (по материалам опросов) // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. М.: Наука, 2006.

16. Национальная библиотека Чеченской Республики им. А. Айдамирова. 110 лет. Ростов-на-Дону: ООО «Южный издательский дом», 2014.

17. *Овхадов М.Р.* Образовательные и языковые проблемы национальной политики советского периода в Чеченской Республике // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. М.: Наука, 2006.

18. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии. М.: ТОО «Капъ», 1994.

19. Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы. В 3-х т. М.: Российский Международный фонд культуры, 1993. Т. 2.

20. *Усманов Л.* Непокоренная Чечня. М.: ИД «Парус», 1997.

21. Чечено-Ингушский ансамбль песни и пляски // Грозненский рабочий. 25 дек 1943. № 260.

22. *Яндарова С.Х.* Депортация чеченцев в 1944 году и ее последствия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. г. Грозный 16 ноября 2007 г. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2008.

СОЗДАНИЕ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА СССР (1932-1941 гг.)

В работах историков, посвященных строительству ТОФ, в основном рассматриваются вопросы берегового строительства, развития инфраструктуры, создания судостроительной базы. Автор же в своей статье уделил особое внимание созданию корабельных сил флота: соединений подводных лодок и надводных кораблей, а также соединений и объединений разнородных сил. На основе архивных и других документов анализируется изменение состава и структуры ТОФ СССР в 1930-е гг. и сделан вывод о готовности корабельного состава ТОФ, к выполнению поставленных перед ним задач.

Ключевые слова: Тихоокеанский флот СССР, корабельный состав флота, система базирования, задачи.

V.N. SEMENOV

Candidate of Technical Sciences,
head of laboratory Far Eastern Federal
University, the Russian Federation,
Vladivostok, Russia

THE CREATION OF THE PACIFIC FLEET OF THE USSR (1932-1941)

The works of historians on the construction of Pacific Fleet mainly deal with issues of coastal construction, infrastructure development, and the creation of a shipbuilding base. The author, in his article, paid special attention to the creation of the naval forces of the fleet: submarine and surface ship formations, as well as formations and associations of dissimilar forces. On the basis of archival and other documents, a change in the composition and structure of the USSR Pacific Fleet in the 1930s is analyzed. and a conclusion was drawn about the readiness of the Pacific Fleet's naval staff to fulfill the tasks assigned to it.

Key words: USSR Pacific Fleet, fleet composition, basing system, tasks.

К идее создания Морских сил на Дальнем Востоке руководство СССР пришло в 1931-1932 гг., когда международная обстановка на Дальнем Востоке стала крайне напряженной, и необходимо было принять меры для укрепления морских границ. 25 февраля 1932 г. Народный комиссар Обороны и председатель Революционного Военного Совета (РВС) СССР К.Е. Ворошилов утвердил «План мероприятий по формированию Морских сил Дальнего Востока (МС ДВ)», согласно которому к концу 1933 г. должно быть закончено формирование флота в составе: бригад средних (12 ед.) и малых (30 ед.) подводных лодок, бригады траления и заграждения (3 минных заградителя, 9 тральщиков), отряда торпедных катеров (42 ед.) [1. С. 585].

Для воплощения этого плана 15 марта 1932 г. приказом РВС СССР № 0085 был назначен первый командующий МС ДВ – М.В. Викторов. 30 марта 1932 г. закончилось формирование штаба МС ДВ, а 21 апреля 1932 г. штаб приступил к формированию МСДВ. Командующий издал приказ № 01, в котором основной задачей МСДВ определил «не допустить удара морским десантом в спину развернутой вдоль наших границ Особой Краснознаменной Дальневосточной армии». Управление МС ДВ осуществлял «Революционный Военный совет МС ДВ».

В течение 1932 г. были сформированы и включены в состав МС ДВ: командование и штаб 1-й морской бригады – бригады траления и заграждения [1. С. 585]; 3-я морская бригада – бригада торпедных катеров [13. Л. 2-3]; Владивостокский военный порт, Управление безопасности кораблевождения Дальнего Востока, Амурская лодманская дистанция [1. С. 586]; 9-я артиллерийская бригада, 12-й полк ПВО [1. С. 586]; 19-я тяжелобомбардировочная авиабригада, 111-а отдельная морская разведывательная эскадрилья, 68-й отдельный речной гидравиаотряд, 76-й отдельный истребительный авиационный отряд [1. С. 586], Владивостокский район службы связи, в составе которого была организована станция особого назначения, положившая начало возрождению радиоразведки [5. С. 292].

К концу 1932 г. корабельный состав МС ДВ был представлен 23 сторожевыми кораблями, торпедными катерами, минными заградителями и тральщиками. В основном флот состоял из кораблей, переоборудованных из судов морского флота, и кораблей, по своему техническому состоянию давно устаревших. Так как на Дальнем Востоке отсутствовали необходимые судостроительные мощности, правительством было выдано задание в сжатые сроки построить корабли в западных районах страны (г. Ленинград, г. Николаев) и доставить их в разобранном виде железнодорожным транспортом на Дальний Восток. На «Дальзаводе» им. К.Е. Ворошилова (г. Владивосток) и в Осиповском затоне (г. Хабаровск) производили сборку, достройку, ходовые и государственные испытания кораблей. Предприятия Дальнего Востока по своим техническим возможностям не могли справиться с программой кораблестроения для МС ДВ, поэтому в ноябре 1932 г. Со-

вет труда и обороны СССР принял постановление № 1422/422 «О развитии Амурского судостроительного завода», которым утвердил плановое задание для проектирования Амурской верфи, предназначенной исключительно для военного судостроения.

Ввод в строй новых кораблей, формирование соединений МС ДВ требовало особого внимания к подбору, расстановке и подготовке кадров. Первые кадры командного и личного состава прибыли с Балтики и Черного моря. Они встретились со многими трудностями: морской театр имеет свои специфические особенности, еще не было оборудованных мест базирования и благоустроенного жилья. Несмотря на все сложности, численность флота с 1 июля 1932 г. до конца года выросла с 5875 человек до 8300 человек [13. Л. 256].

Наряду с формированием новых соединений кораблей проводилась боевая подготовка, в основу которой легли требования Боевого устава военно-морских сил РККА (1930 г.). «Военно-морские силы ... должны быть готовы к смелому и решительному ведению борьбы с противником на море, направленной к обороне берегов СССР, содействию операциям сухопутных войск Красной Армии и обеспечению их как со стороны моря, так и на озерных системах» [3. С. 9].

Реальная оценка военно-политической обстановки на Дальнем Востоке в 30-е гг. привела советское правительство к выводу: милитаристы Японии встали на путь агрессии против стран азиатского континента и в своем движении на северо-запад создали большую угрозу для Советского Союза. Это настоятельно требовало ускорить подготовку дальневосточных районов к неожиданному действию милитаристской Японии [4. С. 12].

В декабре 1932 г. инспектор ВМС РККА, член РВС СССР Р.А. Муклевич в «Записке по выбору баз на побережье Японского моря» предлагал ввиду большой протяженности театра МСДВ разделить побережье на 4 части и создать 4 района обороны: Южный район морской обороны – от зал. Посьет до зал. Рында; Совгаванский район морской обороны – от мыса Первенец до мыса Сюркун; Северный район морской обороны – от мыса Сюркун до о. Лангр. В этих районах создать систему базирования. География системы базирования ориентировалась на основные направления предполагаемых ударов Японии и стоявшие перед флотом задачи. Для реализации этих предложений 11 июня 1933 г. Комитетом Обороны СССР было принято Постановление «О развитии военно-морских баз...» с учетом перспектив до 1938 г. Постановлением предусматривалось иметь главную базу во Владивостоке, вторую базу – в з. Советская Гавань, промежуточную маневренную базу – в зал. Владимира, маневренные базы Северного района в зал. Де-Кастри, в Николаевске-на-Амуре и Петропавловске-Камчатском. Базовое и оборонительное строительство в основном должно было завершиться в 1937 г., однако уже на начальной стадии отставание от графиков и планов строительства достигало полутора и более лет [8. С. 114].

С 1 марта 1933 г. береговая оборона была реорганизована в укрепленные районы. Началось создание приморских укрепленных районов: Владивостокский (10.12.1936 г.), Шкотовский (05.1937 г.), Сучанский (04.1937 г.), Владимиро-Ольгинский (17.03.1934 г.), Совгаванский, Камчатский (17.06.1936 г.), – и Посыетский укрепленный сектор. Вплоть до 1940 г. им придавалось основное значение в оборонительной системе советского Дальнего Востока. Морской укрепленный район включал в себя береговые батареи и легкие силы (торпедные катера, малые подводные лодки, разведывательную авиацию малого радиуса действия) для борьбы с кораблями и десантными средствами противника, а также гарнизон укрепленного района, силы и средства противодесантной обороны [7. С. 8].

Активное формирование новых соединений МС ДВ требовало большого количества специалистов флота, для чего командование флота приступило к созданию сети учебных заведений. 8 апреля 1933 г. во Владивостоке был сформирован «Учебный отряд МС ДВ». В «Школе оружия учебного отряда МС ДВ» на о. Русский готовили минеров, торпедистов, комендоров, артиллерийских электриков для кораблей флота. Для восполнения некомплекта специалистов флота в 1938 г. с целью, ускоренной подготовки офицеров на базе 3-го ВМУ приказом командующего ТОФ № 0118 были сформированы «Курсы ускоренной подготовки командного и начальствующего состава ТОФ», а для подготовки подводников командного и некомандного состава был создан «Учебный отряд подводного плавания ТОФ».

Первой проверкой готовности МС ДВ к отражению агрессии стал инцидент с японцами, когда весной 1933 г. в воды з. Петра Великого в сопровождении 2 крейсеров вошел японский линкор «Нагато». Посты службы наблюдения и связи подняли тревогу, и командование МС ДВ выслало на перехват кораблей дивизион торпедных катеров и гидросамолеты. Японцы не были готовы к крупномасштабному столкновению, и, проверив реакцию советской стороны и функционирование едва зародившейся оборонительной системы, удалились восвояси.

Флот без авиации не мог эффективно решать поставленные перед ним задачи, поэтому шло активное формирование ВВС МС ДВ, и создавалась аэродромная сеть: на 1 января 1934 г. ВВС уже имели 8 действующих аэродромов и 13 аэродромов находились в стадии строительства.

15 апреля 1934 г. приказом РВС МСДВ № 0022 была сформирована 2-я бригада подводных лодок. Расширялась география базирования подводных лодок: 29 апреля 1935 г. в б. Находка приказом командующего ТОФ № 0173 была сформирована 3-я бригада подводных лодок.

В 1934 г. активно проводилась боевая и оперативная подготовка. Под руководством командующего МС ДВ были проведены 2 оперативные игры, 3 учебно-боевые операции МСДВ, 1-й морской сбор высшего начсостава МСДВ.

К январю 1935 г. флот вырос

– численный состав – в 6 раз: на 1 июля 1932 г. насчитывалось 5875 человек, на 1 декабря 1934 г. – 35514 чел.;

– корабельный состав – более 100 кораблей и подводных лодок [9. С. 99];

– авиационный парк – до 274 самолетов.

11 января 1935 г. приказом № 9 НКО СССР потребовал изменить наименование Морских сил морей и впредь именовать: Морские силы Дальнего Востока – Тихоокеанский флот (ТОФ), о чем было объявлено приказом командующего ТОФ от 14 января 1935 г. № 016. Произошло не просто изменение названия флота, а был проведен ряд организационно-штатных мероприятий, была введена новая организация штаба, управление ТОФ стало осуществлять «Командование Тихоокеанского флота».

Нарастающими темпами проводилась боевая подготовка флота. Под руководством штаба флота в 1935 г. было проведено 12 оперативно-тактических учений, в том числе 2 – для подводных лодок, 2 крупных учения было проведено с использованием тяжелой авиации, были освоены сложные торпедные стрельбы по маневрирующему, быстро идущему противнику, стрельбы береговой артиллерией через дымовую завесу с применением самолета-корректировщика. Торпедные катера волнового управления прошли 12 тыс. миль с выполнением торпедных стрельб [6. С. 197]. В 1935 г. ТОФ вышел на первое место среди других флотов Советского Союза по основным показателям в боевой и политической подготовке.

3 июня 1936 г. СТО СССР принял постановление № ОК-24с «О морском судостроении на Дальнем Востоке», которым определил распределение строящихся кораблей между Дальзаводом и Амурской судовой верфью в Комсомольске-на-Амуре и установил сроки сдачи кораблей ТОФ. Амурская судовой верфь не позднее ноября 1937 г. должна была сдать 2 эсминца проекта 7,2 эсминца-лидера проекта 38, в 1938 г. сдать 4 эсминца проекта 7 [9. С. 68].

В 1936 г. в составе Экспедиции особого назначения из Кронштадта во Владивосток по Северному морскому пути прибыли 2 эскадренных миноносца «Сталин» и «Войков». Это был первый переход советских военных кораблей по Северному морскому пути. Это были первые на ТОФ крупные корабли серийной постройки.

Для проверки готовности сил флота к отражению внезапного удара на Приморском направлении с 1 по 5 апреля 1936 г. командованием флота было проведено учение на тему «Отражение внезапного удара на главную базу Владивосток и укрепленные районы: Владивостокский, Шкотовский, Сучанский». Общие результаты учения показали, что противнику удалось прорваться в главную базу и укрепленные районы. Только противодесантные операции, проведенные на Русском острове и частично в Сучанском укрепленном районе, оказались успешными. Анализ учений показал ряд существенных недостатков в подготовке сил флота [5. С. 292]. Командование

флота сделало правильные выводы и приняло меры для устранения недостатков. В сентябре 1936 г. для проверки устранения недостатков в подготовке сил флота впервые были проведены крупномасштабные совместные учения ТОФ с ОКДВА. На учениях отработывалась задача обороны Владивостока от нападения с моря, ведение противодесантных действий. Учения показали, что флот способен решать возложенные на него задачи.

Япония продолжала вести агрессивную политику по отношению к СССР. В августе 1936 г. в документе «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза», разработанном генеральным штабом, предусматривалось в случае начала большой войны с СССР на первом этапе «захватить Приморье и Северный Сахалин» и «заставить Советский Союз согласиться со строительством Великого монгольского государства» [10. С. 48].

Для поддержания технической готовности кораблей и обеспечения сил флота разворачивалась сеть предприятий судоремонта и ремонта вооружения и военно-морской техники: завод Наркомсудпрома по достройке кораблей в Советской Гавани, судоремонтный завод Наркомата ВМФ в п. Большой Камень, судоремонтная база подводных лодок в б. Малый Улисс, заводы по производству точных приборов и по ремонту артиллерийских систем в п. Семеновка (ныне г. Арсеньев), минно-торпедная база (г. Владивосток), аккумуляторный завод № 364 и др. [9. С. 143].

За 6 лет (1932 г. – 1 июля 1938 г.) корабельный состав ТОФ значительно вырос и был представлен: 66 подводными лодками и около 100 торпедными катерами (главная ударная сила); 2 эсминцами, 6 сторожевыми кораблями, 5 минными заградителями, 10 тральщиками, 2 гидрографическими судами.

Все эти силы входили в отдельные дивизионы и 7 морских бригад (3 – надводных кораблей и 4 – подводных лодок). ТОФ вместе с войсками и авиацией стал надежной опорой обороны на Дальнем Востоке [2. С. 136]. ТОФ ставились главным образом оборонительные задачи: действовать в прибрежной зоне, чтобы не допустить вторжения противника с моря. Важная роль при этом отводилась использованию позиционных средств борьбы, минных заграждений, созданию мощных минно-артиллерийских позиций [2. С. 139].

24 июля 1938 г. в связи с проходившими в южной части Японского моря маневрами ВМС Японии, сосредоточением их сухопутных войск в непосредственной близости от границы с СССР надводные корабли ТОФ были переведены в двухчасовую готовность, торпедные катера перешли в готовность к выходу в море ночью и в туман 15 мин. (по одному звену от отряда), один эсминец был выставлен на линию м. Бутаков – м. Гамов, один тральщик – на линию о. Стенина – о. Аскольд. Дозор поддерживали два отряда торпедных катеров, базировавшихся в б. Витязь и з. Славянский, они выполняли задачи ближнего дозора по особым указаниям штаба ТОФ. Все приведенные в готовность корабли были рассредоточены.

Второй проверкой готовности ТОФ к выполнению главной задачи, стоящей перед ним: оборона восточных берегов Советского Союза, – стали

события у озера Хасан. К 29 июля 1938 г. Япония подготовила и спровоцировала военный конфликт у озера Хасан, японское командование для поддержки сухопутных войск выдвинуло в устье реки Тумень-Ула (Туманган) отряд боевых кораблей в составе 1 крейсера, 14 миноносцев, 15 военных катеров. 1 августа 1938 г. в связи создавшимся положением и угрозой возможного нападения на Главную базу – Владивосток Военный совет ТОФ поставил перед флотом задачи: не допустить внезапного нападения противника на главную базу флота и побережье южного Приморья с моря, воздуха и суши; защитить левый фланг 1-й армии в районе з. Посъет от нападения противника с моря; выполнить перевозки морем, пополнение и снабжение 1-й Краснознаменной армии и обеспечить оборону этих перевозок.

Боевые корабли были расщеплены в подготовленных к 1938 г. пунктах постоянного и маневренного базирования. Летчики-тихоокеанцы наносили удары по скоплениям японцев у высот Заозерная и Безымянная, в боях на суше принимал участие дивизион противотанковых орудий. Военный конфликт продлился до 11 августа 1938 г.

События у озера Хасан показали, что необходима четкая система, которая вступила бы в действие по определенному сигналу и обеспечивала перевод в боевое положение всех частей флота. Для этого на флоте была разработана система оперативных готовностей (ступенчатого повышения боевой готовности). Кроме того, принимались решительные меры по проверке бдительности и готовности средств противовоздушной обороны.

В 1938 г. расширилась география базирования подводных сил:

- в Советскую Гавань были передислоцированы подводные лодки, из которых 21 ноября была сформирована 5-я бригада подводных лодок;
- 3 подводные лодки перешли на Камчатку, где составили основу сформированного 41-го отдельного дивизиона подводных лодок [13. Л. 1-2].

Флот продолжал пополняться новыми кораблями:

- в мае-августе 1939 г. во Владивосток прибыли 8 тральщиков, специальной постройки;
- 5 августа – 17 октября 1940 г. подводная лодка Щ-423 совершила первый в истории мореплавания арктический переход подводной лодки Северным морским путем;
- 1939-1940 гг. в состав флота вошли 5 эскадренных миноносцев проекта 7 и 2 лидера эсминцев проекта 38;
- 12 катеров типа МО-4 – «малые охотники» за подводными лодками.

В связи с количественным ростом состава флота, базированием соединений флота по всему побережью, и как следствие сложностью в управлении боевой и повседневной деятельностью, в 1939-1940 гг. был проведен ряд организационно-штатных мероприятий. В составе флота появились флотилия, военно-морские базы и охрана водного района:

- 28 августа 1939 г. приказом Военного Совета ТОФ в соответствии с Временным положением «О соединении Охраны водного района ТОФ»

охрана водного района была выделена из состава Владивостокского укрепленного района в самостоятельное соединение: Охрану водного района (ОВР) главной военно-морской базы ТОФ, – и непосредственно подчинена Военному Совету ТОФ [13. Л. 10];

– 4 октября 1939 г. в соответствии с постановлением Комитета обороны при СНК Союза ССР от 31 июля 1939 г. была сформирована Северная Тихоокеанская военная флотилия с Де-Кастринской и Николаевской-на-Амуре военно-морскими базами. Задачей флотилии являлась оборона побережья и морских коммуникаций в районах Татарского пролива и Охотского моря [13. Л. 11-14];

– приказом командующего ТОФ от 27 мая 1940 г. была сформирована Владимиро-Ольгинская военно-морская база [13. Л. 2];

– в июне 1940 г. была сформирована Петропавловская военно-морская база с непосредственным подчинением Военному Совету ТОФ [4. С. 11-29];

– в июне 1940 г. была сформирована военно-морской база ТОФ в г. Комсомольск-на-Амуре [13. Л. 1];

– 28 июня 1940 г. были сформированы командование и штаб ПВО ТОФ с подчинением командующему ВВС флота.

В предвоенные годы на ТОФ активно проводилась боевая подготовка. Как пример показатели торпедных стрельб, произведенных 81 подводной лодкой в кампанию 1939 г.: открытых атак 177, скрытых атак – 46, число зачетных стрельб на одну подводную лодку – 2.75, выполнено по плану боевой подготовки 88% со средним баллом – 4.35 [11. С. 494].

Темпы боевой подготовки наращивались: в 1939/1940 г. было проведено маневров – 0/1, отрядных учений – 1/2 и тактических учений – 21/28; учений по боевому управлению в масштабе флота – 0/5; морских и береговых стрельб – 75/230; зенитных стрельб – 23/124; торпедных стрельб – 657/673; поставлено мин – 1539/2116; поставлено тралов – 352/694; сброшено бомб – 87/196. По всем показателям ТОФ превосходил остальные флота [12].

19 июня Народный комиссар ВМФ СССР приказал всем флотам перейти на боевую готовность № 2. Это мероприятие проводилось как учебное и не вызвало тревоги у личного состава. По-прежнему шла боевая подготовка, и только планы учений несколько сдвинулись [2. С. 152].

Анализируя десятилетний период (1932-1941 гг.) истории ТОФ, можно сделать вывод, что:

– ТОФ прошел огромный путь от МС ДВ (в составе было несколько кораблей) до крупного флота (2 бригады надводных кораблей, 4 бригады подводных лодок, бригада торпедных катеров и несколько отдельных дивизионов кораблей и катеров);

– корабельный состав был представлен 2 лидерами эскадренных миноносцев, 7 эскадренными миноносцами, 6 сторожевыми кораблями, 30 тральщиками, 8 минными заградителями, 19 катерами-охотниками, при

этом по количеству подводных лодок (85) и торпедных катеров (135), ТОФ превосходил все флоты СССР, в постройке находилось 26 боевых кораблей [2. С. 540];

- в составе ВВС ТОФ имелось 969 самолетов различных типов;
- была создана инфраструктура, которая имела много недостатков, но в целом обеспечивающая функционирование флота;
- предприятия судоремонта и ремонта вооружения и военно-морской техники получили импульс для своего развития, но по своим техническим возможностям не могли в полной мере обеспечить техническую готовность кораблей.

Не смотря на отставание от выполнения программ судостроения, судоремонта, строительства баз и др., ТОФ представлял довольно внушительную силу на Дальнем Востоке, сдерживающую агрессивные намерения японских милитаристов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Березовский Н.Ю.* Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941 / Н.Ю. Березовский, С.С. Бережной, З.В. Николаева. М.: Воениздат, 1992.

2. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота / В.И. Ачкасов, А.В. Басов, А.И. Сумин [и др.]; под редакцией А.В. Басова, 4-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1988.

3. Боевой устав военно-морских сил РККА / Народный комиссариат по военным и морским делам. Москва; Ленинград: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930.

4. *Верецага Е.М., Витер И.В.* Камчатский оборонительный район // Верные долгу и Отечеству: материалы XXVII Крашенник. Чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С.П. Крашенинникова. Петропавловск-Камчатский, 2010.

5. *Галактионов Е.Н.* Нарращивание оборонного потенциала на Дальнем Востоке СССР во второй половине 30-х гг. XX в. // Преподаватель XXI век. 2013. Ч. 2. № 3.

6. *Зайцев Ю.М.* О.С. Солонников, организатор морской обороны дальнего Востока СССР в 1932-1937 гг. // Россия и АТР. 2013. № 4 (82).

7. *Зайцев Ю.М.* Подготовка сопредельных территорий Дальнего Востока к войне 1932-1945 гг. // Россия и АТР. 2010. № 3 (69).

8. *Зайцев Ю.М.* Проблемы управления военным строительством на ТОФ 1932-1938 гг. // Россия и АТР. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2005. № 4 (50).

9. *Зайцев Ю.М.* Создание и развитие базы военного судостроения и судоремонта на Дальнем Востоке СССР (1932-1945): монография; отв. ред. А.П. Пурденко. Владивосток: ТОВВМУ им. С.О. Макарова. Изд-во ВГУЭС, 2015.

10. *Кошкин А.* Японский фронт маршала Сталина: Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М.: Олма-Пресс, 2004.

11. Морозов М.Э. Советский подводный флот 1922-1945 гг.: о подводных лодках и подводниках / М.Э. Морозов, К.Л. Кулагин. М.: АСТ: АСТМОСКВА: Транзит книга, 2006.

12. Таблицы, приведенные в докладе «Итоги боевой подготовки 1940 года и задачи на 1941 год» // РГА ВМФ. Ф. Р. 1678. Оп. 1. Д. 186 // docs.historyrussia.org/ru/nodes/140811-/inspect/page/19/zoom/4.

13. ЦАМО АО ТОФ (Центральный архив МО арх. отд. ТОФ).

ПОДГОТОВКА КОМАНДНЫХ И ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ СЛУЖБЫ ВОЕННЫХ СООБЩЕНИЙ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ В 1920-е начало 1930-х гг.

В данной статье автор рассматривает подготовку командных и инженерно-технических кадров для службы военных сообщений в 1920-е начало 1930-х, в условиях формирования новой советской военной школы. В статье раскрывается система военного образования, сложившаяся к концу Гражданской войны. Выявляются ее недостатки, обосновываются предпосылки ее реформирования. Так же в статье автор отмечает преемственность дореволюционной военной школы и советской, роль бывших офицеров императорской армии в создании новой военной школы.

Ключевые слова: *военные сообщения, военная школа, реформирование, РККА, командные и инженерно-технические кадры.*

S.N. YAKOVENKO

*Postgraduate student, Department
of History, Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

TRAINING OF COMMAND AND ENGINEERING PERSONNEL FOR THE MILITARY TRANSPORT SERVICE DURING THE FORMATION OF THE SOVIET MILITARY SCHOOL IN THE 1920s. AND EARLY 1930s.

In this article, the author examines the training of command and engineering personnel for the military transport service in the 1920s and early 1930s, in the context of the formation of a new Soviet military school. The article reveals

the system of military education that developed at the end of the Civil war. Its shortcomings are identified, and the prerequisites for its reform are substantiated. The author also notes the continuity of the pre-revolutionary military school and the Soviet one, as well as the role of former officers of the Imperial army in creating a new military school.

Key words: *military transport, military school, reformation, red army, command and engineering personnel.*

Существование взаимосвязи между системой военного образования до-советского периода и подготовкой командного состава молодой советской республики долгое время отрицалось. Возникновение советской военной школы преподносилось как самобытное явление, рожденное в горниле октябрьской революции.

Новые политические и социально-экономические реалии, усугубляющийся экономический кризис, существование враждебного внешнеполитического окружения, нестабильность внутреннего положения требовала незамедлительного принятия решений по реорганизации армии, как гаранта сохранения советской власти. Наличие огромной армии ложилось неподъемным бременем на и без того шаткую экономику.

Не меньшую роль, по сравнению с количественным, составляло и качественное состояние вооруженных сил. Привнесенный в армию элемент демократизации, выразившийся в выборности командиров, последующей отмене воинских званий, не лучшим образом сказался на ее состоянии.

Одним из главных вопросов стала подготовка военных кадров. Прежняя система подготовки командных кадров эту задачу выполнить не могла, так как с точки зрения пришедших к власти большевиков, являлась опорой самодержавия и требовала упразднения [1. С. 5]. В сфере военного образования попытка превратить военно-учебные заведения в гражданские с элементами преподавания военных дисциплин успеха не достигла. Можно смело сказать, что у новой, советской власти вообще не существовало своих кадров для создания и комплектования военной школы.

Первый царский генерал, перешедший на сторону большевиков, М.Д. Бонч-Бруевич в 1918 году, обращаясь к недавно созданному Высшему Военному совету, являвшемуся высшим военным органом стратегического руководства вооруженными силами Советской Республики отмечал, что для воссоздания вооруженных сил необходимо более 50 тыс. военных специалистов разного профиля в том числе и преподавателей военно-учебных заведений [6. С. 95]. В Российской императорской армии категория преподавателей академий всегда была представлена генералами и штаб-офицерами.

С учетом этого практически невозможен анализ развития военной школы 20-30 гг. XX в. без учета ее состояния в начале XX века.

К началу 1914 года. система военного образования в России состояла из двух основных уровней:

- подготовка рядового и унтер-офицерского состава;
- подготовка офицерских кадров.

Сразу следует отметить, что боевая подготовка в эту систему не включалась, так как этот элемент относился к самостоятельной группе обучения в рамках повседневной деятельности войск.

Рядовой и унтер-офицерский состав в Российской императорской армии именовался нижними чинами. Подготовка нижних чинов осуществлялась в военно-учебных заведениях 3 уровней:

- учебные заведения, осуществляющие подготовительный уровень;
- учебные заведения, существовавшие для подготовки рядового состава;
- учебные заведения для подготовки унтер-офицеров.

При этом учебные заведения могли быть как армейскими, так и морскими. Так же по характеру своего функционирования и принадлежности к войсковым соединениям и частям их можно было определить, как войсковые (флотские) и базовые (учебные). Принципиальным отличием войсковых (флотских) от базовых (учебных) было то, что первые создавались и функционировали по местам дислокации частей и соединений регулярной армии, а базовые существовали на специально отведенных территориях вне структуры действовавших частей армии [7. С. 64].

К первому типу можно отнести так называемые «школы солдатских детей при гвардейских частях». Основным направлением этих школ было обучение молодых людей азам военной профессии, требовавших определенных навыков (например – писарь). Обучение в таком типе школ не означало и не обязывало к дальнейшей учебе или службе.

Второй уровень учебных заведений был представлен войсковыми и базовыми учебными заведениями:

- различного рода солдатскими классами при офицерских школах;
- учебными ротами (командами) и солдатскими классами при них.

Третий уровень подготовки осуществлялся учебными заведениями, предназначенными для подготовки унтер-офицеров. Включал так же заведения базового и войскового уровня:

- войсковые школы, школы учебных команд (при полках, дивизиях);
- специализированные военные школы (для подготовки унтер-офицеров достаточно узкого профиля: инженерного, артиллерийского, военно-фельдшерского) [2. С. 28].

Специальные военные школы так же готовили гражданскую молодежь к замещению унтер-офицерских должностей в армии и на флоте. Стоит отметить, что на флоте унтер-офицерские школы были только базовые.

Особенностью системы подготовки нижних чинов было то, что образование могло быть непрерывным, а также можно было приступить к нему на любом этапе.

Подготовка офицерских кадров, существовавшая перед октябрьской революцией, в основном своем виде сложилась в конце XIX века [4. С. 128]. Система подготовки предполагала так же непрерывность образования и состояла из следующих элементов:

- кадетский корпус;
- военное училище;
- офицерская школа;
- специальная Академия;
- Академия Генерального штаба.

Гражданские же лица могли поступать в учебные заведения, соответствующие по статусу существовавшему у них гражданскому образованию.

С началом Первой мировой войны потребность в воспроизводстве офицерского состава, несшего большие потери, привела к распространению еще одного типа военно-учебного заведения – школы прапорщиков [4. С. 93]. Главным отличием школ прапорщиков стало то, что сроки обучения там были максимально уменьшены, 4-6 месяцев, так же их выпускники не могли быть произведены в обер-офицерский чин. В условиях нехватки качественных кандидатов на обучение в школы прапорщиков могли принимать практически всех, кто имел образование на уровне хотя бы уездного или высшего начального училища.

Не удивительно, что именно этот тип военно-учебного заведения стал прообразом для создания первых советских военно-учебных заведений.

В ноябре 1917 года, в соответствии с приказом СНК № 11 старые военные училища и школы прапорщиков подлежали ликвидации [13. С. 31]. Но вопрос о подготовке командных кадров для армии молодой советской республики заставил уже в 1918 году обратиться к формированию новых военно-учебных заведений. Первые советские военно-учебные заведения по своей структуре напоминали ранее упраздненные школы прапорщиков. Мало того, учебная программа данных заведений практически полностью их копировала. Нужно отметить, что формирование первых советских военно-учебных заведений было частью общего процесса зарождения и формирования вооруженных сил республики советов.

Первые советские военно-учебные заведения стали именоваться «Советскими военно-инструкторскими курсами РККА», а их выпускники именовались инструкторами. Это было связано с тем, что в Красной гвардии первоначально существовало два служебных положения: боец и инструктор.

На протяжении 1918-1920 годов основной формой подготовки являлись краткосрочные курсы.

Важным шагом на пути формирования и совершенствования советской военной школы стало создание в 1920 году Высшего академического военно-педагогического совета при ГУВУЗ. Появление ВАВПС было продиктовано насущной необходимостью установления единого порядка в подготовке ко-

мандных кадров РККА. Стоит отметить, что не только программы подготовки требовали установления единообразия, но также вполне насущной была проблема приведения учебных заведений к единому типу. Во многом это было продиктовано существованием военно-учебных заведений, создаваемых на фронтах, которые в своей деятельности не были подотчетны ГУВУЗу [12].

Уже к концу лета 1921 года ВАВПС сформировал примерный перечень новых военно-учебных заведений и основные направления подготовки командного состава [9. С. 183]. Так система образования стала состоять из 3 уровней:

- 1 уровень состоял из различного рода курсов подготовки командного состава (подготовительные и повторительные) и нормальных военных школ;
- 2 уровень был представлен высшими военными школами (обычные и повторительные);
- 3 уровень включал собой различные академии.

По профилям подготовки они могли делиться на: пехотные, артиллерийские, кавалерийские, военно-инженерные и т.д. Ряд военно-учебных заведений предлагалось ликвидировать, так как их учебные курсы можно было внести в программы других учебных заведений (например, пулеметные могли войти в состав пехотных). Стоит отметить, что системности в работе по формированию советской военной школы в этот период так до конца достигнуть и не удалось. Одной из главных задач стал переход на нормальные сроки обучения в военно-учебных заведениях. В первых советских военных школах существовали двойные сроки подготовки обучаемых. Как правило, командный состав мог готовиться за 11-12 месяцев. Изменившиеся реалии требовали, чтобы подготовка командиров красной армии была организована в более приемлемые сроки в 3-4 года. В связи с этим различного рода курсы с ускоренным обучением были практически ликвидированы к началу 1924 г. [5. С. 54].

Вопрос оптимизации военно-учебных заведений так же остро стоял в ходе проведения военной реформы 1924-1925 годов. Это было связано как с тем, что государство наметило переход к построению вооруженных сил мирного периода так и с тем, что потребность в хорошо подготовленных военных кадрах постоянно возрастала. В целом к 1924 году можно отметить неоднородность уровня военной подготовки командного состава. Был достаточно велик процент командиров, прошедших обучения в период Первой мировой войны в школах прапорщиков [10].

Первоначальная подготовка начальствующего состава красной армии предполагала наличие трех уровней военного образования, но уже к 1924 году. Она стала уступать место 2-х уровневой системе подготовки, где на первом уровне присутствовали нормальные военные школы со сроком обучения 3-4 года (с этим и связано их название т.е. с нормальными сроками обучения) и военные академии со сроком 3-5 лет. Существовали

так же так называемые КУКСы – курсы усовершенствования командного состава, занимавшие промежуточное состояние.

В соответствии с приказом РВСР от 30 ноября 1925 года, военные школы были разделены на пехотные, кавалерийские, артиллерийские, военно-инженерные, военных сообщений и т.д. [12].

Надо отметить, что помимо добровольного желания получать военное образование существовало направление для обучения партийными организациями, что не всегда положительно сказывалось на желании обучаемых постигать военную науку [11].

В этот период достаточно интенсивно начали развиваться военно-железнодорожные учебные заведения. Связано это было, как с общим процессом создания и оптимизации сети военно-учебных заведений, так и с процессом реформирования Вооруженных Сил в целом. При этом в расчет так же принималось общее состояние транспортной сети России. Потрепанная войной сеть железных дорог, отсутствие ее должного обслуживания породило острую необходимость в квалифицированных инженерно-технических и командных кадрах. Принимая во внимание общее состояние экономики государства и народного хозяйства, решение о наращивании подготовки кадров для службы ВОСО и железнодорожных войск представляется более чем обоснованным.

Первым учебным заведением военно-железнодорожного профиля стали 1-е инструкторские военно-железнодорожные курсы, созданные в Торжке 1918 году приказом ГУВУЗа № 140. Выбор Торжка случаен не был, поскольку там существовал обладавший прекрасной материальной базой 1-й Коренной Парк полевых железных дорог, созданный в 1916 году для обеспечения ремонта военного снаряжения и снабжения Северного фронта. Первоначально сроки подготовки на курсах составляли 10 месяцев, штат был рассчитан на 150 человек [14. С. 400]. В октябре 1918 года были сформированы Московские железнодорожные военно-инструкторские курсы РККА. К апрелю 1919 года были сформированы Саратовские военные курсы подготовки железнодорожных техников.

В августе 1919 года начала свою деятельность Петроградская железнодорожная школа младших специалистов (бригадная). Первые Московские советские военно-железнодорожные курсы (по продвижению войск) были сформированы в октябре 1919 года [14. С. 402].

Стоит отметить, что подготовка командных кадров продвигалась по двух направлениям: подготовка младшего командного состава и подготовка начальствующего состава. На территории РСФСР к лету 1920 года уже действовали Петроградская, Московская, Саратовская школы по подготовке военно-железнодорожных специалистов. Так же в начале 1920-х годах наметилась тенденция по укрупнению военно-железнодорожных учебных заведений. Так в 1922 году Первая советская военно-железнодорожная

школа подготовки командного состава РККА была объединена со второй школой подготовки железнодорожных техников. Так же в состав школы в 1924 г. были включены КУКС. Подготовка старшего командного состава для службы военных сообщений была организована в конце 1918 года в Военно-инженерной академии, первоначально на военно-дорожном отделении, а с 1921 года на факультете военных сообщений. Факультет состоял из двух отделений: военно-дорожного и автомобильного. Последнее так и не было развернуто и постановлением РВСР в январе 1923 года было закрыто. В связи с тем, что обучение проходило в Инженерной академии учебная программа содержала ряд общих дисциплин, например, таких как фортификация. Для преподавания транспортных дисциплин на факультет приглашали преподавателей из Петроградского института инженеров путей сообщений и Политехнического института [3. С. 74].

За время своего существования в составе Военно-инженерной академии факультет выпустил три потока: в 1921 г. – 5 человек, в 1923 г. – 8, в 1924 г. – 6. Сам факультет просуществовал до 1925 года и на основании приказа РВСР № 606 от 19 июня 1925 года был включен на правах военного отделения в состав Ленинградского института инженеров путей сообщений.

Развитие военно-учебных заведений, готовивших командные и инженерно-технические кадры для железнодорожных войск ЦУПВОСО продолжалось на протяжении 1920-30-х годов. В соответствии с приказом РВСР от 22 апреля 1922 года. № 1070 Первая советская военно-железнодорожная школа командного состава РККА была объединена со Второй военно-железнодорожной школой и 2-й школой младших железнодорожных техников и при этом передислоцирована в г. Петергоф [14. С. 410]. Затем в 1924 г. школе были приданы КУКС.

В 1926 г. 1-я военно-железнодорожная школа была преобразована в Ленинградское высшее училище железнодорожных войск и военных сообщений. В последствие ей было присвоено имя М.В. Фрунзе.

Что касалось подготовки командного состава в ЛИИПС то в 1931 г. приказом Наркомвоенмора военное отделение ЛИИПС было реорганизовано в военно-транспортный факультет Ленинградского института инженеров путей сообщения в составе: основного отделения с военно-специальными кафедрами, отделения узкой специальности и курсов усовершенствования командного состава [8. С. 195]. В 1932 г. постановлением ЦК, Совета народных комиссаров 8 июня 1932 г. на базе военно-транспортного факультета было начато формирование Военно-транспортной академии. Основным направлением деятельности академии стала подготовка квалифицированных кадров для службы военных сообщений и железнодорожных войск, а также народного хозяйства [8. С. 196].

Таким образом, можно сказать, что процесс подготовки командных и инженерно-технических кадров на протяжении 1920-х начала 1930-х годов

проходил в общих рамках становления советской военной школы, с учетом возрастающей потребности государства и вооруженных сил в специалистах военно-железнодорожного профиля.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авиновицкий Я.Л.* Советские военно-учебные заведения за четыре года. 1918-1922. М.: Высший военный редакционный совет, 1922.

2. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в начале XX века: Воен.-экон. потенциал России. М.: Наука, 1973.

3. Военно-инженерная академия им. В.В. Куйбышева. Очерк истории Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. М.: ВИА, 1945.

4. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003.

5. *Воронов В.Н., Сливин Т.С., Тананайко В.В.* Рассуждения о реформах военного образования в межвоенный период // Мир образования. Образование в мире. 2014. № 2.

6. *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг.; Отв. ред. В.И. Петров; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988.

7. *Курдюк А.А.* Военно-учебные заведения в системе подготовки офицерских кадров русской армии накануне Первой мировой войны // Сборник научных трудов. М.: ВУ, 2001. № 5.

8. *Михеев Ю.В.* Военные сообщения: исторический очерк становления и развития службы военных сообщений Российских Вооруженных Сил, 1621-2007. М.: Пан пресс, 2008.

9. *Петровский Д.А.* Военная школа в годы революции. (1917-1924 гг.). М.: Высш. воен. ред. сов., 1924.

10. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 521. Л. 689.

11. РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 8. Л. 6.

12. Сборник приказов Революционного военного совета Союза советских социалистических республик. Петроград; Москва: 1920-1934. № 1003-1664.

13. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.

14. *Старостенков В.С.* Железнодорожные войска России. От первой мировой до Великой Отечественной: 1917-1941. М.: Стэха, 2001. Кн. 2.

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.007

УДК 32.323

П.В. АГАПОВ

кандидат социологических наук, доцент
кафедры истории и теории социологии
социологического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ВОЙНА И КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Статья о проблематике войны и конфликте цивилизаций в творчестве великого русского философа Владимира Соловьёва. Автор анализирует основные работы, затронувшие данные проблемы, дает критику современников и творчества Вл. Соловьёва по данной проблеме. В современной гуманитарной науке проблематика войны, конфликта цивилизаций является актуальной, поэтому обращение к традиции отечественной социальной мысли так важно.

Ключевые слова: война, конфликт цивилизаций, конфликт культур, мировая война, социально-философское осмысление войны, Владимир Соловьёв.

P.V. AGAPOV

Candidate of Sociology, Associate Professor
Department of History and Theory of Sociology
sociological faculty of Moscow State
University M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia

WAR AND CONFLICT OF CIVILIZATIONS IN THE WORKS OF VLADIMIR SOLOVYOV

The war and the conflict of civilizations in the work of Vladimir Solovyov. This article is about the problems of war and the conflict of civilizations in the work of the great Russian philosopher Vladimir Solovyov. The author analyzes the main works that have affected these problems, gives criticism of contemporaries and his work Vl. Solovyov on this problem. In modern humanitarian science, the problems of war and the conflict of civilizations are relevant, therefore, turning to the tradition of national social thought is so important.

Key words: war, conflict of civilizations, conflict of cultures, world war, socio-philosophical understanding of the war, Vladimir Soloviev.

Развитие цивилизаций неразрывно связано с войнами. Война – проявление национальных, этнических и религиозных общностей, конфликта культур, конфликта цивилизаций, конфликта Востока и Запада, Севера и Юга. Вся история человечества есть история войн – войн между странами и цивилизациями. Человеческая история XX в. – мировые войны.

Особый интерес вызывает творчество В.С. Соловьева, выдающегося русского философа, сделавшего определенный вклад в социально-философское осмысление войны как социокультурного явления, в социальную теорию войны. Его позиция изложена в таких работах, как «Смысл войны», «Под пальмами», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» и др.

Прежде чем приступить к рассмотрению взглядов В.С. Соловьева на войну и ее социокультурный и исторический смысл, необходимо отметить, что крупнейший русский философ был приверженцем providенциального понимания истории и сторонником «русской идеи» (особенно в начальный период своего творчества), что нашло отражение в его наследии. Этой проблеме были посвящены работы «Три силы», «Византизм и Россия», «Русская идея», «Мир Востока и Запада» и ряд других.

Сразу же скажем, что хотя В.С. Соловьев и считался противником теории культурно-исторических типов основоположника цивилизационного подхода Н.Я. Данилевского, но методологически они были близки. «Оставляя в стороне древние времена и ограничиваясь современным человечеством, мы видим совместное существование трех исторических миров, трех культур, резко между собою различающихся, – мусульманский Восток, Западную цивилизацию и мир Славянский: все, что находится вне их, не имеет общего мирового значения, не оказывает прямого влияния на историю человечества» [8. С. 20].

В отличие от Данилевского, мусульманскому миру он придает мировое значение. Три культуры – это три силы, движущие развитием мира. Мусульманский Восток и Западная цивилизация – две силы, которые олицетворяют конфликт Запада и Востока. Россия выступает в качестве «новой исторической силы» (В данном случае, оно продолжает линию Н.Я. Данилевского). Россия в силу своего географического положения и культурно-исторической роли призвана разрешить вековой спор Востока и Запада. Отсюда – будущее в цивилизационно-культурном развитии человечества за Россией, возглавляющей православный мир.

В процессе эволюции взглядов В.С. Соловьева, его постепенном переходе со славянофильских на западнические позиции роль и значение России и православной цивилизации постепенно уменьшалась и, соответственно, увеличивалась роль западной цивилизации, что достигло своей кульминации в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Прогнозируя в этой работе последнее и окончательное столкновение между

Западом и объединившимся Востоком (мусульманским, китайским и японским), он все же надеется на победу европейской цивилизации – Соединенных Штатов Европы (и Россия как часть европейского мира).

Вопрос о «русской идее» для В.С. Соловьева есть вопрос о смысле существования России во всемирной истории. Соловьев был решительно против использования войны как средства осуществления мессианской задачи России, против «одной-единственной силы – силы оружия». Соловьев осуждал так называемых «патриотов», желающих навязать русскому народу историческую миссию на свой образец и в пределах своего понимания, назвав подобные действия «политикой эгоизма и национального отупения, которая неизбежно приведет к крушению нашу историческую миссию» [6. С. 220].

Анализируя результаты Крымской войны и русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Соловьев указывает, что их обоснование мессианской задачей России есть исторический грех, что эти две войны дали два тяжелых урока, два строгих предупреждения и что «не следует ждать третьего предостережения, которое может быть и последним» [8. С. 238]. Дальнейшее развитие русской общественной и философской мысли показало, что многие последователи В.С. Соловьева не прислушались к «строгим предостережениям» о нежелательности использования войны в качестве средства осуществления «русской идеи» в столкновении цивилизаций и это «третье предостережение», возможно, на самом деле оказалось последним.

Национальная идея, по мысли В.С. Соловьева, заключается не в обособлении России в состоянии противоборства с другими народами, а в ее участии во вселенской жизни, в развитии христианской цивилизации.

В работе «Мир Востока и Запада» Соловьев считает, что Россия должна, отбросив дух национального эгоизма, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление в согласии с другими народами совершенного и вселенского единства человеческого рода [3. С. 604-605].

Поиски всеединства, стремление к вселенскому универсализму не могли не привести Соловьева к мысли о соединении Востока и Запада, Азии и Европы. Данная связь рассматривается им преимущественно не как связь социально-политическая и экономическая, а прежде всего, как связь историко-культурная. Большое значение в процессе взаимодействия Запада и Востока В.С. Соловьевым придается войне.

В многогранном творчестве Соловьева вопрос войны как исторического и социокультурного явления занимал весьма заметное место. В результате социально-философские взгляды Соловьева сложились в довольно оригинальную теорию войны, пожалуй, первую в русской социальной мысли. По времени написания указанные ранее сочинения относятся к последнему периоду творчества философа (90-е гг. XIX столетия), мировоззрение которого, как известно, претерпело значительную эволюцию. Как раз в этот по-

следний период, когда Соловьев убедился в неосуществимости ряда своих теософских и историософских идей, в его творчестве заявила о себе эсхатологическая тенденция. Особенно это проявилось в последнем труде философа «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории».

Почему же В.С. Соловьев обратился к проблеме войны. Дело в том, что на рубеже XIX и XX вв. человечество жило предчувствием страшных потрясений, коренных перемен, прежде всего связанных с ожиданием целой цепи мировых войн, вызванных кризисом мировой культуры. Профессор Петербургского университета, доктор права Л.А. Камаровский писал: «Вопрос о том, что такое война, в чем ее сущность и назначение, – писал в статье «К вопросу о философии войны», – составляет уже с давних пор предмет оживленных споров... Но никогда война не подвергалась такой разносторонней и серьезной критике, как в наши дни» [2. С. 335].

Многие мыслители того времени обратили свой взор к анализу войны. Вопрос о войне, ее происхождении, историческом предназначении стал одним из центральных предметов исследований рубежа XIX-XX вв.

Не остается в стороне от исследований вопроса войны В.С. Соловьев, внесший в это дело заметный вклад. Война, по Соловьеву, не социально-политическое явление, а главным образом, феномен духовно-культурной сферы жизни (то есть явление гораздо более широкое и содержательное), острейшее проявление духовного конфликта различных культур. Особенно отчетливо это прослеживается Соловьевым на примере культур Востока и Запада.

Соловьев считает войну болезнью. Она видится ему «хроническим недугом человечества», лечить который следует не симптоматически, обращая внимание на внешние проявления. Необходимо найти настоящую причину болезни, заключающуюся во внутренних, глубоко лежащих изменениях, связанных в значительной степени с нравственно-духовной сферой жизни людей. «Простое, безусловное ее отрицание не имело бы никакого определенного смысла. При нравственном расстройстве внутри человечества внешние войны бывали и еще могут быть необходимы и полезны, как при глубоком физическом расстройстве бывают необходимы и полезны такие болезненные явления, как жар или рвота» [4. С. 463].

В.С. Соловьев полагает, что для полного понимания войны как социокультурного явления необходимо различать три вопроса: 1) обще-нравственный; 2) исторический; 3) лично-нравственный. При этом путаница в этих вопросах ведет к неправильному пониманию войны. Подобное разделение было сделано философом не только для того, чтобы изучить явление войны с разных сторон, под разным углом зрения, но и для того, чтобы совместить в одной концепции разные, подчас противоположные выводы и оценки войны.

Рассматривая войну со стороны общенравственной, Соловьев убежден, что война – это, конечно же, зло, то есть то, чего не должно быть, а мир

есть добро, норма, то есть то, что быть должно. Тем самым им отвергается точка зрения на войну как на одно из проявлений и условий нравственного порядка. «Со стороны общенравственной оценки нет и не может быть двух взглядов на этот предмет: единогласно всеми признается, что мир есть норма... а война аномалия» [4. С. 464]. Основное внимание он уделяет историко-культурному аспекту в исследовании войны.

С исторической точки зрения война не только позволительна, считает В.С. Соловьев, но и в известных случаях даже обязательна. В написанной в популярной форме работе «Под пальмами» Соловьев устами одного из персонажей говорит, что «с одной стороны, и прежде все знали, что война есть зло и что чем меньше ее, тем лучше, а с другой стороны, все серьезные люди и теперь понимают, что ость такого рода зло, которого полное устранение в настоящее время еще невозможно. Значит, дело идет не об уничтожении войны, а об ее постепенном и, может быть, медленном введении в теснейшие границы» [5. С. 9].

Признавая войну злом, В.С. Соловьев разделяет зло на безусловное (смертный грех) и относительное. Войну он относит к относительному злу, полагая, что она зависит от такой необходимости, в силу которой этот ненормальный сам по себе способ действия становится позволительным и даже обязательным при известных обстоятельствах. Такими обстоятельствами для Соловьева являются требования добра в борьбе со злом. В «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» он утверждает следующее: «Безусловно не право только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее служит добру» [7. С. 789].

В подтверждение своей мысли Соловьев приводит известные исторические примеры о том, как митрополит Алексей мирно председательствовал за русских князей в Орде, а Сергей Радонежский благословил оружие Дмитрия Донского против той же Орды. Оба они служили Добру.

В этом у Вл. Соловьева много общего с отношением к войне Ф. Достоевского, которое впоследствии переняли их последователи в лице представителей русского культурного ренессанса начала XX в., издавшие в начале Первой мировой войны в серии «Религиозно-философская библиотека» книгу под характерным названием «Ф.М. Достоевский – В.С. Соловьев. Оправдание войны» (1915). Нередко его работу «Три разговора ...» называли апологией войны. Однако не следует понимать данную проблему в творчестве Вл. Соловьева столь упрощенно, ведь оправдание войны у него антиномично сочеталось с ее осуждением.

В «Смысле войны» В.С. Соловьев справедливо отмечает, что неверно отождествлять войну с борьбой за существование в животном мире, что оши-

бочно поступают те, кто переносит этот вопрос с исторической почвы на более широкую почву – естественно-научную, связывая необходимость войны с принципом борьбы за существование. Война имеет другие основания.

С целью определения оснований войны Соловьев обращается к мировой истории войн. Его основная идея – война исчезнет и свершится, путем самой войны. К данному умозаключению мыслитель приходит посредством следующей логической линии рассуждений. Общая история человеческих войн, считает он, представляет удивительное единство и стройность. При этом единство заключается в том, что все исторически известные войны, начиная с троянской войны, вели к одному результату – объединению людей в более или менее обширные общественные группы и соединения. Стройность же состояла в прогрессивном расширении объемов этих общественных объединений. Каждый шаг в этом направлении обуславливался войной, но в то же время каждый из этих шагов суживал область войны.

В результате войн между родами, в процессе поглощения сильными родами и родовыми группами слабых, возникают более обширные и устойчивые общественные объединения, причем это происходит зачастую вследствие договорного соединения. «Война сама порождает договоры и права как ручательства мира. Такие соединения родов уже представляют собою зародыш государства ... В государстве впервые являются солидарно действующие человеческие массы. Война удалено изнутри этих масс и перенесена на более широкую окружность государства. Если в родовом быту все (взрослые мужчины) всегда находятся под оружием, то в государстве воины составляют или особую касту, или профессию, или, наконец, (при всеобщей повинности), военная служба составляет лишь временное занятие граждан» [4. С. 467].

Философ выстраивает теоретическую схему, которую он наполняет историческими примерами, связанными с войнами и их ролью в объединении человечества и достижении мира.

Соловьев приходит к выводу, что «организация войны в государстве есть первый великий шаг на пути к осуществлению мира». И иллюстрирует это суждение примерами из истории крупнейших держав завоевательного типа, «всемирных монархий»: Ассиро-Вавилонской, Древне-Персидской, Македонской и Римской. По его мнению, каждое завоевание было здесь распространением мира, то есть расширением того круга, внутри которого война переставала быть нормальным явлением. А самым великим монархиям было присуще несомненное, хотя и полусознательное стремление дать мир земле, покорив все народы одной общей власти. Не случайно, поэтому Соловьев считает, что самая великая из этих завоевательных держав, Римская империя, прямо называла себя миром – *Pax Romana*.

Соловьев убежден в огромном значении войны в истории человечества – в политическом объединении человечества, а через это – в сужении области войны. В «Смысле войны» он приводит целый ряд исторических

примеров в доказательство своего положения о том, что в историческом процессе внешнего политического объединения человечества война была главным средством.

Так, греко-персидские войны в истории Эллады обнаружили внутреннюю национальную связь греческих племен, Троянская война способствовала зарождению древнегреческой поэзии и философии. Завоевания Александра Македонского произвели великий эллино-восточный синтез религиозно-философских идей, который вместе с последовавшим затем римским государственным объединением составил «необходимое историческое условие для распространения христианства», поскольку «без греческого языка и греческих понятий, так же как без «римского мира» и римских военных дорог, дело евангельской проповеди не могло бы совершиться так быстро и в таких широких размерах. А греческие слова и понятия сделались общим достоянием благодаря воинственному Александру Македонскому и его полководцам. И сам «римский мир» (*Pax Romana*) был «достигнут многими веками войн, его охраняли легионы, и для этих легионов строились те дороги, по которым прошли апостолы» [4. С. 469-470].

Все войны, которыми полна древняя история, только расширяли область мира. Идея актуальна и для XX и для XXI в. Пример тому – внешняя политика США (стремящееся распространить, теперь уже *Pax Americana*, по всему миру).

Однако во всемирной истории встречаются войны, носившие и разъединительный характер. Это и Пелопонесская война в Древней Греции и Тридцатилетняя война в Европе (как результат раздробленная Германия). Что нашло отражение в критике взглядов Вл. Соловьева [1].

Общеисторический смысл всех войн Вл. Соловьеву видится в борьбе Европы с Азией, Запада с Востоком, Западной цивилизации с Восточным миром. Вслед за Геродотом он считает Троянскую войну первым великим столкновением Запада с Востоком в «общей истории человеческих войн». «Действительно, эта война, – утверждает Соловьев, – есть начало земной, мирской истории человечества, которая во все свое продолжение вращается вокруг роковой борьбы между Востоком и Западом при все более и более расширяющейся арене» [4. С. 476]. Эта борьба, по мысли Соловьева, поначалу была «местной и символической», а под конец будет вестись в «полном реальном объеме» между двумя великими половинами, на которые враждебно разделится человечество, и победа той или иной стороны даст мир действительно всему миру.

Логический круг рассуждений В.С. Соловьева о том, что «война исчезнет и свершится только путем войны», замыкается выводом, что конец войн связан только с войной, причем «ужасной и последней» всемирной войной. «Прекращение войны вообще, – пишет он в «Трех разговорах...», – я считаю невозможным раньше окончательной катастрофы» [7. С. 642]. Что же это за «последняя война» и на какие две «великие половины» разделилось у Соловьева человечество?

Разделение на две половины он объясняет тем, что если прежде война была везде, то затем все более и более вытеснялась и ныне грозит почти неминуемою опасностью лишь на границе двух половин, на которые у него делится историческое человечество – европейской и азиатской (во главе с Японией и Китаем, он ее еще называет монгольской). Так вот, война между этими частями человечества и будет действительно последней. «Эта предстоящая вооруженная борьба между Европой и монгольской Азией будет, конечно, последнею, но тем более ужасною, действительно всемирною войною, и не безразлично для судеб человечества, какая сторона останется в ней победительницею» [4. С. 476].

В этом предстоящем столкновении двух миров Вл. Соловьев на стороне Европы. Отсюда его вывод о необходимости объединения европейских наций и присоединения к ним России.

Однако начнется это противостояние с конфликта Западной цивилизации и Мусульманского мира. Эта борьба будет упорной и крайне жестокой. Эта война европейской цивилизации и мусульманского мира облегчит, подготовит последующий успех дальневосточного мира.

Интересно задаться вопросом: сбылся, сбывается или сбудется прогноз русского философа? Последнюю мировую войну XX-XXI вв. Еще десятилетие назад казалось, что прогноз русского философа – полнейший вымысел. Но развитие мировых и региональных политических процессов говорит, что это не так. Если говорить о России, то по ее политическим и культурным границам (а они не совпадают с административными) проходит линия цивилизационного конфликта. И на первый план выходит конфликт с мусульманским миром, который идет по границам России и внутри России, вторгаясь в Западную Европу. Это: Закавказье (Нагорный Карабах); Северный Кавказ (Чечня, Северная Осетия и Ингушетия); Кипр; Балканы (Босния и Герцеговина, Косово, Македония).

В.С. Соловьева считает, что борьба Запада с Востоком продолжится тем, что Япония, вместе с Китаем, объединят народы Восточной Азии «великой идеей панмонголизма» (он считает это вполне реальным, ссылаясь на существовавшие и существующие идеи панэллинизма, пангерманизма, панславизма, панисламизма, – почему бы не появиться панмонголизму?), поднимут их с целью решительной борьбы против европейцев, воспользовавшись тем, что Европа будет занята борьбой с мусульманским миром.

В этом месте Соловьев акцентирует внимание на той особенно важной роли, которую в этой войне, в этом столкновении миров сыграет мусульманство и буддизм. Вместе с тем он далек от безусловной вражды к буддизму и тем более к исламу.

Кстати о столкновении западноевропейской и мусульманской цивилизаций говорит, и американский политолог С. Хантингтон, а также о возможном столкновении западноевропейской и конфуцианской цивилизаций и о возможном межцивилизационном союзе мусульман и китайцев [10].

По прогнозу Вл. Соловьева, огромное войско движется с Востока на Европу). А что же Россия? Какова ее роль, каково ее цивилизационно-культурное предназначение в этом великом столкновении? Об этом философ молчит. Ведь это уже не «ранний» Соловьев, считавший Россию новой исторической силой, призванной разрешить вековой спор Востока и Запада. Судьба России печальна она погибает под ударами восточной цивилизации.

Война, тяжелые испытания, по мнению Соловьева, способствуют объединению европейских государств. И в результате победы европейского мира над азиатским в XXI в. образуются Европейские Соединенные Штаты, а затем основывается всемирная монархия. «Ростки войны, – пишет Вл. Соловьев, – вырваны с корнем. Всеобщая лига мира сошлась в последний раз и ... закрыла себя за ненадобностью» [7. С. 746]. В итоге, как он полагал, наступит долгожданный всеобщий мир без войн. По ходу отметим, что Соловьев по-своему предсказал образование таких организаций, как Европейский союз и Организацию Объединенных Наций.

Еще раз подчеркнем, что свой прогноз о войне цивилизаций Соловьев сделал в конце своей жизни, когда заметно уменьшилась его вера в высокое предназначение России, ее цивилизации. Будучи охваченным пессимистическими настроениями, вызванными мыслями о конце мира, конце всемирной истории, он связывал, если можно так выразиться, отчаянные надежды с наступлением «панмонголизма» – диктата Китая и Японии, объединивших азиатский мир, – пройдя через который европейская цивилизация, и в целом человечество, по его убеждению, вступит в эпоху вечного мира (кстати, подобные ощущения возникают и при чтении «Столкновение цивилизаций» Хантингтона).

Ничто не в состоянии предотвратить последней и величайшей войны двух миров – европейского и азиатского. Война между ними все же произойдет, и она даст действительно мир всему миру. Правда, по мнению Соловьева, этим будет достигнут лишь политический мир, политическое объединение человечества в форме «всемирного международного союза» (как это созвучно с современными международными организациями – мировыми над правительственными структурами).

Вл. Соловьев считает, что мир внешний станет благом только тогда, когда будет познана недостаточность внешнего единства, при условии внутреннего, нравственно-духовного возрождения человечества (осуществления «Царство Правды и Вечного мира»). Политическое единство не может быть прочным и долговечным, если не имеет под собой объединяющей духовно-культурной основы, которая играет не менее важную роль в единении человечества, чем культура материальная и объединение политическое. И тем более оно не будет прочным, если завоевано посредством диктата одного государства над другими, одной цивилизации над остальными. Западный мыслитель А. Тойнби считал, что, человечество не сможет достичь поли-

тического и духовного единства, следуя западным путем, так как об этом свидетельствует вся внутренняя история западного общества [9. С. 597]. Мысль – верная и актуальная.

По мысли В.С. Соловьева, только духовно-культурное единство может предотвратить будущую мировую войну между Европой и Азией, при всей ее большой вероятности. При этом он верно полагает, что вовлечение Китая, Японии, мусульманских стран в христианскую цивилизацию маловероятно. Поэтому главный рецепт состоит в том, чтобы сами христианские народы были более христианскими и руководились в большей степени нравственными началами, а не экономической выгодой и желанием унифицировать все стороны жизни.

Подводя итог небольшому исследованию взглядов Вл. Соловьева на войну хочется отметить, что русский философ считал – война была прямым средством для внешнего и косвенным средством для внутреннего объединения человечества. Разум запрещает бросать это орудие, пока оно нужно, но совесть обязывает стараться, чтобы оно перестало быть нужным, и чтобы естественная организация разделенного на враждующие части человечества действительно переходила в его нравственную (духовную) организацию. Взглядам В.С. Соловьева на войну присуща антиномичность: с одной стороны, делается вывод, что нравственный закон жизни осуждает войну, причем, безусловно, а с другой – история ее оправдывает, как необходимое средство объединения человечества и достижения мира.

Несмотря на противоречивость взглядов и прогнозов Вл. Соловьева творчество русского философа – бесценный вклад в русскую и мировую гуманитарную науку, и социологическую в частности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ардашев П.* Философия войны // Русское богатство. СПб., 1895. № 10.
2. *Камаровский Л.А.* К вопросу о философии войны // Вопросы философии и психологии. 1900. № 103.
3. *Соловьев В.С.* Мир Востока и Запада / Соч. в 2-х т. М., 1989. Т. 2.
4. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия / Соч. в 2-х т. М., 1988. Т. 1.
5. *Соловьев В.С.* Под пальмами // Книжки недели. СПб., 1899.
6. *Соловьев В.С.* Русская идея / Соч. в 2-х т. М., 1989. Т. 2.
7. *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории / Соч. в 2-х т. М., 1988. Т. 2.
8. *Соловьев В.С.* Три силы / Соч. в 2-х т. М., 1989. Т. 1.
9. *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991.
10. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.008

УДК 32.323

Е.В. КРЮКОВА

кандидат политических наук, доцент
Государственного университета управления,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПСИХОЛОГИЮ МАСС

В данной работе обосновывается актуальность изучения политических технологий как инструмента создания, желаемого эмоционально-психологического политического фона. Изучен феномен технологии реализации власти и его особенности в контексте реалий современной политической обстановки. Работа содержит реальные исторические примеры использования механизмов психологического воздействия в отечественной и зарубежной политической практике. Рассмотрена связь между настроениями и психологией масс. Описаны основные инструменты психологического воздействия на массы.

Ключевые слова: политические технологии, массовые настроения, психология масс, эмоционально-психологическая удовлетворенность, убеждение, внушение, подражание, заражение.

E. V. KRYUKOVA

Candidate of political science, associate
Professor, State University of management,
Moscow, Russia

POLITICAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR INFLUENCING THE PSYCHOLOGY OF THE MASSES

In this paper, the relevance of studying political technologies as a tool for creating the desired emotional and psychological political background is substantiated. The phenomenon of technology for the realization of power and its features in the context of the realities of the modern political situation is studied. The work contains real historical examples of the use of psychological

impact mechanisms in domestic and foreign political practice. The relationship between the mood and psychology of the masses is examined. The basic tools of psychological influence on the masses are described.

Key words: *political technologies, mass moods, psychology of the masses, emotional and psychological satisfaction, persuasion, suggestion, imitation, infection.*

На протяжении всей истории развития политической сферы общества механизмы воздействия на массы все больше тяготеют к использованию ресурсов мягкой силы, что стало особенно заметно в эпоху развития информационных технологий, когда стало возможным оказывать влияние на психологию электората через широкую сеть информационных каналов. В современной политической реальности актуальность исследования используемых на практике политических технологий достаточно высока, что связано с проблемой неоднозначности применения мягких политических технологий как эффективного инструмента психологического воздействия на массы.

Эта неоднозначность обусловлена спецификой современного общества и заключается в следующем. С одной стороны, разворачивающиеся на современной политической арене процессы информатизации, глобализации, демократизации и научно-технический прогресс дали толчок росту диалоговых форм взаимодействия. С другой стороны, развитию мягких политических технологий воздействия на психологию масс препятствуют такие характеристики общества как склонность к конфронтации, обилие социальных и экономических противоречий, которые мешают открытости, свободному волеизъявлению и строительству равных условий взаимодействия субъектов гражданского общества. Данное противоречие обуславливает выбор политической манипуляции в качестве наиболее оптимального метода политического и информационно-психологического воздействия.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [1; 5; 7; 13; 14; 15].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Анализ специфики применения политических технологий как инструмента воздействия на психологию масс необходимо начать с обозначения самого феномена технологии реализации власти. Под политическими технологиями следует понимать совокупность методов, способов и процедур, позволяющих оказать желаемое воздействие на человеческие массы для коррекции их политического поведения и решения управленческих и политических задач [4. С. 141].

Поскольку в структуре общественного политического сознания принято выделять всего два ключевых компонента (психологию и идеологию), успех применения политических технологий наполовину зависит от работы над психологической составляющей этого процесса. Механизмы психологического воздействия широко применяются как в отечественной, так и зарубежной политической практике. Их применение позволяет политикам устанавливать над массами необходимое влияние и формировать в обществе желаемый эмоциональный фон.

В контексте изучаемой темы необходимо отметить важность массовых настроений в политическом процессе. Настроение массы представляет собой особое психическое состояние, характеризуемое специфическими для текущей политической обстановки сигнальными реакциями, переживаниями комфорта или дискомфорта, и разделяемое большинством. В интегрированном виде массовые настроения отражают три основных аспекта:

- оценку возможности реализовать социально-политические притязания субъекта и общества в целом;
- степень удовлетворенности текущими социально-политическими условиями;
- стремление к участию в формировании условий для реализации притязаний» [10. С. 271].

По состоянию массовых настроений можно судить о степени эмоционально-психологической удовлетворенности потребностей и интересов общества. Для управления перечисленными составляющими настроения масс в политике используются совокупность различных технологий. В их основе лежат четыре основных инструмента психологического воздействия на массы.

1. Убеждение – предполагает передачу сообщения с его последующим логическим анализом со стороны получателя. Результатом применения этого приема должно стать формирование политических единомышленников.

2. Внушение – прием политического влияния, рассчитанный на аналитические, а не логические способности объекта воздействия. Применение внушения не предполагает наличия логических доказательств, главенствующая роль отводится эмоциональным механизмам. Поэтому наибольшая эффективность от внушения достигается в массах с низким уровнем образования или в ситуациях кризиса [3. С. 214].

Технология политического внушения является одним из самых распространенных и действенных механизмов психологического воздействия. Существует достаточно много инструментов политического внушения:

- идентификация – средство внушения, при котором объект продвижения идентифицируется в психологии масс через другую достаточно значимую и положительную персону. Примером использования внушения через идентификацию может послужить политическая картина, сложившаяся

в 2007 году в российском обществе, когда стала обсуждаться возможность Президента остаться у власти на третий президентский срок. Политические технологи искусственно создали в общественном сознании историческую параллель между российским лидером и Ф. Рузвельтом – единственным американским президентом, оставшимся на третий и четвертый президентские сроки [12. С. 210].

– авторитет личности – внушение, основанное на доверии к отдельным персоналиям. Данный прием показал свою эффективность на выборах губернатора в 1996 году в Ростовской области, когда в поддержку действующего главы В.Ф. Чуба выступил зарекомендовавший себя исключительно с положительной стороны руководитель советской эпохи И.А. Бондаренко [12. С. 211].

– образы большинства – люди склонны разделять мнение массы. Примером реализации внушения посредством образа большинства может послужить «оранжевая революция» 2004 года на Украине, где с помощью медиа-ресурсов мнение десяти-пятидесяти тысяч участников митинга преподносилось обществу как позиция всей страны [11. С. 91].

– опровержение какого-либо события. Данная техника политического внушения активно использовалась в России в 2005-2007 годах. Либеральные СМИ многократно цитировали заявление действующего Президента об отсутствии у него намерений баллотироваться в качестве кандидата на выборы 2008 года. С течением времени эта информационная повестка стала привычной для большого количества россиян, что ликвидировало сомнения масс в истинности намерений политика [12. С. 212].

– многократное повторение. Данный прием показал свою эффективность на российском референдуме 1993 года, в рамках которого оппозиция Б.Н. Ельцина вынесла на обсуждение всего несколько вопросов, желаемые ответы на которые многократно повторялись в радио- и телевыступлениях и агитационных материалах [11. С. 90].

– мотивационная сфера – данный прием внушения работает посредством актуализации конкретных желаний и потребностей массы. Потребностью такого рода стала полемика «ускоренных реформ», развитая в 1991 году в преддверии президентских выборов [9. С. 86].

– ограничение выбора – избирателям навязывается ситуация вынужденного предпочтения. Примером действия такого инструмента внушения служит искусственное создание «безальтернативной» ситуации на выборах президента России в 1996 года, когда избирателям навязывали приоритет всего двух кандидатов – Б.Н. Ельцина и Г.А. Зюганова [11. С. 89].

– особенности речи. Используя данный инструмент, политические деятели делают акцент на изложении внушаемой информации, например, демонстрируют высокую уверенность в сказанном. В августе 1991 года с подобной речью выступил Б.Н. Ельцин, когда зачитывал указ о незаконности ГКЧП, стоя на танке [8. С. 49].

3. Подражание – отказ объекта внушения от воспроизведения собственной поведенческой линии, фрагментарное или полное копирование образа лидера. Основанные на подражании политические технологии воздействия на психологию масс приобрели особенную популярность в эпоху информационных технологий и социальных сетей [6. С. 47].

В медиа-пространстве достаточно часто освещаются предпочтения и увлечения политических лидеров в одежде, хобби и так далее. Например, в сознании россиян Д.А. Медведев ассоциируется с «лифтолуком» из социальной сети, В.В. Путин – с дзюдо и курткой «Аляска», Ю.М. Лужков – с кепкой.

4. Заражение – механизм, рассчитанный на передачу объекту психологического воздействия эмоционального состояния, обращаемого. Посредством этого приема у масс формируется желаемое политиком психическое состояние. В политических целях заражением часто пользуются при проведении публичных акций и массовых мероприятий.

Особенно часто технология заражения практикуется в работе с молодежной аудиторией. Одним из самых ярких примеров реализации механизма заражения является политическая агитационная активность вождя немецких национал-социалистов А. Гитлера, который считал, что наиболее эффективным способом удовлетворения желаний массы представляются действия через эмоции, особенно – ненависть [2. С. 162].

Таким образом, обобщая материал, изложенный в данной работе, необходимо подчеркнуть, что политические технологи и специалисты, непосредственно ведущие агитационную деятельность, уделяют достаточно большое внимание эмоционально-психологическому фону избирательных кампаний. В основе политических технологий, главной целью которых является воздействие на психологию масс, лежат четыре определяющих инструмента психологического влияния: убеждение, внушение, подражание и заражение. Среди прочих технология политического внушения является одним из самых распространенных и действенных механизмов психологического воздействия, что объясняет существование достаточно разнообразного ряда практикуемых приемов, описанных в работе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).
2. Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989.
3. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
4. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. № 12.

5. Крылова М.А. Модель оценки влияния PR-технологического инструментария избирательной кампании политической партии // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 10 (50).

6. Марков С.А. Манипулятивная демократия: Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве. Волгоград: Изд-во «Отрок», 2015.

7. Медведев Н.П. Выборы Президента Украины: манипулятивные избирательные технологии и трансформация института выборов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 1.

8. Мельникова Т.С. Пропаганда как технология политического манипулирования // Власть. 2010. № 8.

9. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ. Уфа: Изд-во «Китап», 2014.

10. Политическая имиджелогия / под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. М.: Аспект Пресс, 2006.

11. Почепцов Г.Г. Как становятся президентами. Избирательные технологии XX века. Киев: Изд-во «Знания», 2018.

12. Родин А.Г. Манипулятивные технологии средств массовой информации в избирательном процессе: теоретические и прикладные аспекты. Нижний Новгород: Изд-во «Агапе», 2016.

13. Родионова М.Е. «Черный PR» в избирательных кампаниях Европы и России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

14. Сулейманов Э.А. Роль информационных технологий в демократизации общества // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2017. № 3.

15. Утамурадов А. Роль информационно-коммуникационных технологий в повышении общественно-политической активности молодежи // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51).

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.009

УДК 32:93

Е.А. КУРЕНКОВА

*доцент, кандидат исторических наук,
профессор Факультета истории, политологии
и права Московского государственного областного
университета, Россия, г. Москва*

В.О. ГРИШИН

*студент Факультета истории, политологии
и права Московского государственного областного
университета, Россия, г. Москва*

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО КОМПЛЕКСА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В статье анализируются некоторые политологические подходы к развитию железнодорожного комплекса страны в целом и региональном измерении, в частности. Акцентируются внимание на формировании новых политических институтов, механизмов, технологий принятия политико-управленческих решений для модернизации транспортных систем. Рассмотрены некоторые аспекты развития железных дорог Московской области. Дан ряд рекомендаций для развития железнодорожных транспортных артерий Московской области в контексте социально-политического проектирования.

Ключевые слова: *Московская область, политическая наука, социально-политическое проектирование, политико-управленческие решения, железнодорожный комплекс, транспортные системы, инновационные технологии.*

E.A. KURENKOVA

*Assistant professor, candidate
of historical sciences, professor of the Faculty
of History, Political Science and Law, Moscow
region state university, Moscow, Russia*

V.O. GRISHIN

*Student of the Faculty of History,
Political Science and Law, Moscow
region state university,
Moscow, Russia*

DEVELOPMENT OF THE RAILWAY COMPLEX OF THE MOSCOW REGION IN THE CONTEXT OF SOCIO-POLITICAL PROJECTION

The article analyzes some political science approaches to the development of the country's railway complex as a whole and the regional dimension in particular. Attention is focused on the formation of new political institutions, mechanisms, technologies for the adoption of political and managerial decisions for the modernization of transport systems. Some aspects of the development of railways in the Moscow region are considered. Several recommendations are given for the development of the railway transport arteries of the Moscow region in the context of socio-political projection.

Key words: *Moscow region, political science, socio-political projection, political and managerial decisions, railway complex, transport systems, innovative technologies.*

Насущность изучения развития железнодорожного комплекса регионов России определена значимостью модернизации транспортной инфраструктуры в Центральном регионе, в частности, в котором субъекты Российской Федерации имеют разный социально-экономический уровень существования. Транспорт является частью инфраструктурной обеспеченности регионов и, в частности, выступает одним из критериев успешности государственно-территориального устройства [5. С. 110]. Транспортные каналы влияют на жизнь людей и влияют на жизнеспособность и устойчивость регионов и территорий [1]. Развитие железнодорожного комплекса в региональном измерении вызывает интерес не только у инженеров, географов и экономистов, но у историков и политологов.

В настоящее время железные дороги занимают важное место в жизни России, так как являются главным видом грузового и пассажирского транс-

порта [8. С. 39]. Констатируется, что сегодня основное внимание уделяется применению не только современных инженерных технологий, но и инструментария принятия политико-управленческих решений для минимизации общих и региональных транспортных проблем с уделением особого внимания железным дорогам и мостам, как значимых политических задач в контексте социально-политического проектирования [10]. Политическое проектирование, в частности, «как специализированная область политологии, имеет не только теоретическую, но и очевидную прикладную направленность, и обусловлено возрастающим интересом к возможностям использования проектного менеджмента в сфере управления социально-политическими процессами» [13. С. 5]. А.А. Горбунов отмечает, что «На повестку дня современной политической науки выходит комплексное междисциплинарное и мультипарадигмальное исследование смежных сфер жизни социума, изначально не имевших в своем генезисе и развитии собственно политического аспекта, однако обретших его в ходе кардинальных сдвигов и трансформаций современности. Одной из таких сфер является сфера транспортных коммуникаций» [6. С. 41]. А.Г. Иванова и И.В. Жуковская полагают, что «Региональная логистика (в том числе и железнодорожная, добавим от себя) представляет собой междисциплинарное направление на стыке региональной экономики, экономической географии, страноведения, социологии, политологии, регионального маркетинга, товароведения, экономики и географии транспорта и других наук, имеющих пространственные аспекты» [7. С. 105]. Таким образом, органами государственной власти и управления, как правило, принимаются ситуационные, позиционные и технические проектные документы, на основе докладов научных и инженерных экспертов, должностных лиц правительственных учреждений, отвечающих за национальный и региональный железнодорожный транспорт.

Не претендуя на полноту и всеобъемлемость, полагая, что политическая наука обладает конвенциональностью, дадим некоторые взгляды отечественных политологов на развитие транспорта. А.В. Федякин и И.В. Федякин полагают, что «...государственная транспортная политика, как самостоятельная область исследований политической науки, с одной стороны, обнаруживает связи и пересечения с рядом других политологических направлений и субдисциплин (прежде всего с государственной политикой и управлением, политической регионалистикой, международными отношениями и геополитикой и т.д.), а с другой стороны, не может не носить (в силу комплексности и полиструктурности предмета своего исследования, каковым является опять-таки транспорт) междисциплинарного характера, не быть мультипарадигмальной по своей сути» [15. С. 347]. Ю.А. Харламова, в частности, обращает внимание на то, что «...высокоскоростные железные дороги – это современный индикатор качества жизни и коммуникационных возможностей общества, а также показатель развитости не только транс-

портной сферы, но и социально-экономического и политического потенциала государства в целом» [16. С. 20]. В свое время В.И. Якунин предложил «междисциплинарный подход к анализу и формированию государственной политики транспортного развития на основе синтеза с общей внешней и внутренней политикой государства. Транспорт, по его мнению, выступает важнейшим инструментом политического процесса, геополитического развития страны, роль и значение транспорта с неизбежностью входят в поле политических процессов и развития политических институтов» [17]. Существуют международные специализированные издания, посвященные вопросам, связанным с разработкой политики, подготовкой и оценкой планов, а также оперативным управлением транспортными системами. В них исследуются инструменты принятия политико-управленческих решений касающихся транспортных систем, а также их влияния и взаимосвязи с другими аспектами социальной, экономической и природной среды [19]. Анализ показал, что в мире существует практика моделирования и проектирования развития транспорта, которая разработана на основе «больших данных». Она опирается на этические аспекты и конфиденциальность [18]. Таким образом, отталкиваясь от междисциплинарного подхода к исследованию транспортной модернизации политологи, как правило, акцентируют внимание на трансформации политических институтов, механизмов, технологий принятия политико-управленческих решений в сфере развития железнодорожных комплексов в контексте социально-политического проектирования.

В Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года декларируется, что «Развитие скоростных и высокоскоростных железнодорожных перевозок обеспечит улучшение транспортных связей, создаст более привлекательные условия для пассажиров, повысит комфортность и безопасность пассажирских перевозок, сократит время в пути, что позволит привлечь на железнодорожный транспорт дополнительный пассажиропоток с авиационного и автомобильного транспорта, сократить убыточность пассажирских перевозок и негативное воздействие транспорта на экологию. Организация скоростного и высокоскоростного железнодорожного движения также обеспечит сокращение потребности в подвижном составе, поддержание и дальнейшее стимулирование научно-технического и интеллектуального потенциала страны за счет размещения на отечественных предприятиях заказов на создание новых образцов техники мирового уровня» [11].

Железнодорожный комплекс Московской области развивается в составе системы железнодорожного узла Московского региона (рис. 1).

А.В. Волгин, М.Ю. Евдокимов, П.М. Крылов акцентируют внимание на том, что «Характерной чертой транспортной системы Московской области является высокая неравномерность ее составных элементов. Сочетая высокую плотность автомобильных и железных дорог общего пользования, она

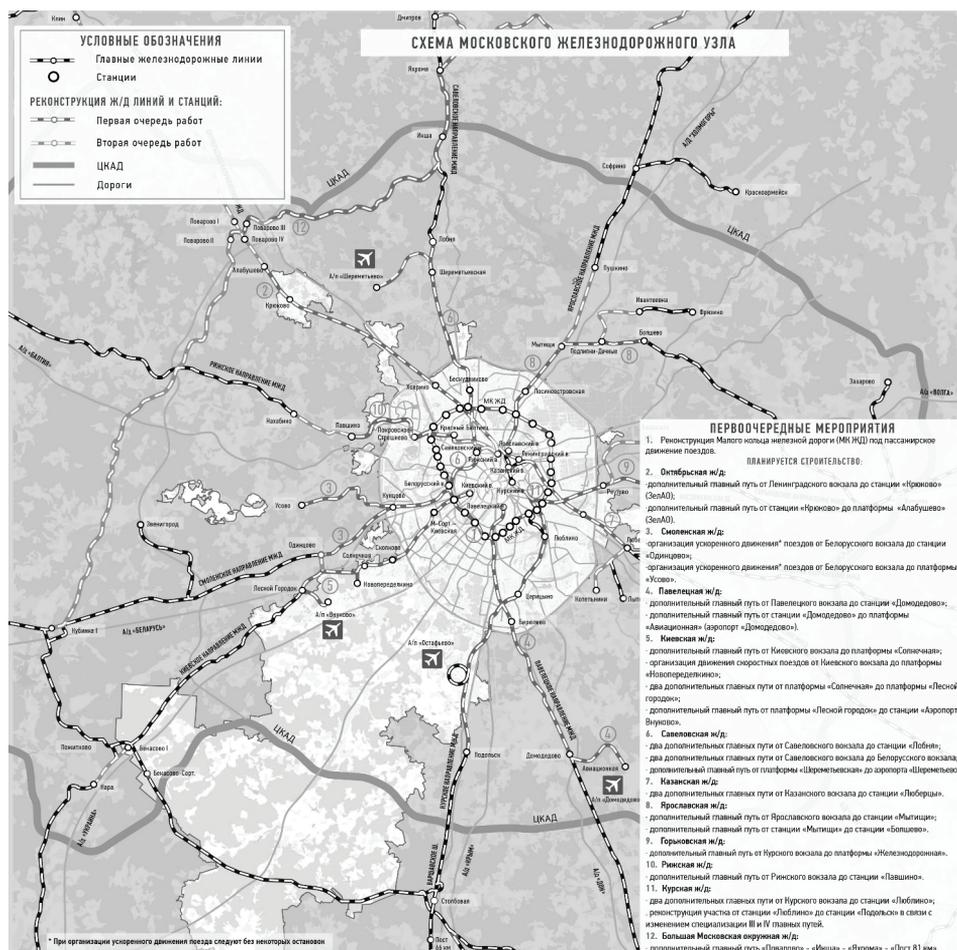

Рисунок 1. Схема развития Московского железнодорожного узла [14]

характеризуется высокой неравномерностью уровня и качества состояния в разных географических секторах и территориальных поясах» [4. С. 31].

Для решения транспортных проблем существует Координационный совет по развитию транспортной системы Москвы и Московской области: Он «образован для обеспечения согласованных действий федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти г. Москвы и Московской области, направленных на развитие транспортной инфраструктуры в г. Москве и Московской области» [9]. На сайте «Транспорт России» отмечается, что «Сегодня на территории Подмосковья в стадии строительства находятся 57 объектов железнодорожной инфраструктуры. Круп-

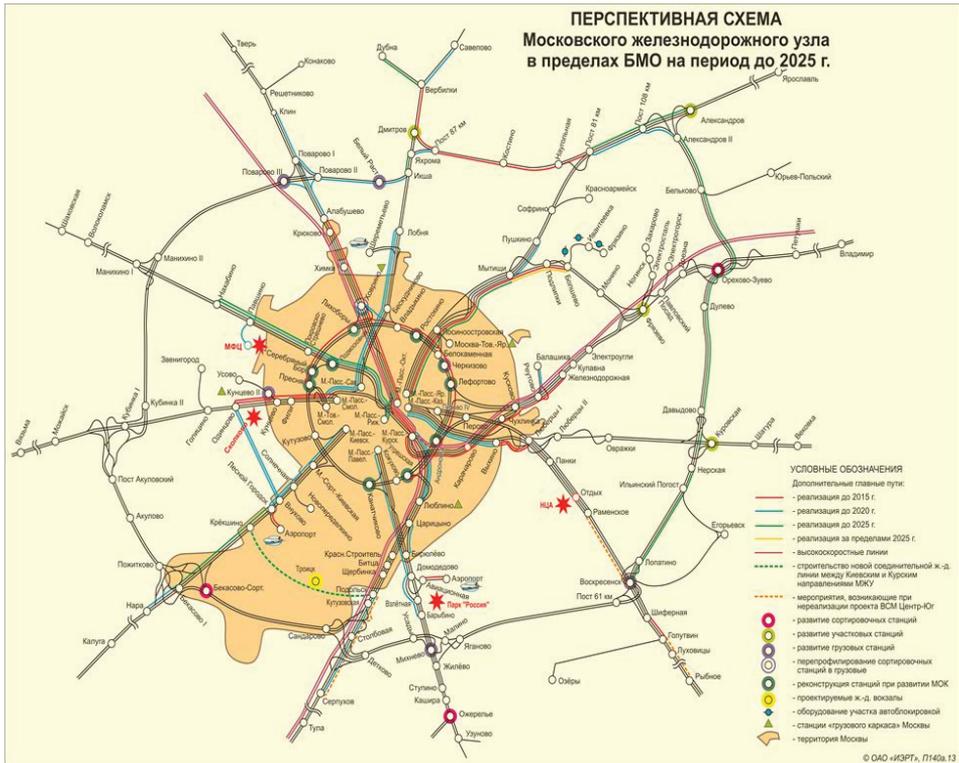

Рисунок 2. Перспективная схема Московского железнодорожного узла в пределах Большого кольца Московской железной дороги на период до 2025 года [12]

нейшие из них – реконструкция железнодорожного пути до микрорайона Авиаторов в Балашихе, строительство 2-го главного пути на участке Подлипки – Фрязино Ярославского направления. Реализация программы развития железнодорожной инфраструктуры Центрального транспортного узла до 2024 года позволит увеличить пассажиропоток в пригородном сообщении почти на 100 млн пассажиров – до 850 млн человек. Программа нацелена на создание комфортной и «бесшовной» городской среды, повышающей мобильность жителей и гармонично взаимодействующей с другими видами транспорта» [3]. Перспективы развития Московского железнодорожного узла в пределах Большого кольца Московской железной дороги на период до 2025 года представлены на рис. 2.

Подведем итоги, сделаем обобщения и дадим ряд рекомендаций.

Таким образом, в Московской области необходимо вводить новые инструменты моделирования и проектирования железнодорожного транспорта с учетом маятниковой миграции и массового ввода в эксплуатацию

высокоплотного жилого фонда [2]. Необходимо освоить инновационные технологии получения более качественных, быстрых и дешевых данных для принятия транспортных решений. Востребовано применение прорывных технологий для повышения эффективности перевозок. Транспортные системы представляют собой «кровеносные сосуды» общества, в которых перемещаются люди и товары. Важно применение новейших технологий способных отслеживать состояние транспортных артерий в режиме реального времени. Насущны процессно-ориентированные инновации в транспортных системах, важна включенность проектных параметров в проектирование и планирование, сравнения между техническим обслуживанием, основанным на оценке риска и реального состояния, значительную роль играет демонстрация применения новейших технологий. Актуально исследование культурных и поведенческих изменений, а также новых методов управления знаниями, новых форм технического обслуживания и профессиональной подготовки, потребности в радикально новых взглядах на транспорт для управления потенциально негативными событиями. Следует анализировать три проблемы планирования, возникающие при планировании общественного железнодорожного транспорта: планирование линий, составление расписания и управление задержками с целью минимизации времени в пути пассажиров, предполагая, что выбор маршрута пассажирами иногда не зависит от их решения. Поэтому необходимо рассматривать модели, учитывающие, что пассажиры будут адаптировать свой маршрут путешествия к внедренному решению планирования. Таким образом, планируемое решение и маршруты пассажиров определяются и оцениваются одновременно. Политико-управленческой задачей является также привлечение исследователей в области математики, информатики или исследования операций, работающих в области общественного железнодорожного транспорта с точки зрения его оптимизации в контексте социально-политического проектирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айсина Л.Р., Еришов А.Д., Колин А.В.* Повышение транспортной доступности остановочных пунктов пригородно-городских электропоездов как составляющей устойчивого развития территорий // Устойчивое развитие территорий: Сборник докладов II-ой Международной научно-практической конференции. Москва, 20-21 мая 2019 г. М.: Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, 2019.
2. *Бабий С.Ю., Проплеткина Д.Г., Орлов Е.В., Жарова М.Н.* К вопросу о транспортной доступности новых жилых комплексов, возводимых на территории Московской области // Журнал технических исследований. 2018. № 4.
3. *Будумян В.* Транспортный коллапс? О нем можно забыть // <http://transportrussia.ru/item/5089-transportnyj-kollaps-o-nem-mozhno-zabyt.html>

4. Волгин А.В., Евдокимов М.Ю., Крылов П.М. Транспортно-тарифная доступность рекреационных объектов Московской области // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. 2019. № 3. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-3-27-40.

5. Глигич-Золотарева М.В. Государственно-территориальное устройство как фактор развития России: прошлое и настоящее // Стратегии России в историческом и мировом пространствах: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 5 июня 2009 г. М.: Научный эксперт, 2009.

6. Горбунов А.А. Транспортные коммуникации как объект исследования политической науки // Власть. 2008. № 9.

7. Иванова А.Г., Жуковская И.В. Региональные аспекты логистики и перспективы формирования интегрированных транспортно-логистических систем в Российской Федерации // Тенденции развития логистики и управления цепями поставок. Сборник статей международной научно-практической конференции. Казань, 20-21 февраля 2017 г. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2017.

8. Камнева Г.П., Сотников С.А., Сотников А.А. Государственная политика в сфере железнодорожного строительства в 1890-е – начале 1900-х годов. Транссибирская магистраль // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Чита, 18 сентября 2019 г. Чита: Забайкальский государственный университет, 2019.

9. Координационный совет по развитию транспортной системы г. Москвы и Московской области // <https://www.mintrans.ru/ministry/councils/2>

10. Новые поезда в Крым в 2020 году – маршруты и расписание // <https://vagon-vokzal.ru/rzhd/novye-poezda-v-krym-2020.html>

11. О Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года // http://doc.rzd.ru/doc/public/ru?id=3997&layer_id=5104ᕏ

12. Перспективная схема Московского железнодорожного узла в пределах Большого кольца Московской железной дороги на период до 2025 года // https://yandex.ru/images/search?pos=2&img_url=http%3A%2F%2Fiert.com.ru%2Fimages%2Fpreloader_mos_yzel.png&textB8&rpt=simage&lr=213

13. Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения / под ред. М.Н. Грачева и Н.А. Борисова. М.: Мир философии, 2016.

14. Схема развития Московского железнодорожного узла // <https://stroim.mos.ru/razvitie-uds/razvitie-mzd>

15. Федякин А.В., Федякин И.В. Транспортная политика за рубежом: центры подготовки кадров и основные направления исследований // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. № 2. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-346-357.

16. Харламова Ю.А. Развитие железнодорожного комплекса современной России в контексте транспортно-политологического и сетевого подходов // Транспорт Российской Федерации. 2009. № 5 (24).

17. Якунин В.И. Политология транспорта: политическое измерение транспортного развития. М.: Экономика, 2006.

18. Transportation Systems / Ed. Singh S., Martinetti A., Majumdar A., Dongen L. van. Singapore: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-981-32-9323-6.

19. Transportation. Planning – Policy – Research – Practice / Editor-in-Chief Kay W. Axhausen. Springer Science+Business Media. 2018.

ЕВРЕЙСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БАШКОРТОСТАНА КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРЕЕВ

В данной статье будет рассмотрен процесс становления и развития национально-общественных организаций на территории Республики Башкортостан. Так, этнообщественной организацией, созданной в Башкортостане, стало Общество любителей еврейской культуры «Штерн» (в переводе с идиш – «Звезда»), которое было учреждено на собрании активистов еврейского населения республики в Дворце культуры. В январе 1991 года общество любителей еврейской культуры «Штерн», совместно с общественными организациями четырех других народов республики (башкирского, татарского, русского и марийского), организовали Центр национальных культур «Дружба», который со временем стал важной и широкой площадкой взаимодействия представителей практически всех этнических групп и диаспор.

Применительно к эволюции этнообщественных организаций, претендующих на удовлетворение национально-культурных интересов еврейского населения республики, в статье предлагается периодизация их развития и обоснование важной роли их работы.

Ключевые слова: *идентичность, «Штерн», «Кохав», евреи, общественная организация, еврейская община.*

E.N. SABIROVA

*Federal state budgetary scientific
institution Ufa Federal research center of the Russian
Academy of Sciences, Ufa, Russia*

JEWISH ORGANIZATIONS OF MODERN BASHKORTOSTAN AS A FACTOR OF PRESERVING THE IDENTITY OF JEWS

This article will examine the process of formation and development of national public organizations on the territory of the Republic of Bashkortostan. Thus, the ethnosocial organization created in Bashkortostan was the society of lovers of

Jewish culture «stern» (translated from Yiddish – «Star»), which was established at a meeting of activists of the Jewish population of the Republic in the Palace of culture. In January 1991, the society of Jewish culture lovers «stern», together with public organizations of four other peoples of the Republic (Bashkir, Tatar, Russian and Mari), organized the center of national cultures «Druzhba», which eventually became an important and broad platform for interaction between representatives of almost all ethnic groups and diasporas. In relation to the evolution of ethno-social organizations that claim to meet the national and cultural interests of the Jewish population of the Republic, the article proposes a periodization of their development and justification of the important role of their work.

Key words: *identity, «Stern», «Kohav», Jews, public organization, Jewish community.*

С конца 1980-х годов, на основе решений XIX Всесоюзной конференции КПСС, состоявшейся летом 1988 года, в СССР начался процесс демократизации общественной жизни. Задуманная тогда руководством Коммунистической партии Советского Союза, во главе с ее Генеральным секретарем М.С. Горбачевым, радикальная реформа политической системы исходила из признания принципов многопартийности и разрешения функционирования самодеятельных общественных организаций.

Еврейской этнообщественной организацией, созданной в Башкирии, стало Общество любителей еврейской культуры «Штерн» (в переводе с идиш – «Звезда»), которое было учреждено на собрании активистов еврейского населения республики в Дворце культуры «Юбилейный», по инициативе активистов еврейского движения, ученых: геолога Ш.Н. Каца и философа А.В. Бенифанда, 16 июня 1988 года. Уже 30 июня 1988 года активистам вновь созданной еврейской организации удалось зарегистрировать ее в Уфимском горисполкоме. Регистрацию санкционировал лично третий (по идеологической работе) секретарь Уфимского горкома КПСС Ф.А. Гайсин. Интересно отметить, что созданное в Уфе общество любителей еврейской культуры «Штерн», по времени учреждения и регистрации, было первым во всей советской России и вторым – в СССР [1. С. 173].

Анализ текста Устава первой в Башкирии общественной организации евреев, созданной в разгар «перестройки», показывает, что ее учредители ставили перед собой скромные задачи «содействовать знакомству с национальной культурой и историей, изучению языка, развитию художественной самодеятельности... развивать и укреплять чувства патриотизма и интернационализма, стимулировать гражданскую активность, приобщать к общественной деятельности». В Уставе даже не ставился вопрос об изучении собственно еврейских истории и языка, не говоря уже об удовлетворении других национально-культурных запросов еврейского населения (1).

В январе 1991 года общество любителей еврейской культуры «Штерн», совместно с общественными организациями четырех других народов республики (башкирского, татарского, русского и марийского), организовали Центр национальных культур «Дружба», который со временем стал важной и широкой площадкой взаимодействия представителей практически всех этнических групп и диаспор, проживающих на территории Башкирии.

Учреждение Еврейского национально-культурного Центра (ЕНКЦ) «Кохав» (в переводе с иврита – «Звезда») состоялось 9 сентября 1994 года на конференции представителей еврейского населения городов Уфы, Стерлитамака, Бирска и Салавата. Функции созданной общественной еврейской организации рассматривались ее учредителями, в соответствии со сложившейся в стране и республике социально-политической обстановкой, значительно шире и глубже. Активисты еврейского общества «Кохав» начали принимать активное участие в международных контактах, во взаимодействии с общероссийскими и другими региональными еврейскими организациями не только в стране, но и масштабах СНГ и всего бывшего СССР. Одновременно, активисты общества «Кохав» приступили к активной работе по оптимизации возникающих в республике межэтнических противоречий.

На основании совершенствования российского законодательства, регулирующего этнонациональные и межэтнические отношения, а также в рамках реализации Федерального Закона «О национально-культурной автономии», в сентябре 2003 года была организована и начала активно функционировать общественная организация «Еврейская национально-культурная автономия» (ЕРНКА) г. Уфы. В июне 2004 года она была зарегистрирована Министерством юстиции Российской Федерации, а в 2005 году – перерегистрирована как республиканская общественная организация. Данное объединение, организованное на легитимной нормативной базе и, учредителем которого выступили несколько, в том числе, международных организаций, было призвано объединять и координировать деятельность всех еврейских организаций республики.

Наряду с этими двумя ведущими еврейскими этнообщественными организациями Башкирии (Еврейский национально-культурный Центр (ЕНКЦ) «Кохав» и Республиканская общественная организация «Еврейская национально-культурная автономия» (ЕРНКА) Республики Башкортостан), в 1990-е годы и особенно в первое десятилетие текущего столетия было учреждено и активно функционировало множество других общественных объединений, претендующих на право удовлетворения национально-культурных интересов еврейского населения [2. С. 137-141].

К числу подобных организаций необходимо обязательно отнести такие как: 1) духовный и благотворительный центр для инвалидов и пожилых людей «Хэсэд Лея», призванный оказывать разностороннюю помощь по уходу за пожилыми и больными людьми, осуществлять патронаж пожилым

людям, неспособным выходить из дома, обеспечивать им разнообразную гуманитарную помощь; 2) Молодежный еврейский клуб, ориентированный на регулярное проведение встреч субботы, веселых еврейских праздников, организацию спортивных и танцевальных кружков, летних детских и студенческих лагерей, семинаров и стажировок в других регионах России, СНГ, в Польше и Израиле; 3) женское отделение общества «Кохав», основная деятельность которого направлена на удовлетворение специфических гендерных интересов женщин еврейской национальности; 4) религиозная община уфимских евреев, наиболее активизировавшая свою деятельность после приезда в Уфу раввина Дана Кричевского в 2000-м году и открытия в 2008 году нового здания – комплекса еврейского общинного центра, вместе с Уфимской синагогой на улице Блюхера.

Среди евреев республики в последние годы наблюдается высокая активность участия в еврейских национально-культурных клубах и в религиозных организациях.

В целом, огромную роль этнических общественных организаций евреев Башкортостана в формировании и развитии позитивной этнической идентичности трудно переоценить.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) По данным Ф.Г. Сафина, опубликовавшего копию оригинала Устава этой организации, учредительное собрание проходило 5 июля 1988 года, а зарегистрировано было 23 июля 1988 года, что несколько отличается от данных, приводимых Э.А. Шкурко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Шкурко Э.А. Евреи Башкортостана: полтора века истории. Уфа, 2008.
2. Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. М., 1993. Том 3.

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.011

УДК 32.327

Н.Т. ГАБДРАХМАНОВА

*доцент Математического
института имени С.М. Никольского
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

К.П. КУРЫЛЕВ

*доктор исторических наук, профессор
кафедры теории и истории международных
отношений Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

Д.А. ХИМИЧ

*соискатель Математического
института имени С.М. Никольского,
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

АНАЛИЗ НЕЙРОСЕТЕВОЙ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНДЕКСОВ КОРРУПЦИИ И ХРУПКОСТИ ГОСУДАРСТВ

В статье дается определение индексу восприятия коррупции и индексу хрупкости государства. Проводится анализ упомянутых индексов на примере выбранных стран. Создается и описывается нейронная сеть, позволяющая анализировать базу данных индекса хрупкости государств. Демонстрируется работа нейронной сети на примере выбранного государства. Осуществляется анализ данных, полученных при помощи математических методов и нейросетевой модели.

Ключевые слова: анализ, Россия, Украина, нейронная сеть, индексы.

N.T. GABDRAKHMANOVA

*Associate professor,
Mathematical Institute named after S.M. Nikolskiy
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

K.P. KURYLEV

*Doctor of Historical Sciences,
Professor Department of Theory and History
of International Relations, Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

D.A. KHIMICH

*Applicant, Mathematical Institute
named after S.M. Nikolskiy, Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

THE ANALYSIS OF THE NEURON NETWORK MODEL OF INTERNATIONAL INDEXES OF CORRUPTION AND FRAGILITY OF STATES

In this article it is given the definition of the corruption perception index and the state fragility index. We analyze the mentioned indexes by the examples of the selected states. It is created and described the neuron network, which allows for analyzing the database of the fragility index. The work of the neural network is demonstrated by the example of the selected country. The analysis of data executes using mathematical methods and a neural network model.

Key words: *analysis, Russia, Ukraine, neuron network, index.*

Международные рейтинги. Государство занимает центральное место в политической науке и является основным объектом политологических исследований. С одной стороны, государство изучается как единый актер со своими свойствами и особенностями, а с другой как совокупность институциональных структур, порядков, связей, отношений и процессов их взаимодействия.

Государство как объект исследований требует новых подходов. Создаются условия, чтобы разрабатывались новые методы его изучения и анализа, а также совершенствовались уже имеющиеся. Активное развитие технологий сбора, обработки и передачи информации позволило многим межгосударственным и неправительственным организациям (МГО и НГО) с еще в 70-е гг. XX в. начать проведение экономических, политологических и социологических исследований, используя базы данных и источники ин-

формации. Количественные результаты таких исследований могут использоваться в качестве базы эмпирических данных как для изучения государства как единого политического актора, так и для анализа ситуации в тех или иных регионах [4. С. 134-156].

Такие результаты, обычно, представлены в виде рейтингов и обобщенных индексов для всех государств, в которых проводилось исследование, а также в виде нормированных значений индикаторов, по которым составляются обобщенные индексы. В качестве оценок тех или иных характеристик государства используются как обобщенные индексы, так и отдельные индикаторы.

Сегодня сферы применения межстрановых рейтингов крайне многообразны: рейтинги качества государственного управления, восприятия коррупции, экономической свободы, политических прав, суверенные кредитные рейтинги и рейтинги политического риска во многом определяют поведение инвесторов и финансовых институтов по всему миру, наукометрические и академические индексы все в большей степени претендуют на то, чтобы выступать в качестве маяков развития образования и науки в разных странах мира и даже универсального критерия истинности научного знания, наконец, многочисленные государствоведческие сопоставительно-институциональные исследования прочно закрепили за собой статус методологического столпа политической компаративистики.

При этом, как подчеркивает В.Г. Иванов, в качестве основных источников данных для сравнительных исследований выступают преимущественно популярны рейтинговые проекты из нескольких западных стран [3. С. 188].

В методический инструментарий политологических исследований входят разные методики экспертных оценок. Их получают через анкетирование большого числа квалифицированных экспертов. Кроме того, используют сбор и обработка статистических данных и данных различных социологических исследований. Есть мнение, что получаемые по результатам таких исследований рейтинги «несут на себе отпечаток субъективизма» [5. С. 39-57]. Поэтому адекватный анализ характеристик современного государства требует, как количественных, так и качественных оценок.

В своей работе мы хотим показать на примере данных развития нашей страны, каким образом анализ индекса восприятия коррупции и индекса хрупкости государства дает возможность прогнозировать поведение индексов на ближайшие несколько лет.

Индекс восприятия коррупции. С 1995 г. некоммерческая организация Transparency International публикует результаты исследования «Индекс восприятия коррупции» (ИВК) [1]. В нем она подразделяет страны по степени распространенности в них коррупции.

В ежегодных отчетах представлены следующие переменные:

- страна/территория;
- ранг страны;

- балл ИВК;
- стандартное отклонение;
- 90%-й доверительный интервал для балла ИВК (нижняя и верхняя границы);

– число исследований, на основании которых был получен балл ИВК.

Расчет итогового значения ИВК осуществляется в три этапа.

1. Стандартизация данных проводится методом процентилей. Такой метод использует ранги наблюдений и не накладывает условий на распределение показателей.

2. Проводится процедура решкалирования показателей, которая увеличивает стандартные отклонения по всем странам, включенным в ИВК, так называемая бета-трансформация.

3. Усреднение преобразованных переменных для каждой страны позволяет получить итоговое значение ИВК. Для расчета ИВК требуется не менее трех независимых друг от друга источников информации.

Эта процедура использует кумулятивную функцию распределения для случайной величины, имеющей бета-распределение, и необходима для обеспечения равенства значений среднего и стандартного отклонения преобразованных переменных тем значениям, которые были в прошлом периоде [6].

Индекс демонстрирует показатели 180-ти стран и территорий по их предлагаемому уровням коррупции в государственном секторе. Используется шкала от 0 до 100, где 0 – показатель наиболее коррумпированной страны и 100 – наиболее чистой. На примере данных из «The global coalition against corruption» мы можем увидеть, что в 2018 году более двух третей стран набрали менее 50 баллов по ИВК (Индексу восприятия коррупции), при этом средний балл остановился на цифре 43. Это говорит о том, что продолжающаяся неспособность большинства стран контролировать коррупцию способствует кризису демократии во всем мире.

Что касается нашей страны, то ни для кого не секрет, что мы не находимся в числе лидеров, которые активно борются с коррупцией (см. таблицу 1). ИВК показывает, что за последние 10 лет мы не вырвались даже из половины худших страны по этому показателю, однако, эта работа демонстрирует, что не все так плохо, как кажется на первый взгляд. Ниже приведены данные, которые наглядно покажут рейтинг и нашу позицию относительно всех остальных стран в мире с 1996 г. Также одной из главных составляющих анализа является шкала «Изменение», график которой показывает вектор развития России и людей, управляющих ей, в данном направлении (см. диаграмму 1 и диаграмму 2).

Математическая часть: «Изменение» и формула $Y=AX+B$, которая присутствует в таблице и на диаграмме – это функция, которая рассчитывает статистику для необходимого ряда показателей, с применением метода наименьших квадратов. Функция эта вычисляет прямую линию, которая наи-

лучшим образом аппроксимирует имеющиеся данные, таким образом она возвращает массив, который описывает полученную прямую. Суть метода наименьших квадратов заключается (в нашей задаче) в выборе в качестве меры близости суммы квадратов левой и правой части: Таким образом, метод может быть выражен так: .

На основе вычислений и диаграмм мы делаем вывод о том, что уровень коррупции в Российской Федерации падает, однако, место в рейтинге за последние 10 лет значительно не изменилось, поэтому, можно сказать, что относительно других, наша страна не достигла значительного прогресса. Также важно заметить, что «Transparency international» начали включать 180 стран только в 2005 г., до этого времени количество учитываемых в рейтинге стран было значительно меньше.

Полученные данные показывают, что в период с 2002 г. по 2004 г. отклонение от функции метода наименьших квадратов имеет положительные показатели, сильно отличные от показателей «Изменения», как видно на диаграмме 2 и на таблице 1. Это говорит о том, что в упомянутый период наша страна имела явные успехи в борьбе с коррупцией, однако, следующие несколько лет показали, что этот успех стал относительно недолгим. Начиная с 2005 г., показатели России сильно падают, отклонение от данных становится отрицательным и до 2011 г имеет худший результат с 1996 г. Благодаря полученным данным, мы можем сделать прогноз на ближайшие несколько лет. Как видно на показателях за 2020-2022 гг., индекс будет расти, но с незначительной, в отношении остальных государств (согласно диаграмме 1), скоростью. Следовательно, согласно прогнозу, уровень коррупции в нашей стране сильно не изменится в ближайшее время.

Индекс хрупкости государств. Индекс хрупкости государств или индекс слабости государств – это комплексный показатель, характеризующий способность (и неспособность) властей той или иной страны контролировать целостность своей территории, а также демографическую, политическую и экономическую ситуацию в стране.

Исследование проводится Центром по изучению устойчивого мира (Center for Systemic Peace) [2], основанным в 1997 г. Индекс рассматривает страны с населением не менее 500 тысяч. Всего в базе данных упомянуто 167 стран.

Страны подразделяются в соответствии с баллами, которые получают по категориям «Эффективность» и «Соответствие законам, нормам и принципам», по четырем характеристикам: безопасность; политические; экономические; социальные характеристики.

Индекс включает восемь переменных. Баллы ранжируются по шкале от 0 до 3, где 0 – устойчивость, 1 – невысокая степень «хрупкости», 2 – средняя степень «хрупкости», 3 – высокая степень «хрупкости», за исключением переменной «Экономическая эффективность», которая ранжируется по шкале

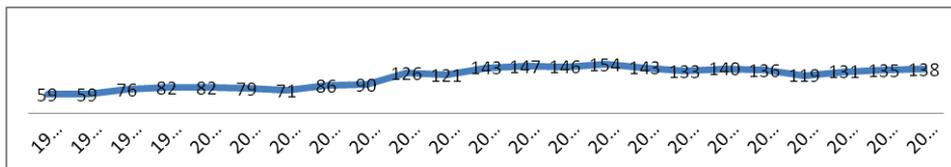

Диаграмма 1. «Место РФ в рейтинге восприятия коррупции»

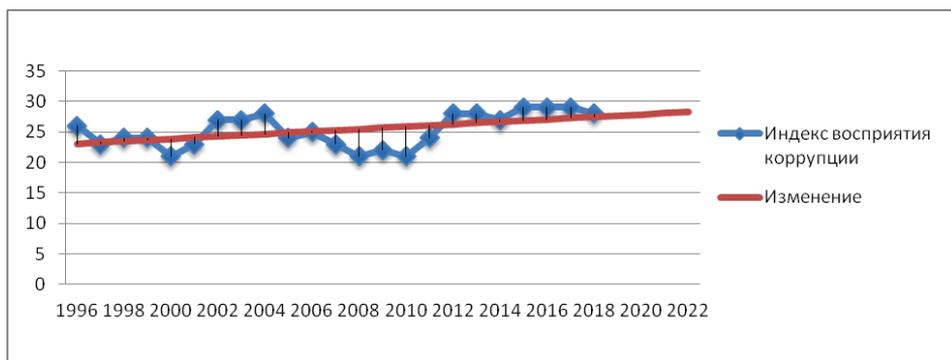

Диаграмма 2. «Индекс восприятия коррупции для Российской Федерации»

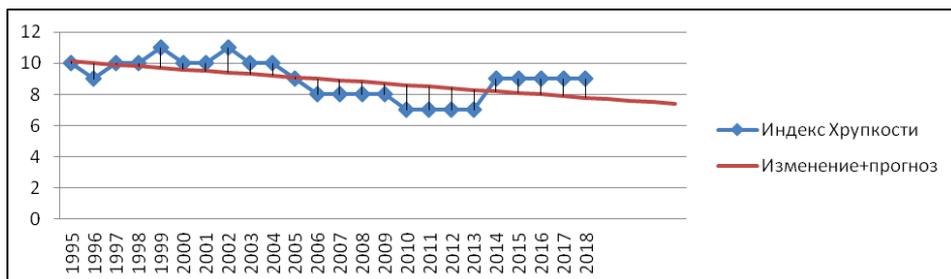

Диаграмма 3. «Показатели индекса хрупкости Российской Федерации»

от 0 до 4, где 4 – чрезвычайная «хрупкость». Далее, показатели по восьми переменным суммируются и распределяются по шкале от 0 (устойчивость) до 25 (чрезвычайная «хрупкость»).

«Хрупкость» государства связывается с его неспособностью: справиться с конфликтами; вести государственную политику; предоставлять базовые услуги и обеспечивать устойчивость системы к внешним воздействиям с целью поддержания согласованности и единства в системе, а также качества жизни.

«Индекс восприятия коррупции для Российской Федерации»

Год	Индекс восприятия коррупции	Изменение	Отклонение от данных	Место РФ в рейтинге
1996	26	23,05434783	2,945652174	59
1997	23	23,25494071	-0,254940711	59
1998	24	23,4555336	0,544466403	76
1999	24	23,65612648	0,343873518	82
2000	21	23,85671937	-2,856719368	82
2001	23	24,05731225	-1,057312253	79
2002	27	24,25790514	2,742094862	71
2003	27	24,45849802	2,541501976	86
2004	28	24,65909091	3,340909091	90
2005	24	24,85968379	-0,859683794	126
2006	25	25,06027668	-0,06027668	121
2007	23	25,26086957	-2,260869565	143
2008	21	25,46146245	-4,461462451	147
2009	22	25,66205534	-3,662055336	146
2010	21	25,86264822	-4,862648221	154
2011	24	26,06324111	-2,063241107	143
2012	28	26,26383399	1,736166008	133
2013	28	26,46442688	1,535573123	140
2014	27	26,66501976	0,334980237	136
2015	29	26,86561265	2,134387352	119
2016	29	27,06620553	1,933794466	131
2017	29	27,26679842	1,733201581	135
2018	28	27,4673913	0,532608696	138
2019	28	27,66798419	0,33201581	137
2020	Прогноз	27,86857708		
2021	Прогноз	28,06916996		
2022	Прогноз	28,26976285		

Таблица 2

«Показатели индекса хрупкости Российской Федерации»

Год	Индекс Хрупкости государств	Изменение	Отклонение
1995	10	10,11333333	-0,113333333
1996	9	10,01289855	-1,012898551
1997	10	9,912463768	0,087536232
1998	10	9,812028986	0,187971014
1999	11	9,711594203	1,288405797
2000	10	9,61115942	0,38884058
2001	10	9,510724638	0,489275362
2002	11	9,410289855	1,589710145
2003	10	9,309855072	0,690144928
2004	10	9,20942029	0,79057971
2005	9	9,108985507	-0,108985507
2006	8	9,008550725	-1,008550725
2007	8	8,908115942	-0,908115942
2008	8	8,807681159	-0,807681159
2009	8	8,707246377	-0,707246377
2010	7	8,606811594	-1,606811594
2011	7	8,506376812	-1,506376812
2012	7	8,405942029	-1,405942029
2013	7	8,305507246	-1,305507246
2014	9	8,205072464	0,794927536
2015	9	8,104637681	0,895362319
2016	9	8,004202899	0,995797101
2017	9	7,903768116	1,096231884
2018	9	7,803333333	1,196666667
2019	Прогноз	7,702898551	
2020	Прогноз	7,602463768	
2021	Прогноз	7,502028986	
2022	Прогноз	7,401594203	

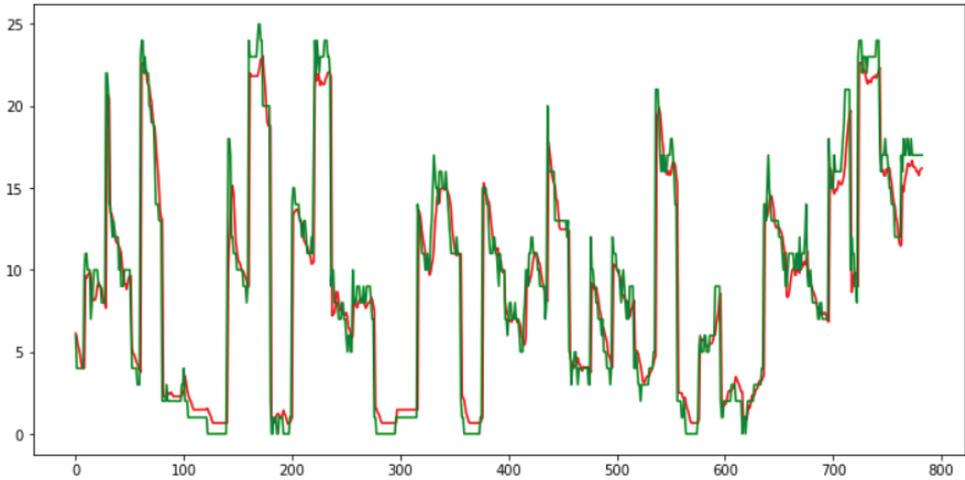

График 2. «Сравнение индекса хрупкости Украины с данными нейронной сети»

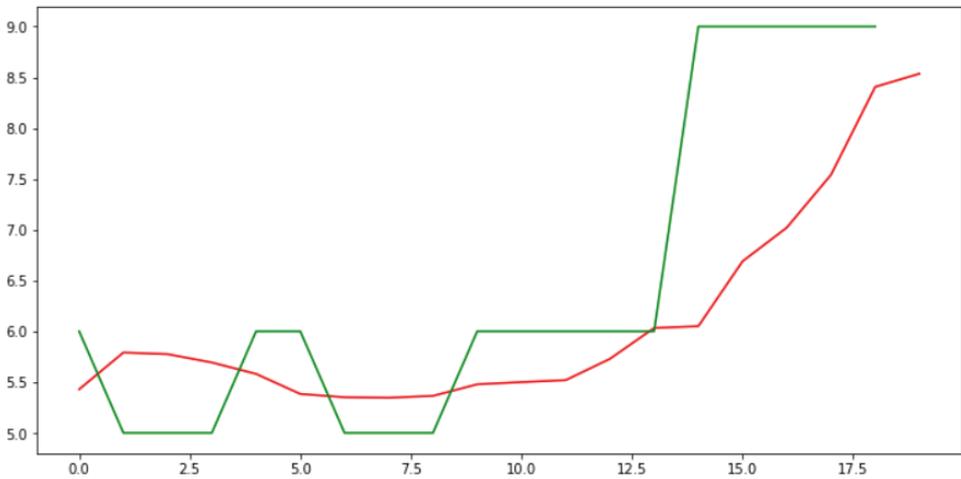

График 1. «Обучение нейронной сети, вывод данных из последних восьмисот строк базы данных индекса хрупкости государств»

Показатель «Изменение» свидетельствует о том, в какую сторону движется наше государство, в то время как показатель «Отклонение» считает погрешность между полученными и реальными данными. Прямая «Изменение» стремительно движется к 0 по оси индекса, прогноз на ближайшие три года показывает, что индекс хрупкости падает в среднем на 0,1 в год,

country0	year0	sf0	effect0	legit0	seceff0	secleg0	poleff0	polleg0	ecoeff0	ecoleg0	soceff0	socleg0	country1	year1	sf1	effect1	legit1	s
3077	Ukraine	1995	5	4	1	0	1	1	0	2	0	1	0	Ukraine	1996	5	5	0
3078	Ukraine	1996	5	5	0	0	0	1	0	3	0	1	0	Ukraine	1997	5	5	0
3079	Ukraine	1997	5	5	0	0	0	1	0	3	0	1	0	Ukraine	1998	6	5	1
3080	Ukraine	1998	6	5	1	0	1	1	0	3	0	1	0	Ukraine	1999	6	5	1
3081	Ukraine	1999	6	5	1	0	1	1	0	3	0	1	0	Ukraine	2000	6	4	2
3082	Ukraine	2000	6	4	2	0	1	1	1	2	0	1	0	Ukraine	2001	5	3	2
3083	Ukraine	2001	5	3	2	0	1	0	1	2	0	1	0	Ukraine	2002	5	3	2
3084	Ukraine	2002	5	3	2	0	1	0	1	2	0	1	0	Ukraine	2003	5	3	2
3085	Ukraine	2003	5	3	2	0	1	0	1	2	0	1	0	Ukraine	2004	6	4	2
3086	Ukraine	2004	6	4	2	0	1	1	1	2	0	1	0	Ukraine	2005	6	4	2
3087	Ukraine	2005	6	4	2	0	1	1	1	2	0	1	0	Ukraine	2006	5	3	2
3088	Ukraine	2006	5	3	2	0	1	1	1	2	0	0	0	Ukraine	2007	5	3	2
3089	Ukraine	2007	5	3	2	0	1	1	1	2	0	0	0	Ukraine	2008	5	3	2
3090	Ukraine	2008	5	3	2	0	1	1	1	2	0	0	0	Ukraine	2009	6	3	3
3091	Ukraine	2009	6	3	3	0	1	1	2	2	0	0	0	Ukraine	2010	6	3	3
3092	Ukraine	2010	6	3	3	0	1	1	2	2	0	0	0	Ukraine	2011	6	3	3
3093	Ukraine	2011	6	3	3	0	1	1	2	2	0	0	0	Ukraine	2012	6	3	3
3094	Ukraine	2012	6	3	3	0	1	1	2	2	0	0	0	Ukraine	2013	6	3	3
3095	Ukraine	2013	6	3	3	0	1	1	2	2	0	0	0	Ukraine	2014	9	4	5
3096	Ukraine	2014	9	4	5	1	2	1	3	2	0	0	0	Ukraine	2015	9	4	5

Таблица 3. «Процесс анализа данных нейронной сетью»

следовательно, мы можем предположить, что к концу 2026 года показатель индекса хрупкости нашего государства должен достигнуть 7 и развиваться в пределах этого показателя. Однако как мы можем наблюдать по показателю «Отклонение от данных», наиболее стабильный период улучшения рейтинга был с 2006 г. по 2013 г. Начиная с 2014 г., индекс стабилизировался на отметке 9. Поскольку такого не было с 2005 г., это означает, что в последние несколько лет наше государство сталкивается с сильным сопротивлением внешних акторов в рамках политики антироссийских санкций. При этом метод наименьших квадратов позволяет предположить, что спустя несколько лет, экономическая и политическая стабильность в нашей стране должна значительно вырасти, что говорит о серьезном потенциале России.

Нейронная сеть. Сложные социальные системы бросают вызов нашему пониманию, но с учетом последних достижений в области информационных ресурсов и вычислительных технологий системы можно надежно контролировать. Была написана нейронная сеть, позволяющая анализировать таблицу индекса хрупкости государств и делать прогноз по каждому из параметров этой таблицы. Таким образом, можно предсказать, как будет меняться политическая ситуация в 187 странах в ближайшие годы.

Красным обозначается поведение функции нейросетевой модели, зеленым – реальные данные разных стран. Полученные нейросетевой моделью данные показывают, что прогноз, сделанный на каждый год существования

индекса, приблизительно совпадает с существующими показателями. Таким образом, мы можем сделать вывод, что нейронная сеть работает, и что на ее основании мы сможем прогнозировать показатели на ближайшее будущее для любой из представленных в рейтинге стран.

На таблице 3 видна незначительная часть данных, взятых из базы индекса хрупкости государств, на основе которых нейронная сеть делает прогноз для заданной страны. Продемонстрировать все данные не представляется возможным, но они учитываются при подсчете каждого показателя, полученного нейросетевой моделью.

Нейронная сеть обучается на данных, взятых из базы индекса хрупкости государств. На графике 1 функция, обозначаемая зеленым цветом, описывает сумму показателей Legit и Effect, посчитанных на основе остальных данных таблицы, следовательно, эта функция отображает изначально данные нам показатели. Функция, обозначенная красным цветом, – это показатели, полученные нейросетевой моделью. Обучение модели проводится на первых полутора тысячах строк, взятых из базы данных индекса хрупкости государств. Наш График 1 – показатели оставшихся 800 строк. Как мы видим, зеленые и красные функции практически совпадают, по крайней мере, мы можем наблюдать тенденцию роста или падения показателей за определенный временной период, схожие с реальными показателями, следовательно, на основании нашей модели, мы можем исследовать показатели каждой страны в отдельности.

График 2 – это график, основанный на данных для Украины. Как и на графике 1, зеленая функция – это заданные показатели, красная – полученные. В левой части графика – показатели индекса, внизу – период. Функция, обозначенная красным, позволяет увидеть не только приближенные показатели индекса, но и динамику и скорость поведения показателей. Если в период от 0 до 13 (то есть с 1995 г. по 2008 г.) функция была достаточно стабильной, то после мы видим сильное изменение показателей. Это изменение свидетельствует о резком ухудшении ситуации в украинском государстве. Нейронная сеть позволяет сделать прогноз на ближайший год.

Заключение. Обращение к изучению данных рейтингов и индексов представляется полезным, так как благодаря анализу таких индексов, как индекс восприятия коррупции и индекс хрупкости государств, получилось применить метод наименьших квадратов для исследования функции «изменения», которая показывает направление развития государств, а также позволяет предсказывать последующие индексационные значения для Российской Федерации. Также была построена нейросетевая модель, способная проанализировать и сделать прогноз для любой страны по любому из показателей, использованных при подсчете индекса хрупкости государств.

Вместе с тем следует помнить, что рейтинговые организации позиционируют свою деятельность как независимую от государственных и ком-

мерческих интересов, налицо процесс идеологизации и политизации наиболее «раскрученных» рейтинговых проектов и тенденции их использования в информационных и экономических войнах, отчетливо проявляющиеся на примере текущего противостояния России и стран Запада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Базы индекса восприятия коррупции // <https://rsf.org/ranking>.
2. База индекса хрупкости государств // <http://www.systemicpeace.org/conflictrends.html>.
3. *Иванов В.Г.* «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. М.: Инфра-М, 2015.
4. *Курылев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 1.
5. *Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И.* Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // Полис. 2006. № 5.
6. Corruption Perceptions Index 2010 by Transparency International. Long Methodological Brief.

ОСОБЕННОСТИ БИОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ВИДОВ РАДИКАЛИЗМА

Возрастающие возможности использования оружия массового поражения террористическими и экстремистскими группировками в современном обществе привели к распространению таких явлений как «биотерроризм» и «экотерроризм». Сравнивая эти понятия, следует понимать, что на сегодняшний день между ними пока не существует четких понятийных разграничений. И экологический и биологический терроризм могут рассматриваться как умышленное причинение вреда окружающей среде, но используемые методы часто различаются. Таким образом, разделив эти понятия, определив субъекты и объекты каждого явления, можно выделить особенности их сущности.

Ключевые слова: биотерроризм, экотерроризм, экотаж, инвайротерроризм.

E.N. KARATUEVA

*Candidate of political science,
associate Professor of the Department
of management of socio-political processes
and history of the Saint Petersburg state
agrarian University, Saint Petersburg, Russia*

FEATURES OF BIOLOGICAL AND ECOLOGICAL TERRORISM AS INDEPENDENT TYPES OF RADICALISM

Increasing opportunities for the use of weapons of mass destruction by terrorist and extremist groups in modern society have led to the spread of such phenomena as «bioterrorism» and «ecoterrorism». Comparing these concepts,

it should be understood that today there are no clear conceptual distinctions between them. And environmental and biological terrorism are considered as the intentional infliction of harm to the environment, but the methods used may vary. Thus, by separating these concepts, defining the subjects and objects of each phenomenon, you can identify the features of their essence.

Key words: *bioterrorism, the terror, akota, enviromentalism.*

Понятия экологического и биологического терроризма часто употребляются как синонимы. Но в специфике их проявлений и используемых агентов есть существенные особенности, которые позволяют определить их как самостоятельные виды радикализма.

Относительно понятия «экологический терроризм» в науке не существует единого представления. Ситуация осложняется тем обстоятельством, что не всегда понятны источники угрозы, которые часто являются скрытыми. Появлению и развитию экотерроризма способствуют промышленные и урбанистические революции, изменение мировой транспортной инфраструктуры, геополитического состояния современного мирового сообщества. Свои деструктивные действия субъекты и участники террора оправдывают разнообразными идеологическими, религиозными, этническими мотивами построения более справедливого общества или создания независимых национальных государств.

Примечательно, что в отличие от биотерроризма, который однозначно трактуется как причинение умышленного ущерба «живому» с привлечением средств «живого» происхождения, экологический терроризм имеет несколько значений. По первому толкованию экологический терроризм – радикальные действия «зеленых», борющихся за права животных и выступающих за их освобождение. Термин «экологический терроризм» ввел в научный лексикон американский экологический активист Р. Арнольд в 1983 году и определил его как совокупность различных преступных деяний (например, вандализм, поджоги и угрозы), совершаемых во имя защиты природы и в то же время не наносящих особого вреда человеку [11]. Амстер особенно подчеркивал, что деятельность «зеленых» радикалов ни при каких обстоятельствах не может быть направлена против людей или других форм жизни. Их цель – это неодушевленные машины и инструменты, которые уничтожают жизнь. Но на сегодняшний день понятие экологического терроризма включает в себя угрозу и действия насильственного характера в отношении любых объектов как неживого, так и живого происхождения. Вандерхейден, например, определил экотаж как «нелегальную тактику радикальных экологических групп, стремящихся нанести целенаправленный экономический ущерб отдельным лицам и фирмам, причинившим серьезный экологический ущерб» [10]. А начальник отдела по борьбе с терро-

ризмом Федерального бюро расследований (ФБР) Соединенных Штатов Дж.Ф. Джарбо заявил, что «ФБР определяет экологический терроризм как применение или угрозу применения насилия преступного характера против невинных жертв или имущества со стороны экологически ориентированной субнациональной группы по эколого-политическим причинам ...» [7]. Более 200 миллионов долларов ущерба ФБР приписывает именно экологическому терроризму, совершенному в период с 2003 по 2008 год в США.

По второй трактовке экотаж – это умышленное загрязнение окружающей среды. Причем загрязнение может осуществляться с помощью любых средств, включающих уничтожение или повреждение стратегически значимых промышленных объектов (крупных нефте- и газомагистралей, предприятий ядерной энергетики и др.). Термин «экологический терроризм» может использоваться и для обозначения экологической войны, когда окружающая среда подвергается манипулированию для достижения военных целей. Так, в 1944 году немецкая армия затопила 200000 га сельскохозяйственных угодий в Нидерландах [12]. Часто возникает опосредованный экотерроризм, целью которого первоначально являются стратегически важные объекты, а следствием – загрязнение окружающей среды и ухудшение экологической обстановки на огромных территориях. Таким образом, политический терроризм, преследующий только политические или экономические цели, фактически оказывается экологическим. Специфика этого вида терроризма заключается, главным образом, в том, что им может стать любой вид терроризма, а результат разрушающей деятельности часто превосходит задуманный.

Многие авторы придерживаются именно такой трактовки экологического терроризма. Александер считает, что под экотерроризмом следует понимать применение или угрозу применения разрушительного воздействия на окружающую среду с целью запугивания людей [6]. Зирский, Шофилд и другие понятие экологического терроризма дополняют возможностью использования самой окружающей среды либо в качестве источника вредных агентов, либо в качестве канала распространения разрушительных для экосистем веществ химической, биологической, физической и ядерной природы, например, выбросы химического, биологического или ядерного оружия в атмосферу, умышленное загрязнение воды и почвы [9. Р. 15-29].

В последнее время появились новые объяснения термина «экологический терроризм». Так, С.М. Беркович разделяет его на экотерроризм (ecoterrorism) и инвайротерроризм (environmental terrorism) [9. Р. 15-29]. Экотерроризм носит более локальный характер по сравнению с инвайротерроризмом и используется для обозначения разрушения собственности, угрозам или причинения вреда людям, ненасильственной активности, вызванной отдельными лицами или группами лиц, протестующими против предполагаемого разрушения окружающей среды. В качестве примеров

экотерроризма можно рассматривать обрезку кабелей, засыпание песка в топливные баки машин, вбивание металлических шипов в стволы деревьев для повреждения бензопил, поджоги жилых домов и горнолыжных курортов, атаки на научные центры, проводящие эксперименты на животных.

Инвайротерроризм имеет более глобальные масштабы и является средством достижения, главным образом, политических целей. «Инвайротеррористы» полагают, что давление на правительство может быть оказано как прямо, так и косвенно через угрозы потенциально опасным объектам промышленности или любым другим объектам, строящимся на природоохраненных территориях. Важным аспектом подобного противостояния является эффект публичного воздействия на общественное мнение. В этом случае экологический терроризм можно определить как совокупность гражданского неповиновения, политической активности и саботажа, приводящая к тому, что можно назвать радикальным экологизмом. Например, во Франции в 2004 году 1500 человек уничтожили поле генетически модифицированных зерновых культур. Аксию возглавил Жозе Бове, активист антиглобализма, который ранее был заключен в тюрьму за уничтожение запасов генетически модифицированных семян компании [4. С. 107-113].

Таким образом, в экотерроризме субъектом могут быть «прогрессивно» настроенные «зеленые», глобальная цель деятельности которых заключается в спасении природы любыми средствами, а террористические атаки на «загрязнителей» природы являются лишь средством ее достижения. А в биотерроризме субъект активности всегда имеют целью устрашение с целью достижения определенной разрушительной цели, то есть субъект всегда оценивается со знаком «минус».

Нормативно-правового определения биотерроризма ещё не существует, но правоведы предлагают различные варианты трактовки этого термина, и все они сводятся к одному более обширному понятию, в котором ключевым становится термин «оружие», причем биологическое оружие. Биологический терроризм (биотерроризм) – это терроризм с использованием в качестве средства террора биологического оружия. Его определяют как преднамеренное использование патогенных микроорганизмов в качестве оружия террора [13]. Биотерроризм – это разновидность терроризма, заключающаяся в преднамеренном скрытом или открытом использовании биологического и токсинного оружия с целью нанесения вреда или полного уничтожения человеческих, продовольственных, сельскохозяйственных и экологических ресурсов. Исходя из реалий современного общества, его можно квалифицировать как реальную угрозу применения биологического оружия, как соучастие в качестве организатора, соисполнителя, подстрекателя или пособника в использовании биологического оружия и как приготовление или покушение на совершение террористических действий с использованием биологического оружия.

В качестве биологического оружия могут использоваться патогенные микроорганизмы или их споры, вирусы, бактериальные токсины, зараженные люди и животные, а также средства их доставки. Именно по видам применяемого биологического оружия можно классифицировать и сам биотерроризм. Причем классификации можно дифференцировать по используемым агентам, по способу распространения и по времени последствия.

По используемым агентам можно выделить:

- 1) бактериологический биотерроризм;
- 2) вирусологический;
- 3) токсинный (химический);
- 4) психотропный;
- 5) устрашение с помощью нелетальных патогенов;
- 6) биогенетический терроризм.

По способу распространения можно выделить:

- 1) прямой терроризм (непосредственный контакт субъекта и объекта терроризма);
- 2) почтовый (опосредованный контакт субъекта и объекта терроризма).

По времени последствия:

- 1) мгновенный (результат проявляется сразу);
- 2) латентный (результат имеет временной лаг).

По масштабам:

- 1) индивидуальный;
- 2) групповой;
- 3) государственный.

По цели:

- 1) животный (цель – живые организмы);
- 2) экологический (цель – окружающая среда).

Биоагенты или оружие биотерроризма имеют определенную специфику своего применения и последствия. Они, как правило, имеют инкубационный период заболевания, что позволяет безвредным микроорганизмам оказаться на любом расстоянии от первоначального заражения. Кроме того, факт умышленного заражения сложно отличить от природной эпидемии.

Окружающая среда, становясь объектом нападения биотеррористов, сама является источником вредоносных биоагентов, то есть предоставляет ресурсы для собственного уничтожения. Природа порождает как самих террористов, так и их оружие. Возможность скрытого применения, удобство в изготовлении, хранении и использовании создает дополнительную угрозу для привлекательности биотерроризма.

Кроме того, понятия «биотерроризм» и «экоотерроризм» можно разделить по масштабам ущерба. Так, умышленное заражение людей и животных патогенными микроорганизмами – это факт биологического терроризма. Но если зараженные животные распространяются на значительной терри-

тории, вызывая угрозу окружающей среде, то биологический терроризм становится экологическим. Даже одна зараженная биологическая особь становится источником поражения биосреды на обширной территории, а последствия имеют, как правило, глобальный характер. Самым ярким примером в истории биотерроризма является «Отряд 731» (1932-1945) – отряд японских вооружённых сил, занимающийся исследованиями в области биооружия, опыты производились на живых людях (военнопленных, похищенных). Им прививали чуму, холеру, тиф, дизентерию, сифилис и другие культуры живых бактерий. Иногда заразив одного заключенного, запускали его в общую камеру, чтобы проследить распространение болезни. Часть людей подвергалась лечению, и у тех, кто смог выжить, брали кровь и внутренние органы для последующих экспериментов [3. С. 53]. Экологические террористы, выступающие за спасение окружающей среды радикальными средствами, могут спровоцировать распространение опасных инфекций, выпуская на волю лабораторных животных. В этом контексте можно говорить о том, что экологический терроризм представляет собой масштабное политическое явление, метод осложнения международных отношений, а биотерроризм – способ испытания и применения биологического оружия массового поражения.

Таким образом, биотерроризм может рассматриваться в качестве первичного звена для развития экотерроризма. Но когда экотеррористы используют биологическое оружие, биотерроризм становится разновидностью экотерроризма.

Среди видов экологического терроризма по используемым агентам можно выделить:

- 1) биологический;
- 2) ядерный;
- 3) химический;
- 4) антропогенный.

По масштабам субъектов выделяют, также как и в биотерроризме:

- 1) индивидуальный;
- 2) групповой;
- 3) государственный.

Таким образом, можно выделить основные критерии разграничения понятий «биологический» и «экологический» терроризм. При биологическом терроризме агентом воздействия являются разнообразные биоорганизмы или продукты их жизнедеятельности, а объектом воздействия становится не только окружающая среда, но и различные биологические объекты.

При экологическом терроризме, в зависимости от того, какая трактовка имеется в виду возможны два варианта выделения агентов и объектов воздействия. В случае трактовки экологического терроризма как «умышленного причинения вреда окружающей среде», агентами воздействия могут

быть вещества разнообразной природы, но объект остается неизменным – это окружающая среда. В случае трактовки экологического терроризма как действий радикально настроенных «зеленых», агентами остаются вещества разнообразной природы, но объект кардинально меняется. Спасение окружающей среды – это цель террористов, атакующих объекты, связанные, по их мнению, с ее разрушением.

В эпоху стремительного роста технологического прогресса минимизировано множество угроз биологического происхождения (ликвидированы натуральная оспа, полиомиелит, ряд заразных болезней животных), но в то же время благодаря развитию нанотехнологий, биогенетическому моделированию, синтезу наукоемких материалов и пр. мировой социум переходит на новый уровень развития, в новую реальность, создающую и новые, ранее не изученные угрозы. Окружающая среда оказывается первым звеном в цепочке испытания «научных» изобретений, поэтому по ее состоянию можно определить степень потенциальной угрозы для всего человечества. По ряду показателей загрязнение окружающей среды, вероятно, можно квалифицировать как экологический терроризм. Во-первых, воздействие загрязнителей окружающей среды оказывает прямое неблагоприятное воздействие на здоровье человека и всех живых существ. Во-вторых, загрязнение окружающей среды неизбежно снижает доступность чистого воздуха, безопасных продуктов питания и воды, не только приводя к неблагоприятным последствиям для здоровья населения, но и создавая опасные геополитические последствия. В современном обществе здоровье населения стало ключевым фактором, определяющим мир и безопасность. Сокращение доступа к чистой окружающей среде и связанные с этим заболевания могут создавать основу для социальной напряженности на местном и международном уровнях, которая в конечном итоге может вылиться в крайнее насилие, обычно связанное с актами терроризма и войной. Одним из современных мощных загрязнителей окружающей среды является свинец. Он широко распространен в природе и был одним из первых металлов, выплавленных и широко используемых людьми. Сегодня свинец является наиболее широко используемым цветным металлом, с мировым годовым производством 9 миллионов тонн. Его негативное воздействие на организм человека проявляется в поражении нервной, сердечно-сосудистой, желудочно-кишечной, репродуктивной, почечной и иммунной систем. Загрязнение свинцом также угрожает экосистеме планеты, уменьшая доступность безопасной пищи и воды. Не менее важным агентом, воздействующим на окружающую среду является серебро. За последние десятилетия наночастицы серебра, широко исследовались и применялись в различных областях науки и техники благодаря их уникальным оптическим, электрическим, магнитным, антибактериальным и противогрибковым свойствам. Но экологи предупреждают, что выброс наночастиц серебра в сточные воды может привести

к серьезным негативным последствиям для бактерий в природных системах, водорослей, некоторых растений и рыб. Существует также растущее доказательство того, что наночастицы не только токсичны для бактерий, но и очень токсичны для клеток млекопитающих [8. Р. 117-127].

Таким образом, непрерывное загрязнение окружающей среды свинцом, серебром, мышьяком, кадмием, загрязняющими газами, растворителями и пестицидами при знании его пагубного воздействия на объекты природы можно квалифицировать как акт экологического терроризма. Но в этом случае теряется один из основных смыслов понятия «терроризм», а именно – умышленное устрашение. Только в случае целенаправленного использования агентов различной природы для разрушения или угрозы разрушения окружающей среды можно говорить о террористических угрозах. Так, например, прогрессивные свойства наночастиц серебра становятся притягательными для возможности их использования в террористических целях. А стремительный рост нанотехнологической активности во всем мире породил опасения, что наноразмерные частицы потенциально могут быть использованы в актах экологического терроризма, направленных на уничтожение части окружающей среды.

Методы, разработанные специально для борьбы с экологическим терроризмом могут превратиться в оружие биотерроризма. Так произошло с бактерией «Синтия», созданной для ликвидации последствий разлива нефти в Мексиканском заливе [2. С. 112-118]. Продукт искусственных разработок биотехнологов трансформировался впоследствии в источник угрозы для всех живых организмов прилегающих территорий. А тот факт, что правительство снижало цены на недвижимость в этом регионе, привлекая покупателей, сознательно подвергая их опасности прямо свидетельствует о том, что «Синтия» из «бактерии-спасителя» превратилась в «бактерию-террориста».

Последствия биотеррористических атак оказывают воздействие только на живые организмы. По мнению Томаса Роберта Мальгуса эпидемии, происхождение которых до сих пор не изучено, являются инструментом воздействия на перенаселение планеты и, следовательно, средством спасения окружающей среды. В этом контексте биотерроризм прямо противоположен экотерроризму. Постоянно появляются новые, ранее неизвестных науке, агенты. Например, в начале 2010-х годов стали регистрироваться спорадические очаги коронавируса ближневосточного респираторного синдрома (MERS) [5. С. 132-137]. Среди современных эпидемий, наибольшую тревогу вызывает эпидемия нового штамма коронавируса SARS-CoV-2, вызывающего опасное инфекционное заболевание COVID-19. Вирус быстро мутирует и увеличивает количество мишеней, если изначально это были животные, а заражение человека происходило только через них, то сейчас, он стремительно передается от одного человека к другому. Начавшись в Китае в конце 2019 года, он уже охватил весь мир и вызывает не только

инфицирование населения разных стран, но и сильнейшую панику. Человечество показало свою уязвимость и неготовность противостоять новым угрозам, в отличие от окружающей среды. Массовый карантин и снижение производства уменьшили загрязнение воздуха. Спутниковые изображения, полученные NASA, показали значительное снижение уровня загрязнения воздуха диоксидом азота в Китае в очагах распространения коронавируса. В европейских странах из-за отсутствия пешеходов, туристов, закрытых музеев улицы и площади городов становятся чище. Можно говорить о том, что косвенно вирусы способствуют экологическому движению, но при недостаточном уровне противовирусных мер, а также в руках террористов превращаются в мощное оружие против всего «живого».

В последние годы на международном уровне сформировано новое видение системы коллективной безопасности, которое наряду с угрозами насилия на межгосударственном и внутригосударственном уровне, нарушений прав человека, геноцида, нищеты и др. включает и угрозы, исходящие от инфекционных болезней и экологической деградации, ядерного, радиологического, химического и биологического оружия. Генеральный секретарь ООН 2 мая 2006 г. в докладе «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» отметил, что «ядерное, биологическое, химическое или радиологическое террористическое нападение имело бы опустошительные масштабные последствия. Помимо огромных человеческих потерь и разрушений оно могло бы нанести смертельный удар по мировой экономике и повергнуть миллионы людей в состояние крайней нищеты» [14]. Но в мировых правовых актах и национальных законодательствах экотерроризм и биотерроризм напрямую не трактуются как мировые угрозы и не дается их четкого определения.

В Федеральном законе РФ «О противодействии терроризму» в п. 3 ст. 3 при перечислении основных понятий, связанных с террористической деятельностью понятие «экологического терроризма» отсутствует. Но в статье 7 «Пресечение террористических актов в воздушной среде» употребляется термин «экологическая катастрофа» в следующем контексте: «Если воздушное судно не подчиняется требованиям о посадке и существует реальная опасность гибели людей либо наступления *экологической катастрофы*, оружие и боевая техника применяются для пресечения полета указанного воздушного судна путем его уничтожения...» [15]. Таким образом, термин «экологическая катастрофа» можно лишь косвенно связать с последствиями террористического акта.

В УК РФ в ст. 205 предусмотрена уголовная ответственность за террористический акт, а в ч. 3 ст. 205 УК РФ говорится об ответственности за посягательство на объекты исключительно ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, все иные источники заражения окружающей среды не упоминаются. В УК Украины ст. 261 по-

нятие терроризма имеет специфическое значение, не связанное с угрозой или устрашением, а с непосредственным нападением на опасные объекты и с возможными последствиями, которые можно трактовать и в рамках изучения проблемы экологического терроризма. «Терроризм – нападение на объекты, на которых имеются предметы, представляющие повышенную опасность для окружающих». В УК Грузии в ст. 324 подчеркивается опасность «технологического терроризма». В УК Франции в ст. 421-2 термин «экотеррор» определяется следующим образом – «образует равным акт терроризма, если он намеренно связывается с какой-либо индивидуальной или коллективной операцией, имеющей целью распространение в атмосфере, почве, недрах или водах, включая территориальные морские воды, любого вещества, способного поставить в опасность здоровье человека или животных или природную среду» [1. С. 189-192].

В 2004 году в докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность», представленном Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, учрежденной Генеральным секретарем ООН в качестве одной из главных проблем, возникающих при борьбе с терроризмом является неспособность государств прийти к согласию как относительно единого определения терроризма вообще, так и биологического и экологического терроризма в частности. В Проекте всеобъемлющей конвенции ООН о международном терроризме упоминается термин «экотеррор» в следующем контексте: «экологического терроризма как незаконного или умышленного причинения серьезного ущерба окружающей среде с целью устрашения и запугивания населения или принуждения правительства или международной организации к совершению каких-либо действий или воздержанию от их совершения». 8 сентября 2006 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Глобальную контртеррористическую стратегию в форме резолюции и изложенного в приложении к ней Плана действий. Особая роль в стратегии отведена новым важным инициативам. Предполагается, что возможности биотерроризма будут минимизированы за счет создания единой, всеобъемлющей базы данных по биологическим инцидентам при этом особое внимание будет уделяться улучшению систем здравоохранения государств [16].

Глобальная контртеррористическая стратегия ООН призывает государства присоединиться к существующим международным конвенциям и протоколам против терроризма. Экотерроризм и биотерроризм должны стать существенной частью всеобъемлющей конвенции ООН о международном терроризме, поскольку при определенных условиях они могут спровоцировать глобальные проблемы и привести к изменению геополитической ситуации в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Иванцов С.В.* Экологический терроризм как новое проявление современной организованной преступной деятельности // Юридический журнал. 2008. № 1.

2. *Курачева И.В., Гарькушев А.Ю.* Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 5-6 (83-84).
3. *Максимова М.В., Егорова А.Ю., Червинец Ю.В.* Биотерроризм – одна из угроз мировому обществу // Тверской медицинский журнал. 2016. № 4.
4. *Митева В.В.* К истории зарождения антиглобалистского движения // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2011. № 1.
5. *Пухов А.А.* Биотерроризм и биодиверсионная деятельность как угрозы национальной безопасности республики Беларусь на современном этапе // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки. 2016. № 4.
6. *Alexander G.A.* (2000) Ecoterrorism and nontraditional military threats. *Mil Med* 165:1-5.
7. FBI (Federal Bureau of Investigation) (2002) The threat of eco-terrorism: testimony by James F. Jarboe before the US house resources committee, subcommittee on forests and forest health, Washington, DC // <http://www.fbi.gov/news/testimony/the-threat-of-eco-terrorism/?searchterm=eco-terrorism>.
8. *Renat R. Khaydarov, Rashid A. Khaydarov, Svetlana Evgrafova, Stefanie Wagner, and Seung Y. Cho* Environmental and Human Health Issues of Silver Nanoparticles Applications / Environmental Security and Ecoterrorism. Hani Alpas (Editor), Simon M. Berkowicz (Editor), Irina Ermakova (Editor). 2011.
9. *Simon M. Berkowicz* Eco-Terrorism/Enviro-Terrorism: Background, Prospects, Countermeasures / Environmental Security and Ecoterrorism Eco-Terrorism. Hani Alpas (Editor), Simon M. Berkowicz (Editor), Irina Ermakova (Editor). 2011.
10. *Vanderheiden S.* (2008) Radical environmentalism in an age of antiterrorism. *Environ Polit* 17:299-318.
11. *Wagner T.* (2008) Reframing ecotage as ecoterrorism: news and the discourse of fear. *Environ Commun* 2:25-39.
12. *Westing A.H.* (1985) Environmental warfare. *Environ Law* 15:645-666.
13. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf
14. <http://www.un.org>
15. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/792bcd6f05f9d127f278b75c2a51524a4743b06a/
16. <https://mgimo.ru/files2/p52/188752/10a5d130cc20dfa9ac49623649484874.pdf>

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.013

УДК 32.327

У.Б. ЖАМБАЕВА

кандидат философских наук,
доцент Управления высшего образования
РЭУ им. Г.В. Плеханова, Улан-Баторского филиала,
Советник Президента монгольской дипломатической
организации мира и дружбы, Монголия, г. Улан-Батор

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ТИБЕТА КАК ГОСУДАРСТВА

Известно, что Тибет был в составе Китая со времен правления династии Цинь и Юань, а после крушения Циньской династии, Тибет считался независимым, самостоятельным государством вплоть до 1950 г. Также необходимо упомянуть, что Тибет обладал важными юридическими признаками некоей государственности, которые полностью соответствуют современным законам международного права. На сегодняшний день считается, что с седьмого по девятый век Тибет был сильной и значимой империей, конкурировавшей по своему международному влиянию с китайской империей Танг. И именно в этот период не возникает вопроса наличие существования тибетского государства как такового. В этот временной период Тибет достиг вершины своего могущества, неоднократно побеждая и захватывая территории династии Танг.

Ключевые слова: государство, право, политика, история, территория, соглашение, буддизм, бодхисаттва, бодхичитта, дхарма.

U.B. ZHAMBAEVA

Candidate of philosophical Sciences,
associate Professor of Management in higher
education, REU im. G.V. Plekhanova, Ulaanbaatar branch,
Adviser to the President of the Mongolian diplomatic
organization for peace and friendship,
Ulan-Bator, Mongolia

HISTORICAL AND POLITICAL EXCURSION OF TIBET AS A STATE

It is known that Tibet was part of China since the Qin dynasty and the yuan, and after the collapse of the Qin dynasty, Tibet was considered an independent state until 1950 it is Also necessary to mention that Tibet had an important legal

characteristics of a certain state, which fully comply with the current laws of international law. Today it is believed that from the seventh to the ninth century Tibet has been a strong and important Empire, to compete in its international influence with the Chinese Tang Empire. And in this period there is no question the presence of the existence of the Tibetan state itself. During this time period, Tibet reached the height of its power, repeatedly defeating and capturing the territory of the Tang dynasty.

Key words: *state, law, politics, history, territory, agreement, Buddhism, bodhisattva, Bodhicitta, Dharma.*

Буддизм проник в Тибет в конце IV в. н.э. в махаянской форме. Это произошло во время правления тибетского короля Сонгцен Гампо, который правил в центральном и восточном Тибете. Сонгцен Гампо взойшел на трон в тринадцатилетнем возрасте. Стремясь заключить союз с Непалом, он направил туда министра, чтобы тот устроил его брак с принцессой Бхрикути Девы (Lha-mo Khro-gnyer-can-ma). Приехав в Тибет для заключения брака, она привезла с собой статую медитативного образа будды Акшобхьи. А также он познакомился с буддизмом благодаря решению жениться на китайской принцессе (Вен Ченг) (тиб.: Win-chang Kong-jo, Wun-shing Kong-jo), дочерью императора династии Тан Тай Цзуна (годы правления 627-650). Тем не менее, эта договоренность была отложена, так как на руку принцессы претендовал также Тхокики (Tho-ki-ki), правитель Тогона (Thu-lu-hun, 'A-zha), царства в районе озера Коконор в северном Амдо, ныне китайская провинция Цинхай. Этот регион входил в состав Тогона с начала IV века.

18 ноября 763 года н.э. тибетские войска захватили территорию Тангской столицы города Чань Янь и определили на китайский престол Ли Чин Хуна, правнука тангского императора Ли Джи, китайский император был возведен на престол по усмотрению тибетцев. Далее Лин Чин Хун объявил новое правление под девизом Да Шу. Позже при тибетском правителе Ти Рол Пачене, Тибет вступил в переговоры с Тангской империей. В 821 году на территории Чань Яня и в 822 году на территории Лхасы был заключен тибето-китайский договор, который выбили на четырех колоннах, который поставили в Лхасе и в Чань Яне и на границе с двух сторон. Оба государства рассматривались независимыми и равноправными. В договоре было указано, что великий царь Тибета является божественным проявлением Цэнгпо и великий китайский правитель Хуандзи является небесным императором, заключили великий договор и ратифицировали соглашение, что и Тибет и Китай будут держать свои страны в пределах, которыми владеют на данный момент, вся область к востоку от той который есть великий Китай и вся область к Западу который есть страна великий Тибет, по обе стороны этой границы не будет военных действий, вражеских захватов

территорий, что на данный момент владения являются родственными и заключен великий договор о мире и поэтому следует продолжать сохранять дружественные связи. Посланцы с обеих сторон должны следовать дорогой, основанной в давние времена.

Согласно дружеским отношениям между двумя правителями, следует практиковать почтение по отношению друг к другу. Не следует проявлять взаимную враждебность даже в словах. Для того, чтобы данное соглашение, устанавливающее великую эру, когда каждый народ будет счастлив в своей стране заключено так, чтобы оно никогда не было изменено. В этом и заключается четкое определение того, что Тибет и Китай являются двумя различными странами.

Далее в десятом веке Тибет потерял свое влияние и распался на ряд владений. Некоторые ученые считают, что послужило этому наличие буддизма, другие же полагают, что в образовавшемся распаде был виноват тибетский царь Дарма, который был известен в истории Тибета тем, что производил гонения на религию буддизма. У Ландармы прямых наследников не существовало, и данный факт указывает на то, что данное положение внесло определенный дисбаланс в данной ситуации. Считается, что в этот период фрагментации закончился период монгольского завоевания Тибета. Важнейшим событием в этом процессе монгольского завоевания был поход 1240 года под командованием Ле Дже и Дорд Дархан. Этот отряд находился под верховным командованием Гадаана, который был в свою очередь внуком Чингис хана. Таким образом, это были контакты, которые как считается, сыграли достаточно значимую роль в распространении буддизма. Гадаан отправил приглашение в Тибет Сакъя Пандите Кунга Гьялтсену, который был главой Сакъя одной из школ тибетского буддизма. Считается, что Гадаан руководствовался тем, что школа Сакъя придерживалась старых традиций и была достаточно влиятельной по всему Тибету. А также монголов привлекала сама тантра, своего рода короткий путь для достижения просветления путем практик и различного рода техник. Более того монгольское общество было достаточно сходным устоем жизни с тибетским обществом. Даже религия Бон, которая существовала в Тибете до прихода буддизма, также имеет общие корни с монгольским шаманизмом.

В 1253 году племянник Сакъя Пандите Кунги Гьялтсена, Пагба-лама обратил в буддизм монгольского принца Хубилая, тем самым установив с ним духовные отношения, наставник и покровитель (чой-йон). Монгольский отряд принца-чингисиды Годана установил отношения как раз с одной из таких школ – самой могущественной в то время школой Сакъя. «Передачу власти над Тибетом Сакъя-пандите Пагпа-ламе в 1254 г. подтвердил Хубилай, но, как и в случае с Годаном, это было сделано не от лица всемонгольского хана (им был Мунке), а от чингисиды, которому было поручено завоевание китайского государства Южная Сун» [4. С. 86].

Отношения наставник и покровитель, проявляются следующим образом, один из них учит дхарме, другой взамен награждает своего наставника. В 1271 году завоевал Китай и провозгласил династию Юань. «Гражданские и военные дела были переданы особому чиновнику пончену, который назначался монгольским ханом на определенный срок. Тибет был разделен на 13 областей, назначение начальников которых также зависело от монголов. В 1268, 1287, 1334 гг. монголы провели в Тибете три обследования для определения размера дани, что показывает реальное осуществление ими определенной власти в Тибете» [3. С. 205]. С того момента высшие ламы буддийской школы Сакья правили Тибетом. Считается, что Хубилай провозгласив в Китае династию, Юань стал китайским императором и с тех пор Тибет последовательно управлялся китайскими династиями Юань, Мин и Цинь. «Тернист был путь Хубилая к «кормилу власти». Его жизнь и восхождение к трону, управление величайшей страной мира приходится на переломную эпоху расцвета и краха самой большой по территории империи в мировой истории. Он родился в 1215 году, когда его дед захватил Пекин. До 1241 г., года смерти великого хана Угэдэя, его влияние при монгольском дворе не было заметным, так как его отец Толуй, самый младший сын Чингиз-хана, равно как и его потомки, не рассматривались в качестве претендентов на трон, потому сведений о ранних годах жизни Хубилая немного. Однако известно, что юный Хубилай с азартом учился верховой езде и стрельбе из лука. Как и большинство монголов, он любил охоту, на которую часто выезжал и в пожилом возрасте, что нашло отражение в художественных полотнах» [7. С. 13].

«С точки зрения китайской историографии никаких принципиальных изменений в осуществлении императорской власти над Тибетом не произошло с приходом династий Мин и Цин. С установлением власти Минов в Китае тибетцы были призваны принести дань, и произошла смена печатей, грамот и титулов» [5. С. 262]. Известно, что при династии Мин сохранилась в большей степени сама система управления Тибетом, которая была создана династией Юань. В результате известно, что Китай управлялся китайскими династиями согласно древней китайской традиции.

Однако вне рамок китайской культуры было невозможно создать легитимную династию в Китае, где ханьцы составляли достаточно огромное большинство населения и после присоединения Китая к империям иноземцев, в этих империях большинство тоже становились ханьским. Перед завоевателями появлялась проблема, и вследствие этого иноземные завоеватели приспособливали китайскую государственную систему к себе и провозглашали династию своей для того чтобы легитимировать себя в глазах данного ханьского большинства. И так, что касательно империи Юань, то Китай был ее частью, это было сугубо монгольское государство, включавшее в себя Китай. В пределы империи Юань входили не только собственно Монголии

прилежащие страны, а также все территории, завоеванные монголами от тихого океана до атлантического. Так границы династии Юань были не совсем определенными. Тогдашнее ханство, управлявшееся Чингисидами, золотая орда, они были независимыми, но формально они признавали себя вассалами великого хана, чья резиденция находилась на территории Пекина. Данная зависимость не относится в отношении ханов монголов с представителями тибетской школы Сакья, они не являлись имперскими вассалами, это продуцировалось в отношениях наставника и покровителя, которые в конечном итоге оформились только при Хубилае. Показательно источником мирской власти над территорией Тибета, глава школы Сакья был представлен монгольским ханом, как и сам хан претендовавший на вселенскую власть легитимировал ее по религиозному мандату своего наставника.

В данный период была создана концепция двух порядков, (законов) ее автором является Сакья Пандита Кунга Гьялтсен, данная концепция описывает идеал отношений великих императоров с религией. Все живые существа хотят спастись, духовное спасение состоит в полном освобождении от страданий, а мирское в благополучии, согласно вышеуказанной концепции. Так духовное спасение возможно только при постижении бодхичитты (санскр. бодхи «просветление» и читта «сознание»; тиб. *byang chub kyi sems*).

Согласно буддийскому пониманию, просветление – это состояние ясности, осознанности, выхода из состояния субъектно-объектной дихотомии, выхода за пределы дуального ума, т.е. состояние растворения собственного эго, переходящее в состояние единства со всем окружающим. Просветление достигается путем понимания собственного неведения, благодаря чему возникает спонтанность умственной деятельности, в результате данного процесса происходит синтез сознания со своим умом и телом. В конечном итоге сознание освобождается от неведения и каких – либо параллелей, становится чистым от эмоциональных загрязнений.

«Идея просветления восходит к раннему буддизму и исторически связана с биографией Будды, который привел в движение колесо дхармы, чтобы достичь полного Просветления. Полное просветление – это состояние реализации полного растворения неведения относительно природы реальности (иногда называемое воплощением «Трех Кай» трех тел будды), то есть когда истинная сущность будды заключена в теле дхармы, которое по своей природе является нематериальным, безграничным во времени и пространстве.

Кроме того, просветление означает знание единственного истинного пути, ведущего к освобождению от страдания и нирване. Таким просветлением обладает бодхисаттва (бодхи «пробуждение, просветление», саттва «существо»). Бодхисаттва – это тот, кто совершил многочисленные подвиги любви и сострадания, постепенно накапливая заслуги, приблизился к состоянию мудреца, познавшего истину и вышедшего из мучительного колеса бесконечных рождений и смертей.

Как отмечает Н.Л. Жуковская, «высший нравственный подвиг Бодхисаттвы состоит в том, что, достигнув состояния нирваны, они предпочитают не становиться буддами, а остаются в сансаре, добровольно подчиняясь законам кармы, оказывая помощь в обретении спасения всем живым существам. Наиболее популярные бодхисаттвы буддийского пантеона – Авалокитешвара, Манджушри, Ваджрапаны и др. Каждый бодхисаттва входит в мифологическую семью какого-либо будды. Его Святейшество Далай-лама считается воплощением («живым богом») Авалокитешвары» [2. С. 26]. Именно бодхисаттва обладает бодхичиттой, позволяющей помочь всем живым существам избавиться от неправильного видения, очистить сознание от ментальных загрязнений. В традиции махаяны считается, что для обретения возможности стать буддой, необходимо вступить на путь бодхисаттв, чтобы помогать всем живым существам. «Когда индивид приобретает полное единичество со страдающим, где теряется собственное «я» и возникает единое «я» между страдающим и состраданием, собственное «я» возвышается над индивидуальностью. Это есть первый этап субстанционального слияния, что является основой бодхисаттвовской мысли» [1. С. 27].

При достижении просветления возникает осознание того, что все вокруг обусловлено причинностью, появляются совершенно новые качества тела, речи и ума. Происходит ощущение отсутствия оппозиции субъекта и объекта воспринимающим и воспринимаемым, ведущее к состоянию прозрения. Далее приходит понимание того, что «я» не существует, что дает окончательную уверенность в освобождении. Это есть непоколебимая основа для полного раскрытия сознания. Просветление сознания есть видение пустоты. Здесь будет уместным привести известное высказывание Будды, которое он произнес в конце своей жизни: «Я могу умереть счастливо. Я не оставил ни единого поучения зажатым в ладони. Я успел дать все, что может приносить вам пользу. Теперь не верьте моим словам только потому, что сказал вам Будда, но хорошо исследуйте их. Будьте светом сами себе». Данное высказывание дает основу для практического подхода к практике спасению.

Естественным результатом буддийской практики является четкое мышление, возникающее из опыта беспрепятственного внутреннего пространства. Данная практика позволяет полностью избавиться от страданий и циклических рождений. Бесконечные страдания и освобождение в буддизме выявляются в некой единой форме бытия, освобождение есть угасание наших желаний, однако здесь должен присутствовать принцип срединного пути, а это есть абсолютная независимость внутреннего бытия.

Читта является второй составной понятию бодхичитты, получившею наиболее глубокую разработку в Абхидхармической теории, основные принципы которой были изложены знаменитым Васубандху в «Абхидхармакоше». Но сама теория существовала еще задолго до указанного произведения, она восходит своими истоками к первым двум истинам и тесно связана с понятием «дхарма».

По словам О.О. Розенберга, «Термин «абхидхарма» может быть объяснен только в связи с термином «дхарма». Абхидхармой в собственном смысле называется, согласно определению Васубандху, «чистое знание и сопровождающие его дхармы». «Чистым знанием» называется то размышление, которое направлено, во-первых, на дхарму *par excellence*, т.е. на нирвану, а во-вторых, на дхармы в смысле элементов или проявлений, на которые разлагается эмпирическое бытие» [6. С. 7]. Абхидхарма является центральным понятием в школах Хинаяны, которые развивали концепцию природы дхармы как «носителя признака». Сама по себе Абхидхармическая теория, будучи основанной на рациональном описании дхарм, тем не менее, является несовершенной в плане объяснения методов освобождения от иллюзий ментального мира. Собственно, сама читта – это сознание, которым необходимо управлять, которое необходимо постоянно держать под контролем. Читта есть то самое зеркало, посредством которого мы способны видеть весь спектр ощущений, поступающих от органов чувств. Она обладает динамическим и статичным свойствами по отношению к мыслям и обрывкам информации в разуме. Мысли становятся едиными и движутся непрерывным потоком. Данный термин может означать как низший уровень ума, так и его высшее состояние.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дандарон Б.Д. Мысли буддиста. Большой Камень. 1970.
2. Жуковская Н.Л. Тибетский словарь буддизма.
3. Клинов А.С. Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. – конец XX в.). Майкоп, 2000.
4. Кычанов Е.И. История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е.И Кычанов, Б.Н. Мельниченко. М.: Восточная литература, 2005.
5. Чжунго гунчаньдан миныйзу гунцзофачжан яньцзю. [Исследование развития национальной политики КПК]. В 3-х т. / глав. ред. Цзинь Бингао. Пекин: Изд-во Центрального университета национальностей, 2007. Т. 2.
6. Янгутов Л.Е. Традиции Праджняпарамиты в Китае. Улан-Удэ, 2007.
7. *Rossabi M. Khubilai Khan. His life and Times. University of California, Berkeley – Los Angeles – London, 1988.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.014

УДК 32.327

Е.Н. ДЕМИДОВА

кандидат философских наук, доцент
Высшей школы международных отношений
Санкт-Петербургского политехнического
университета им. Петра Великого,
Россия, г. Санкт-Петербург

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА И АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматриваются политические профили двух ведущих политических лидеров современности канцлера ФРГ Ангелы Меркель и Президента США Дональда Трампа. Исследуется стиль исполнения политической роли с точки зрения типологии М. Херманн. Отмечаются такие качества Ангелы Меркель как патриотизм, стремление служить интересам нации, прагматизм и забота о процветании страны, а также жесткость в отстаивании позиции безусловного лидера в рамках политических дискуссий с представителями других партий и движений. Показывается высокая индивидуальная энергия, последовательность и целеустремленность, умение эффективно преподносить идеи обществу, находить компромиссы с партнерами, использовать различные механизмы экономического давления, выстраивать стратегические экономические отношения Дональда Трампа.

Ключевые слова: политический лидер, лидер-служитель, типология лидерства, лидер-торговец, образ лидера.

E.N. DEMIDOVA

PhD in Philosophical Sciences,
Associate Professor of international relations,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

CONSTRUCTING AN IMAGE OF A MODERN POLITICAL LEADER: PECULIARITIES OF LEADERSHIP'S STYLES ON EXAMPLES OF DONALD TRUMP AND ANGELA MERKEL

The article observes profiles of two political leaders of modernity, the chancellor of FRG Angela Merkel and the president of USA Donald Trump.

The author examines styles of political role's performance from the perspective of M. Hermann's typology. In the article are analyzed such Angela Merkel's traits as patriotism, will to serve for nation's interest, pragmatism and care for country's prosperity, in addition to persistence in upholding the position of indisputable leadership in political discussions with other parties and movements' representatives. On the other hand, the author demonstrates high levels of individual energy, consistency and purposefulness, the capability to effectively present ideas to society, to achieve compromises with partners, to use different methods of economical pressure and to set out strategic economical decisions of Donald Trump.

Key words: *political leader, leading attendant, leadership typology, leading dealer, image of the leader.*

Лидерство как одно из явлений общественной жизни присуще человечеству с момента его возникновения. Человек реализует свои качества в определенных группах, следовательно, в этих образованиях всегда возникает данное явление как лидерство. Учитывая, что уже несколько тысяч лет существует такие организации политической власти как государство, этот тип лидерства занимает ведущее положение среди других форм лидерства, присущих деятельности человеческого общества.

Политическое лидерство сопряжено с занятием конкретным лицом командных должностей в структурах государственной власти. Необходимо отметить, что политические лидеры крупнейших стран мира оказывают существенное влияние на процессы международного характера, их положение позволяет воздействовать на основные аспекты межгосударственных отношений, а также воплощает стратегические направления развития конкретных держав.

Политическое лидерство внутри одной страны создает систему ориентиров для развития государства с целью достижения приоритетных целей. Успешная реализация задач поступательного движения стран по пути социального, экономического, научного, культурного прогресса придает политическим лидерам тех или иных государств большой вес на международной арене.

Политическое лидерство как сложное явление привлекает к себе внимание широких слоев населения и эффективная деятельность политических лидеров, стоящих во главе государств создает положительный имидж не только руководителя указанной державы, но и существенно повышает авторитет государства в рамках взаимодействия его с политическими организациями других наций и национальностей. Являясь весьма сложным социальным явлением, политическое лидерство постоянно привлекает внимание многочисленных исследователей, которые стремятся определить его основные черты и выделить элементы, присущие деятельности политиче-

ских лидеров разных стран в течение исторического развития человеческой цивилизации.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2; 3; 4; 5; 8].

Однако проблему политического лидерства нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Особого внимания заслуживают политические лидеры передовых стран на международной арене.

Одним из таких лидеров является канцлер Федеративной Республики Германии Ангела Меркель, которая уже четыре срока подряд, являясь руководителем ведущего в экономическом отношении государства Европы активно и плодотворно осуществляет свои идеи в Германии. По известной типологии М. Херманн образ Меркель как политического лидера можно отнести к типу лидеров-служителей, тех, кто в первую очередь думает об интересах общества [10].

Массы населения в первый срок осуществления Меркель полномочий канцлера в Германии относились к ней весьма индифферентно, то есть она не могла рассчитывать на стабильную обширную платформу избирателей, которые бы безусловно поддерживали ее социально-экономический, политический курс. Однако, являясь прагматической личностью, Ангела Меркель осуществляла весьма выверенную политику в ведущих областях жизни общества, что позволило ФРГ постепенно занять главенствующую позицию в рамках Европейского экономического союза [11. С. 149].

Будучи глубоко и патриотично настроена по отношению к своей стране, Меркель реализовывала идеи, в рамках развития прежде всего экономической и социальной сферы германского общества, что в конечном итоге привело к достижению лидирующего положения Германии в экономике и постепенно позволило добиться роли ведущей державы в политических процессах европейского континента. То есть в рамках деятельности, осуществляемой Меркель, проявляется такая ее черта как лидера – стремление служить интересам германского народа [7. С. 69].

Население ФРГ сумело объективно оценить позитивность социально-экономического, политического курса Меркель и поэтому она длительное время в своей стране практически является безусловным лидером, чувствующим настроение людей, предлагающим разумный выход из ситуаций, думающим о процветании нации [6. С. 81].

Успехи Меркель в воплощении своих концепций объективно привели к тому, что она как руководитель государства в течение почти 20 лет пользуется безусловной поддержкой со стороны населения ФРГ. Однако следует отметить, что Меркель, руководя государством и являясь безусловным

политическим лидером страны, не только плодотворно возглавляет движение германского народа по пути социально-экономического прогресса, но и жестко и успешно отстаивает позиции безусловного лидера в рамках политических дискуссий с представителями других партий и движений, которые осуществляют свою деятельность в ФРГ [7. С. 72].

Для Меркель характерным является то, что она с целью разрешения проблем стратегического характера, возникающих перед немецким обществом, идет на значительные компромиссы с политическими оппонентами ХДС внутри страны. Такой политический подход позволяет ей и ХДС в целом длительный период времени сохранять ведущие позиции в социально-политической жизни Германии, что лишней раз подтверждает качество Ангелы Меркель как несомненного лидера крупного государства в современной Европе. Весьма значимую роль Ангела Меркель играет в решении острых проблем Европейского экономического сообщества и с ее позицией вынуждены считаться все политические лидеры Европейского Союза [9].

Весьма интересной для исследования явления политического лидерства является фигура президента США Дональда Трампа. По типологии М. Херманн он скорее принадлежит к типу лидеров-торговцев.

Значительную часть своей жизни он не имел какого-либо отношения к политической жизни США, так как Трамп несколько десятилетий весьма успешно занимался реализацией различных чисто экономических проектов.

Трамп, стремясь стать президентом США и имея в начале предвыборной кампании минимальные шансы на успех в президентской гонке сумел организовать процесс стремительного повышения своего политического имиджа в глазах миллионов избирателей США. Его личностные качества и высокая индивидуальная энергия позволили последовательно пройти все ступени избирательной кампании и выиграть президентские выборы, что привело его на высший государственный пост США.

Последовательность и целенаправленность действий Трампа и его окружения в целях достижения победы на президентских выборах во многом связано с таким качеством Трампа как умение добиваться компромиссов с политическими оппонентами внутри республиканской партии и путем обещания несомненных экономических преимуществ, склонять на свою сторону многих ведущих политиков республиканцев.

Трамп во время президентской избирательной кампании обещал американскому народу создание условий для повышения уровня экономической активности населения, возвращение ведущих корпораций страны, которые расположили свои производства по всему миру на территорию государства, с целью добиться высокого уровня занятости населения. Трамп также обещал представителям ведущих корпораций ведущего военно-промышленного комплекса США всевозможные льготы экономического характера и увеличение объема государственных заказов на различные виды вооружений,

выпускаемых ведущими предприятиями военной промышленности страны. Кроме того, стремясь стать во главе государства, Трамп заверял простых американцев в том, что он предпримет эффективные меры по пресечению массовой миграции представителей государств латинской Америки и развивающихся стран другого мира на территорию США, чтобы ограничить конкуренцию со стороны мигрантов трудоспособным гражданам государства и обеспечить тем самым более высокий уровень трудовой занятости коренного населения [1. С. 150].

Став во главе государства, он по-прежнему использует приемы и способы, которые применял в своей коммерческой деятельности, опираясь на принцип, что с любым оппонентом можно договориться на определенных условиях, как это происходит в рамках торговой сферы.

Трамп для достижения поставленных целей неоднократно применял способ, когда он заявляет о принятии мер отрицательного характера по отношению как к политическим противникам в стране, так и в рамках международных отношений, осуществляемых США с другими государствами. В его внешней и внутренней политике просматриваются ориентиры на достижение, прежде всего, выгодных экономических результатов для развития народно-хозяйственного комплекса страны.

Все политические соглашения с другими государствами Дональд Трамп стремится оговорить договоренностями экономического характера, чтобы выторговать для США преимущества в области внешнеэкономических связей и тем самым уменьшить возможности других государств конкурировать с США, прежде всего в сфере экономики и торговли. Не секрет, что в период нахождения Дональда Трампа на посту президента страны США испытывает значительную конкуренцию со стороны Китая и ЕС в сфере торговли товарами. Ежегодный дефицит внешней торговли США в настоящий период с другими странами составляет несколько сот миллиардов долларов, что негативно сказывается на конкурентности товаров американской промышленности и сельского хозяйства на международной арене.

Исходя из своей концепции сверхактивности в сфере создания преимуществ для американских товаропроизводителей, Трамп и его администрация, широко использует рычаги всевозможных санкций, особенно финансового характера по отношению к основным конкурентам международной торговли. Достаточно характерным примером является введение санкций со стороны американского правительства по отношению строительства Северного Потoka-2, которые реализуется несколькими ведущими странами Западной Европы совместно с Россией для обеспечения стабильности снабжения природным газом ряда стран ЕС.

В этом же русле реализации Трампом своих подходов во внешнеполитической деятельности лежат принятый целый комплекс санкций по отношению к Китаю. Пытаясь улучшить позиции США в торговле с КНР, Трампом

были приняты и обнародованы ряд жестких мер по ограничению доступа китайских товаров на внутренний рынок США. Однако, попытки продиктовать американские условия Китаю натолкнулись на ожесточенное сопротивление со стороны руководства КНР, которое также твердо отстаивает позиции ведущих китайских корпораций. Здесь Трамп применил свою позицию, как лидера, умеющего в серьезной конфликтной ситуации торговаться с противоположной стороной для достижения поставленных им целей.

В настоящее время Трамп пошел на смягчение объявленных санкций по отношению к товаропроизводителям из Китая, потому что выяснился факт, что применение экономических санкций, объявленных Трампом в полном объеме весьма негативно сказывается на экономическом развитии самих США, так как уже несколько десятков лет народно-хозяйственные комплексы США и Китая тесно связаны в рамках большой по объему взаимной торговли.

Характерным примером политической активности Трампа как лидера, проявляющего качества торговца является его попытки оказать давление на союзника по НАТО Турцию, которая приобретает зенитно-ракетные комплексы С400 у России. США по инициативе Трампа ввели санкции против Турции, добиваясь отмены договора о приобретении этим государством передового российского оружия, а затем Дональд Трамп предложил Турции заключить договоры с США на льготных условиях в рамках экономических связей объемом около ста миллиардов долларов.

Позиции Трампа внутри своего государства подвергаются постоянным нападкам со стороны представителей демократической партии США, которые используют средства массовой информации, в основном негативно относящиеся к нынешнему президенту страны. Однако, Трамп продолжает весьма последовательно осуществлять шаги экономического характера, которые позитивно сказываются на темпах развития народного хозяйства страны и лежат в русле его обещаний, высказанных во время предвыборных кампаний. Рост экономики США при Трампе благодаря его подходам как человека, сумевшего создать значительное состояние в несколько миллиардов долларов опирается на его прагматичное отношение к хозяйственной деятельности и трезвой оценке эффективности воздействия на экономические процессы в американском обществе, с помощью проверенных на практике мер.

Говоря о специфике образа Ангелы Меркель и Дональда Трампа как одних из ведущих политических лидеров современности можно отметить, что действия Ангелы Меркель больше соотносятся с образом лидера-служителя, прагматично и последовательно осуществляющего выбранный курс, чувствующего интересы общества и действующего исходя из них. Образ Дональда Трампа больше соотносится с образом лидера-торговца, идущего на компромиссы, умеющего договариваться, мыслить стратегически в рамках экономических выгод и умеющего эффективно продавать свои идеи обществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бенедиктов К.С.* Черный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа. (Главы из книги). Тетради по консерватизму. Изд.: СМИ альманах «Тетради по консерватизму», 2016. № 1.

2. *Лузан А.А., Лузан С.А.* Феномен Трампа // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2.

3. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Глебов В.А.* Горбачев – Ельцин – Путин: дискуссия вокруг моделей политического режима. Что дальше? // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 5 (45).

4. *Мовсесян О.* Личность политического лидера // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

5. *Москаленко В.Б.* Политическое лидерство в начале XXI века: на примере президента России Владимира Путина и канцлера Германии Ангелы Меркель // Вопросы политологии. 2018. Том 8. № 5.

6. *Мухина О.В., Михин А.Н.* Дискурсивная личность Бундесканцлера Германии // Политическая лингвистика. Изд.: Уральский государственный педагогический университет, 2019. № 5.

7. *Погорельская С.В.* Эра Меркель «Перспективы. Электронный журнал». Москва: Фонд изучения исторической перспективы, 2017. № 3.

8. *Родионова М.Е.* Особенности парламентских выборов 2017 года в Австрии. С. Курц как новый тип политического и государственного деятеля // Вопросы политологии. 2018. Том 8. № 7.

9. *Стрелец М.В., Морозова Н.Н.* Германия после парламентских выборов 2013 г. // Современная Европа Изд. ФГБУН Институт Европы Российской академии наук. 2014. № 3 (59).

10. *Херманн М.Дж.* Стили лидерства в формировании внешней политики // https://pravo33.files.wordpress.com/2012/04/1991-1-12-hermann_stili_liderstva.pdf

11. *Шалифова О.Н., Пивкина Е.А.* Образ женщины-политика в англоязычных средствах массовой информации // Поволжский педагогический вестник Изд. Самарский социально-педагогический университет, 2015. № 2 (7).

+

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.015

УДК 32.327

А.А. ХВАЛЕЙ

*студент кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки Московского
государственного университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

А.А. БУРЫГИН

*специалист по учебно-методической
работе Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

ИСЛАМИЗМ И СВЕТСКОСТЬ – НЕОТДЕЛИМЫЕ ГРАНИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТУНИСА

После революции 2010-2011 гг. в Тунисе не ослабевает борьба светских и исламистских партий, как не утихает в тунисском обществе борьба секуляристских и исламистских идей. Тунисская Республика, однажды решив идти по пути особой арабо-мусульманской светскости, в последнее время испытывает значительные трудности в реализации этого подхода.

Авторы статьи ставят перед собой задачу не только определить, что такое светскость в арабском (и исламском) понимании, но и проанализировать ее воплощение в «самой демократичной арабской стране» – Тунисе.

Ключевые слова: *ислаимзм, светскость, Тунис, модернизация, модель развития.*

A.A. KHVALEY

*Student at the Department of Political
Science of the East in the Institute of Asian
and African Studies of the Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

A.A. BURYGIN

*Specialist in educational and methodological
support at the Institute of Asian and African
Studies of the Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

ISLAMISM AND SECULARISM ARE INSEPARABLE FACETS OF TUNISIA'S POLITICAL MODERNIZATION

After the revolution of 2010-2011, the struggle between secular and Islamist parties in Tunisia has not abated, just as the struggle between secularist and Islamist ideas in Tunisian society has not abated. The Republic of Tunisia, having once decided to follow the path of a special Arab-Muslim secularism, has recently experienced significant difficulties in implementing this approach.

The authors of the article set themselves the task not only to determine what secularism is in the Arab (and Islamic) sense, but also to analyze its implementation in the «most democratic Arab country» – Tunisia.

Key words: *Islamism, secularism, Tunisia, the modernization, the model of development.*

В политологии под светскостью [1. С. 508-510] понимается не атеизм какой-либо страны и не умаление роли религии в обществе. Этим понятием обозначается исключительный нейтралитет органов государственной власти по отношению к любой религии, взаимная независимость религиозных и политических институтов. Устанавливается свобода совести и вероисповедания, свобода изучать и критиковать; отсутствие какой-бы то ни было официальной религии, официальной философии и, как следствие, право каждого индивидуума исповедовать любую религию по своему выбору или не исповедовать ни одной, наконец, последнее по месту, но не по значению, – свободный от любой конфессии и клира (но вместе с тем не антиклерикальный) характер государственной школы.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов в данной предметной области [2; 6; 10; 11; 12].

Однако проблема соотношения светскости и исламизма нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Отличие в понимании светскости на Западе и в арабо-мусульманском мире, в частности в Тунисе, кроется прежде всего в отсутствии института церкви в исламе, полной инкорпорации религиозной мусульманской жизни в национальную общественную жизнь. Под светскостью в арабо-мусульманской традиции понимается противоположность той религиозности, которая представлена в виде построения идеального исламского государства, предлагаемого фундаменталистами.

При этом необходимо подчеркнуть, что даже среди сторонников исламизации нет единого подхода к методам осуществления собственных идей [3. С. 101-112]. Более умеренная часть (так называемые реформаторы) предлагают взять нормы ислама, модернизировать их и на их основе выстраивать все частные и общественные отношения. Главным методом претворения этой программы в жизнь сторонники этого крыла исламизма определяют пропаганду. Ярким примером такого толка являются «Братья-мусульмане».

Последователи же радикальных тенденций (иначе говоря, салафиты) заявляют о необходимости приспособить всю современность под нормы ислама 7-8 веков даже ценой отказа от достижений науки и техники. Они определяют «священную войну против неверных» главным механизмом достижения намеченных целей, практически всегда прибегают в своей деятельности к терактам, захвату и казни заложников [3. С. 101-112]. Примером группировок подобного рода являются «ИГ» и «Аль-Каида» (1).

Соответственно диапазон «светскость-религиозность» в арабо-мусульманских странах гораздо шире, чем на Западе, его границы сильно размыты, и переход из светскости в исламизм осуществляется почти незаметно [4. С. 44]. Это связано с тем, что для ислама светское государство – это государство, где религии отведено только одно место – частная жизнь человека, а все публичные отношения регулируются именно светским законодательством.

Тунис избрал именно такой светский путь во всей его ближневосточной неоднозначности еще во время правления первого президента – Хабиба Бургибы. Неоднозначность светскости начала сразу же проявляться в практической реализации этой модели построения государства. Так, в 1957 году, когда была провозглашена Тунисская республика, был принят Кодекс о личном статусе, который запрещал полигамию. Шаг, кажущийся на первый взгляд абсолютно светским, имел и религиозную составляющую – закон опирался на исламскую аргументацию, подготовленную верховным муфтием страны [4. С. 51]. Это тоже является одной из особенностей политической модернизации арабских стран, в частности – Туниса. Ни одно важное решение не может быть принято без одобрения муфтия страны.

Преемник Хабиба Бургибы Зин ал-Абидин Бен Али продолжил линию постепенной секуляризации государства (запрет на ношение никабов

и ограничение ношения хиджабов, деполитизация мечетей, деисламизация системы образования и пр.), но при этом всячески подчеркивал свою приверженность исламу (возведение мечети Малика Ибн Анаса, открытие радио «Зейтуна», открытие исламского банка «Зейтуна»). Такая двойственная позиция, занятая Бен Али, должна была смягчить давление исламистов, которые были недовольны тем, что их религиозная жизнь контролируется, а политические возможности практически отсутствуют.

В 2014 году ООН высоко оценила принятие новой «прогрессивной» тунисской конституции, над которой с 2011 года работала совместная команда из представителей разных парламентских партий (как исламисты, так и сторонники светского пути развития). На практике получился некий компромисс между светскостью и религиозностью. С одной стороны, конституция закрепляет ислам в качестве государственной религии, объявляет государство его защитником и признает тунисскую нацию в качестве арабомусульманской. С другой стороны, она утверждает уважение прав и свобод человека, равенство прав и обязанностей мужчин и женщин, гарантирует свободу сознания и верований и обязует государство распространять ценности умеренности и терпимости, а также бороться с «такфиром» (обвинением в неверии) [5].

Усиление исламизма. После тунисской революции в ходе арабской весны проблема секуляризма и исламизма вышла на первый план. Связано это прежде всего с возвращением на политическую арену популярной исламистской партии «Ан-Нахда», которая в течение долгих лет была запрещена, а также с реабилитацией и освобождением политзаключенных (в т.ч. исламистов). Все это вместе с ухудшением экономической ситуации, нестабильностью в стране и разочарованием тунисцев в социал-демократической модели развития государства привело к резкому усилению исламистов, «единственной альтернативы светской коррумпированной власти», которые смогли завоевать доверие народных масс.

Однако стоит отметить, что обращение к исламу в тяжелых социальных, политических и экономических ситуациях не ново для арабского мира. Это вполне объяснимо: ислам выполняет роль не только государствообразующей религии, но и идеологии. Любая идеология может быть привлекательна для людей только в одном случае: если она создает привлекательную альтернативную модель реальности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в условиях безработицы, отсутствия возможностей для роста и развития, коррупции и сильного социального неравенства, люди пошли под знамена тех, кто от имени их религии обещал им построить общество, в котором все будут равны друг с другом, в котором не будет вражды, соперничества и несправедливости.

Кроме того, несмотря на общий подъем чувства гражданственности и патриотизма, ислам в глазах большинства арабских мусульман (особенно

молодежи) способствует сохранению национальной культуры [7]. В государстве, где 99,1% населения составляют мусульмане-сунниты, исламский фактор приобретает действительно большое значение.

Проблема для Туниса заключается еще и в том, что «обращение к исламу» трактуется в исламистской среде по-разному. Если большинство реформаторов-исламистов, во главе которых стоит партия «Ан-Нахда», пытаются провести исламизацию общества путем пропаганды исламских ценностей, продвижением на важные политические должности исламистов, то есть последовательным ненасильственным методом (как нами описывалось выше), то радикалы, представленные «Аль-Каидой в странах исламского Магриба» (АКИМ), «Ансар аш-Шариа», «Укба ибн Нафаа» и др. применяют в том числе метод террора.

При этом, разница в подходах к исламизации привела к расколу лагеря исламистов. «Ан-Нахда», несмотря на свою исламскую риторику, демонстративно дистанцируется от радикальных исламистов ради сохранения популярности и власти, которую она теряет непрерывно с 2011 года (с 89 представителей в парламенте в 2011 году до 52 – в 2019 г.). Падение популярности «Ан-Нахды» можно объяснить двойной риторикой, ставшей характерной чертой партии, когда декларируемое по телевидению соблюдение прав и свобод человека стоит наравне с призывами в мечетях к восстановлению шариата и запрещению светских партий. С другой стороны, многие тунисцы считают, что умеренным исламистам не удалось достичь позитивных результатов в попытке выйти из социально-экономического кризиса. Тем не менее, «Ан-Нахда» все еще является крупнейшей парламентской партией и на фоне постоянно реструктурирующихся, распадающихся и вновь создающихся светских партий остается одной из ведущих политических сил страны.

Что касается радикальных исламистов, то их деятельность не прекращается до сих пор и в условиях относительной политической стабильности становится главным фактором, угрожающим продолжению традиции тунисской светскости.

Экстремистская угроза. Радикальные исламисты, большинство из которых является молодежью, появились в Тунисе в большом количестве в 2010-2011 годах неспроста. Обращению молодых людей в радикальный исламизм способствовал целый ряд факторов. Приведем основные из них.

Во-первых, турбулентные политические процессы, связанные с «арабской весной», разрушили привычную картину Туниса. Многие молодые люди оказались в политической прострации, пытались найти новые идеалы и заменить ими старые, которые потерпели крах вместе с режимом Бен Али. А так как состояние «потерянности» притупляет критическое рассмотрение предлагаемых идей и идеалов и делает людей более внушаемыми, то активно навязываемый салафитскими проповедниками радикализм смог быстро найти отклик у молодежной аудитории [8].

Во-вторых, молодежь, как и подростки, особенно восприимчива к внешнему воздействию в фазе поиска собственной независимой идентичности. При этом, нередко эта фаза сопровождается выражением протеста по отношению к общественной действительности. В этом случае пропаганда «правого дела, очищения ислама и общества, установления всеобщей справедливости», которая оправдывает незаконную деятельность радикальных группировок несоответствием возможностей «настоящих» мусульман и «отвернувшихся от ислама» правительства и общества, выглядит соответствующей психологии протеста обществу. На основе такой пропаганды складывается одностороннее представление об окружающей действительности: «верные» мы, «неверные» они.

В-третьих, тяжелая экономическая ситуация способна так же подталкивать молодых людей к заработку путем следования за исламистскими группировками, которые обещают «братскую» помощь их сподвижникам.

Как уже отмечалось выше, радикальные исламисты нередко прибегают к методу террора. В Тунисе особенно высокая террористическая активность экстремистов наблюдается с революции 2010-2011 годов. Согласно докладом Российской ассоциации защиты религиозной свободы, в 2011 году произошло резкое увеличение антихристианской, антисемитской и антисуфийской деятельности радикальных исламистов. Были осквернены кладбища, подожжены церкви и синагоги, разрушены мавзолеи, сорваны многие религиозные церемонии, убиты религиозные деятели [9].

Ответом на радикальную активность исламистов стали аресты многих салафитских деятелей, запреты исламистских группировок (прежде всего – «Ансар аш-Шариа» как лидера радикального движения), широкая антиисламистская пропаганда. Противодействие радикальному исламу принесло свои плоды, и с зимы-весны 2012 года масштабы экстремистской деятельности в Тунисе постепенно сокращаются, однако отдельные теракты продолжают будоражить общественность и обострять непростую социально-экономическую ситуацию. При этом терроризм является одной из основных угроз для сферы туризма, которая составляет значительную часть финансовых поступлений в бюджет страны и предоставляет тунисцам рабочие места.

Наиболее «горячими» районами являются юг Туниса и граница с Алжиром, где летом 2018 года наблюдалась вспышка террористической активности. В частности, в ходе одного из наиболее громких терактов в Айн-Солтане на границе между Тунисом и Алжиром было совершено нападение на представителей Национальной гвардии Туниса. В результате боестолкновения террористами было убито 9 тунисских силовиков, захвачено крупнокалиберное оружие и боеприпасы. Правительственные войска Туниса, как и их алжирские коллеги со своей стороны границы, проводят с 2015 года регулярные рейды по зачистке южных регионов от террористов, однако это не мешает последним периодически наносить весьма болезненные удары.

Текущее состояние религиозной свободы. Описанные выше процессы и события во многом определяют степень религиозной свободы в Тунисе как на законодательном уровне, так и на практическом. Несмотря на общую тенденцию к нормализации обстановки, сохраняются отдельные проявления религиозной дискриминации, а религиозные свободы подчас не реализуются должным образом.

Начиная с правовой сферы, отметим наиболее важные, на наш взгляд, пункты. Тунисское законодательство обязывает государство распространять ценности умеренности и терпимости, защищать святыне места и содержать мечети; требует проведения религиозных служб только на территории культовых сооружений; запрещает публичную рекламу религиозных служб, насильственное обращение в веру, высказывания, которые могут причинить вред общественному порядку и подрывают общественную мораль, а также запрещает политическим партиям апеллировать к религии в целях призыва к насилию и дискриминации.

Положения законодательства, касающиеся брака, развода и других вопросов личного статуса, основаны на принципах гражданского права в сочетании с элементами шариата.

Религиозные группы могут создавать ассоциации для ведения финансовой деятельности и открытия собственных образовательных учреждений при условии, что ассоциация не претендует на то, чтобы представлять всех верующих религиозной группы и не использует название религиозной группы.

Правительство, согласно закону, субсидирует мечети, назначает имамов и выплачивает им зарплату. Министерство по делам религии предлагает актуальные темы для пятничных проповедей и призывает имамов распространять ценности, провозглашенные в конституции и сообщения о недопустимости религиозного экстремизма. Тем не менее, Министерство по делам религии не контролирует содержание проповедей.

Что касается практической реализации религиозной свободы, то согласно отчетам неправительственных организаций, в т.ч. «Amnesty International» (AI), «Freedom House» и др., за последний год наблюдались неоднократные нарушения религиозной свободы тунисцев. Так, по сообщению AI, правоохранители Туниса ограничивали в целях безопасности передвижение внутри страны и вводили запрет на поездки за ее пределы для некоторых лиц, на основании предполагаемых религиозных убеждений или внешнего вида (наличие бороды и ношение религиозной одежды), досматривали женщин, носящих никаб.

Мэр города Эль-Крам Фатхи Лааюни спровоцировал дебаты летом 2018 года, заявив средствам массовой информации, что его муниципалитет не будет проводить церемонии бракосочетания между женщиной-мусульманкой и мужчиной-немусульманином, несмотря на официальное разре-

шение таких браков в 2017 году. Министр по делам местных дел и экологии Риад Муахер резко осудил мэра и потребовал соблюдения закона. Тунисские СМИ и гражданские активисты отметили, что случай в Эль-Крам был не единственным по стране.

Христианская община Туниса и община бахаи сообщили АИ, что власти проявляют интерес к их деятельности и обеспечивают ее безопасность. Тем не менее, обе общины испытывают трудности в регистрации ассоциаций, без которых они не могут полноценно функционировать. Представители обеих общин связывают отказы властей зарегистрировать их ассоциации с религиозной дискриминацией.

Активисты организации «Free Thinkers», которая была создана для продвижения секуляризма, обращали внимание СМИ на то, что на атеистов оказывается давление со стороны семьи и общества с тем, чтобы они вернулись в ислам или скрывали свой атеизм, в том числе, например, постясь во время Рамадана и воздерживаясь от критики ислама. То же касается и некоторого числа христиан, посещающих церковные службы, которые сталкиваются с давлением со стороны окружающих в консервативных районах.

На сегодняшний день в Тунисе наблюдается баланс сил исламистов и условных секуляристов, что способствует дальнейшей стабилизации ситуации и урегулированию спорных вопросов. Судя по всему, происходящие процессы являются не более чем отголоском революции 2010-2011 гг., и жизнь в Тунисе сможет постепенно вернуться в свое нормальное русло, продолжая традицию тунисской светскости. Для этого необходимо решить проблемы экстремизма и безработицы, которые расшатывают не окрепшую после «арабской весны» экономику и препятствуют активному продвижению умеренной позиции среди населения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Обе организации признаны Верховным судом РФ экстремистскими, их деятельность на территории РФ запрещена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бурыгин А.А. Исламское государство как пример превратного использования мусульманской религии в политических целях // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2018. № 2.

2. Венцель С.В. Особенности религиозного экстремизма в государствах постсоветского пространства // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 2 (54).

3. Кузнецов В.А. Проблема светскости в странах Арабского пробуждения: тунисская версия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4.

4. Конституция Тунисской Республики // Библиотека конституций Пашкова Романа // <https://worldconstitutions.ru/?p=1049>.

5. *Конт-Спонвиль Андре*. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. М., 2012.

6. *Ланцов С.А.* Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических и идеологических факторов // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).

7. *Нечитайло Д.А.* Кто становится радикальным ислаμισмом? // Институт Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/?p=18003>.

8. *Подцероб А.Б.* О противодействии ислаμισму // Институт Ближнего Востока // <http://www.iimes.ru/?p=33514>.

9. Российская ассоциация защиты религиозной свободы // <https://religsvoboda.ru/materiali>.

10. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

11. *Талаль Таха Сулиман Ахмед, Хуссейн Халид Абдалла Алтерифи* Ислам и политика в современной России // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 3 (43).

12. *Эмиров Р.М.* К вопросу о перспективах ислама как системообразующего фактора на Кавказе // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИНДИИ ПОСЛЕ ТЕРАКТОВ В МУМБАИ

В статье автор изучает влияние террористических атак на Мумбаи, совершенных в 2008 году в индийском штате Махараштра, на дальнейшее развитие системы антитеррористической безопасности в Индии. Недостаточная скоординированность между разведывательными центрами и ведомствами, отсутствие должного уровня подготовки и вооружения полиции, плохо развитая инфраструктура и логистика; критически низкий уровень безопасности прибрежных районов – факторы, которые показали неэффективность системы антитеррористической безопасности в стране. В статье описываются новые структуры, созданные после терактов, их место в системе антитеррористической безопасности, а также последствия для функционирования системы. Благодаря усилиям индийских властей была усилена координация между различными службами безопасности, улучшена система морской безопасности, созданы подразделения, занимающиеся обеспечением системы антитеррористической безопасности и контрпропагандистской работой. Также автор отмечает те недостатки системы, которые так и остались нерешенными, а также указывает на проблемы, которые появились вследствие реформирования системы. Некоторые проекты либо не завершены, либо вообще остались только на бумаге, не разрешены многие логистические и инфраструктурные проблемы, отсутствует оснащение некоторых видов боевой экипировки полиции, во многих портах нет системы безопасности. Вместе с укрупнением некоторых структур наблюдается падение стандартов обучения. Кроме того, в статье приводятся меры, которые необходимо предпринять, чтобы сделать систему антитеррористической безопасности более эффективной.

Ключевые слова: терроризм, реформирование системы антитеррористической безопасности, Индия, теракты в Мумбаи, проблема федерального центра и штатов.

K.S. PETROVA
*Postgraduate Student, Faculty
of Political Science, Moscow State University
Lomonosov, Moscow, Russia*

REFORMING OF INDIA'S COUNTER-TERRORISM SECURITY SYSTEM AFTER THE MUMBAI TERRORIST ATTACKS

In the article, the author studies the influence of the Terror Attacks on Mumbai, committed in 2008 in the Indian state of Maharashtra, on the further development of the counter-terrorism security system in India. Factors that have shown the inefficiency of the counter-terrorist security system in the country were lack of coordination between intelligence centers and departments, lack of proper training and armament of the police, poorly developed infrastructure and logistics; critically low level of coastal security. The article describes the new structures created after the attacks, their place in the counter-terrorism security system and the consequences for the functioning of the system. Thanks to the efforts of the Indian authorities, coordination between various security services has been strengthened, the maritime security system has been improved, units have been created to provide counter-terrorism security systems and counter-propaganda work. The author also notes the shortcomings of the system that have remained unresolved, and also points out the problems that arose as a result of the reform of the system. Some projects either have not been completed, or have been left entirely on paper, many logistic and infrastructure problems have not resolved, some types of police equipment have not been provided, and lack of security in ports. Along with the enlargement of some structures, training standards have fallen. In addition, the article outlines the measures that need to be taken to make the counter-terrorism security system more effective.

Key words: *Terrorism, reform of the anti-terrorism security system, India, terrorist attacks in Mumbai, the problem of the federal center and the states.*

Индия как страна, в прошлом являющаяся доминионом Британского Содружества Наций, относится к англосаксонской модели антитеррористической политики. Индийская правовая система сформировалась под сильным воздействием этико-кастовых норм, религиозно-моральных установок и концепций, межнациональных, в первую очередь, индо-мусульманских противоречий. Индийское право двухуровневое (федерация – штаты/провинции) и полисистемное: оно включает персонально-религиозные системы индусского и мусульманского права, а также общенациональное право территориального характера, установленное в прошлом англичанами [1. С. 183-206].

Законодательная база и институты. Конституция, вступившая в силу в 1950 г., является основным документом по вопросу обеспечения антитеррористической безопасности. Многие правовые акты действуют в системе обеспечения внутренней безопасности Индии с колониальных времен, не утратив своей актуальности, например, «Закон о полиции» (1861 г.), «Закон о противодействии мятежам» (1911 г.) и др. В постколониальный период были приняты такие нормативные акты, как «Закон о предотвращении незаконной деятельности» (1967 г.), «Закон о национальной безопасности» (1980 г.), «Закон о (предотвращении) террористической и подрывной деятельности» (1987 г.), «Закон об оружии массового поражения и способах его доставки (запрет незаконного оборота)» (2005 г.) и др. [5. С. 400-409].

Основная роль в борьбе с терроризмом в Индии отводится Министерству внутренних дел Индии, в частности, Департаменту внутренней безопасности. Одной из важных структур в обеспечении антитеррористической безопасности страны являются Центральные силы вооруженной полиции [4].

Внутри штата вопросами профилактики, борьбы, ликвидации и минимизации последствий террористических проявлений занимается полиция. Правительства штатов и союзных территорий занимаются разработкой собственных правовых актов, правил и предписаний для полицейских сил. Полиция функционирует как единая система, подчиняясь общеиндийскому законодательству [3. С. 132-135].

Изменения после терактов 2008 года. Атаки на Мумбаи в 2008 году, штат Махараштра, совершенные, по мнению следствия, организацией «Лашкар-э-Тайба», показали необходимость реформирования антитеррористической системы Индии.

Первой проблемой стала недостаточная скоординированность между разведывательными центрами и ведомствами – информация не вовремя или вообще не доходила до штатов или до местных правоохранительных органов, также отсутствовало должное взаимодействие между департаментами внутренних дел и полицией не только по вопросам получения разведанных.

Во-вторых, полиция, обеспечением и подготовкой которой занимаются в большей мере штаты, была неадекватно подготовлена и вооружена – многие представители полиции во время атак 2009 г. бездействовали по причине отсутствия адекватного вооружения. Группы Национальной гвардии, штаб-квартира которой располагается на юге Дели, прибыли на место атак спустя десять часов в силу того, что отсутствовали самолеты, которыми можно было бы воспользоваться в случае чрезвычайной ситуации, кроме того, не было необходимого оборудования для проведения успешной операции, например, очков ночного видения.

В-третьих, уровень безопасности прибрежных районов был критически низким – террористы прибыли в Мумбаи по воде (место отправления – г. Карачи, Пакистан).

После 2008 года было сделано много предложений по обеспечению безопасности городских районов и повышению безопасности на море. В первую очередь экспертные группы проработали и расширили определение терроризма, дополнили список деяний, подвергающихся наказанию.

После трагических событий 2008 года для усовершенствования системы безопасности было предложено создать Национальное агентство расследований (НАР), Национальную разведывательную сеть (НРС), Национальный антитеррористический центр (НАЦ) и региональные центры для развертывания Гвардии национальной безопасности (ГНБ).

Вопрос о создании такой службы, которая будет заниматься расследованием федеральных преступлений, наподобие НАР, поднимался еще в середине 1980-х гг. В 2007 г. 24 из 27 штатов не поддержали идею о создании федеральной антитеррористической службы. Одна из проблем – распределение компетенций между федеральным центром и штатами. После длительных обсуждений было предложено реорганизовать Центральное Бюро расследований или создать Всеиндийское национальное агентство. В итоге, Шиврадж Патил, Министр внутренних сил, выступил за создание федерального антитеррористического агентства, которое будет подчиняться исключительно центральному правительству и заниматься расследованием террористических актов, убийств и похищений людей и т.д. [2. С. 183-185].

Национальная разведывательная сеть (НРС) – интегрированная компьютерная сеть, которая обеспечит сбор информации, касающейся иммиграционных процессов, финансовых операций, телекоммуникаций, авиаперевозок и т.д. для получения разведывательных данных. На проект выделяется 3400 крор рупий. В 2010 г. Комитет по вопросам безопасности одобрил проект, однако после 2012 г. реализация проекта замедлилась. По официальной информации проект должен быть завершен только в марте 2020 г. и запущен к 31 декабря 2020 г. Система будет связывать 10 агентств, например, Бюро разведки, Отдел исследований и анализа, Центральное бюро расследований и т.д. и 21 поставщика услуг, впоследствии планируется связать более 950 организаций [8].

Национальный антитеррористический центр должен был появиться, чтобы объединить множество агентств под единым командованием. Центр был бы ответственен за предотвращение террористических атак, их сдерживание и руководство ответными действиями после. Данная структура командования и управления так и не была создана.

Гвардия национальной безопасности – элитное подразделение, созданное в 1986 г. для обеспечения безопасности беспокойных территорий и для борьбы в первую очередь с серьезными угрозами, проведения спасательных и противобунных операций и обеспечения безопасности особо важных персон. ГНБ состоит из двух взаимодополняющих подгрупп – Специальной группы действия, состоящей из военных, и Специальной группы рейндже-

ров, состоящей из сотрудников полиции. Данные подгруппы участвовали в ряде операций, в числе которых «Черный гром» (1988 г, освобождение Золотого храма от сикхов-боевиков), «Ваджрашакти» (2002 г., освобождение храма Акшар Дхар от боевиков) и «Черный торнадо» (2008 г. атаки на Мумбаи). Атаки на Мумбаи доказали, что терроризм перестал ограничиваться конкретными районами, и очевидна необходимость размещения Гвардии в разных местах страны для сокращения времени реагирования для ликвидации террористического акта, поэтому было решено создать региональные центры в Мумбаи, Калькутте, Хайдарабаде, Ченнаи, Гуджарате, а также в 2019 г. поступила инициатива создать шестой центр в Пенджабе [9].

После Мумбаи был запущен процесс реформирования системы безопасности прибрежных зон. Было предложено создать отделения береговой полиции и инфраструктуры наблюдения, ввести в эксплуатацию радиолокационные станции вдоль береговой линии, установить автоматические системы идентификации и центры совместной эксплуатации. На сегодняшний момент регулярно проводятся совместные учения с участием кораблей, самолетов, беспилотников ВМС Индии и ВВС Индии, персонала полицейских командос и патрульных катеров, морской полиции и таможни и тренинги для персонала для ознакомления со стандартными операционными процедурами в случае террористической угрозы. Уровень надзора повышается. Индийские власти работают над межгосударственным сотрудничеством с граничащими морскими государствами. Правительство увеличило ассигнования на охрану побережья в штатах, расширило юрисдикцию береговых полицейских участков до 200 морских миль и объявило о закупке и об оснащении береговой охраны 190 кораблями и 100 самолетами к 2023 году. Однако система до сих пор имеет ряд критических «пробелов», к которым можно отнести: недостаточное патрулирование прибрежной зоны, недостаток кадров и непрофессионализм морской полиции, отсутствие инфраструктуры во многих местах на побережье, например, береговых казарм и причалов, отсутствие координирующей деятельности береговой охраны органа, например, Национального морского управления и т.д. К началу 2020 года орган, координирующий все агентства, занимающиеся вопросами безопасности, так и не был создан. С начала работ установили более 42 радиолокационных станций, однако многие порты практически не имеют никакой системы безопасности. Некоторые старые гавани и порты и вовсе превратились в центры незаконной торговли, контрабанды наркотиков и т.д. Согласно результатам аудита, проведенного Бюро разведки в 2016 году, из 227 второстепенных портов в Индии 187 практически не имели системы безопасности [10; 11].

Заключение. Терракты в Мумбаи стали катализатором реформ системы антитеррористической безопасности Индии, итогами которых стало:

1) усиление координации между различными службами безопасности, что сократило количество террористических атак в городах;

2) укрепление системы безопасности Индии благодаря созданию межведомственных координационных центров и вспомогательных межведомственных координационных центров;

3) проведение контрпропагандистской работы в социальных сетях и на веб-сайтах. В 2017 г. были созданы подразделения, которые занимаются кибер- и информационной безопасностью, а также подразделение, которое организует противодействие радикализации населения [6];

4) улучшение координации между различными учреждениями, обеспечивающими морскую безопасность;

5) перевод страны на безналичную оплату, что позволяет проводить прозрачные денежные переводы и другие финансовые операции [7].

Несмотря на то, что многие из предложенных инициатив были реализованы, в каждой сфере остаются серьезные проблемы. К ним относятся:

1) недостаточный уровень профилактики радикализма, обеспечивающийся новыми структурами, например, компетенция Национального агентства расследований реализуется только после совершения террористического акта;

2) незавершенность некоторых проектов;

3) отсутствие единого координационного центра;

4) национальный антитеррористический центр, который должен был объединить множество агентств под единым командованием, так и не был создан;

5) падение стандартов обучения, к которому привело укрупнение структур, например, расширение Гвардии национальной безопасности;

6) проблемы оснащения боевой экипировкой полиции;

7) логистические и транспортные проблемы;

8) отсутствие системы безопасности во многих портах.

Для улучшения антитеррористической системы следует: углублять диалог и развивать сотрудничество между правительством, СМИ и общественностью, вовлекать людей в процесс информирования государственных органов; обеспечить местные правоохранительные органы оборудованием и вооружением, которое необходимо для сдерживания террористов; развивать инфраструктуру и логистику для того, чтобы вооруженные отряды и специальные подразделения могли быстро добраться до места террористического акта, а также усовершенствовать систему взаимодействия между штатами и штатами/центром, включая вопросы юрисдикции; выделять большее количество денег на оснащение и перевооружение полиции, вооруженной полиции и т.д.; ускорить процесс принятия решений по вопросам безопасности, наделив ключевые лица, принимающие решения, определенными полномочиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н. Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4.

2. *Ходатенко Е.Н.* К вопросу о создании национального агентства расследований индии: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9.

3. *Ходатенко Е.Н.* Организационно-правовая структура и антитеррористические функции индийской полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 12.

4. *Яковлев А.Ю.* Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия // Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М.: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», 2016.

5. *Яковлев А.Ю., Яковлев П.Ю.* Правовое обеспечение противодействия терроризму в Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. № 4.

6. *Ahuja N.B.* A radical cure, THE WEEK reports on India's first de-radicalisation programme // The Week. 2018 // <https://www.theweek.in/theweek/cover/2018/07/26/a-radical-cure.html>.

7. *Desai D., Bhatt P.* Securing India's cities: Remembering 26/11, learning its lessons // Observer Research Foundation, Special Report. 2019. No. 92 // <https://www.orfonline.org/research/securing-indias-cities-remembering-2611-learning-its-lessons-53066/>.

8. National Intelligence Grid to be ready by early 2020 // IndiaToday. 2019 // <https://www.indiatoday.in/india/story/national-intelligence-grid-to-be-ready-by-early-2020-1601949-2019-09-22>.

9. *Pushan D.* The chaos that is counter-terrorism in India // Observer Research Foundation. 2018 // <https://www.orfonline.org/expert-speak/chaos-counter-terrorism-india-45732/>.

10. *Singh A.* India's coastal security paradox // Observer Research Foundation, Special Report. M., 2017.

11. *Singh A.* India's coastal security: An assessment // Observer Research Foundation. 2018 // <https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-coastal-security-an-assessment-45692/>.

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ КАК НЕФОРМАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ МИРА

На сегодняшний день актуальность проблематики функционирования частных военных компаний на территории значительного количества государств не вызывает сомнений. Ряд последних событий военно-политической направленности и допустимость (на основании определенных информационных источников) участия в данных процессах рассматриваемых структур придает актуализированную пестроту необходимости научного обоснования деятельности ЧВК.

Дискуссии о необходимости создания в России частных военных компаний ведутся давно. Некоторые исследователи рассматривают ЧВОК как угрозу государственному суверенитету, а другие считают, что в условиях глобализации при обеспечении безопасности различных экономических субъектов использование лишь государственных силовых структур невозможно. Обострение геополитической конкуренции между ведущими державами мира, рост числа локальных вооруженных конфликтов в современном мире предопределяют необходимость легализации данных компаний в России. Следует использовать как зарубежный опыт правового регулирования деятельности частных военных компаний, так и национальные интересы Российской Федерации, ограничив деятельность подобных организаций определенными сферами деятельности.

Ключевые слова: частные военные компании, Россия, зарубежный опыт, политика, война, ресурс, закон, структура.

R.N. KURIYEV

*Student, Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

PRIVATE MILITARY COMPANIES AS A INFORMAL POLITICAL RESOURCE OF MODERN WORLD STATES

To date, the relevance of the issues of the functioning of private military companies in the territory of a significant number of states is beyond doubt. A number of recent events of a military-political orientation and the admissibility (on the basis of certain information sources) of participation in these processes of the structures under consideration adds an up-to-date diversity of the need for scientific substantiation of the activities of PMCs.

Discussions about the need to create private military companies in Russia have been going on for a long time. Some researchers view PMSCs as a threat to state sovereignty, while others believe that in the context of globalization, while ensuring the security of various economic entities, the use of only state power structures is impossible. The intensification of geopolitical competition between the leading powers of the world, the increase in the number of local armed conflicts in the modern world determine the need to legalize these companies in Russia. It should use both foreign experience in legal regulation of private military companies and the national interests of the Russian Federation, limiting the activities of such organizations to certain areas of activity.

Key words: *private military companies, Russia, foreign experience, politics, war, resource, law, structure.*

Частные военные и охранные компании (ЧВОК) все более активно действуют в современных вооруженных конфликтах. Появление ЧВОК исторически было связано с ростом числа локальных вооруженных конфликтов в условиях «холодной войны». Первоначально ЧВК применялись в экономической деятельности, в целях обеспечения безопасности при добыче и перевозке полезных ископаемых (преимущественно углеводородов), охране транспортных (океанских и сухопутных) коммуникаций, иных видов гражданской деятельности. Позднее они стали все более активно применяться в полномасштабных вооруженных конфликтах и антитеррористических операциях, осуществляемых по инициативе отдельных национальных государств.

Первая современная ЧВК появилась в 1967 г. в Великобритании. Примечательно, что ее основателем стал британский аристократ шотландского происхождения, подполковник А.Д. Стирлинг. Военная карьера Стирлин-

га началась в годы Второй мировой войны, в Северной Африке. Именно он стал основателем легендарного британского спецназа САС, Специальной авиадесантной службы (1941 г.). В 1947 г. офицер находился в запасе, а в 1965 г. был уволен с военной службы в звании подполковника [2. С. 35].

После войны в мире произошли кардинальные геополитические перемены – на смену прежнему миропорядку приходил биполярный мир. Эти изменения привели к ряду вооруженных конфликтов в ряде регионов мира – главным образом, в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке. В послевоенном мире активно развивались процессы деколонизации, но попытки ряда народов добиться независимости от европейских колониальных империй противоречили интересам метрополий (прежде всего, Великобритании и Франции, других западноевропейских государств). Одновременно формировались два мощных военно-политических блока – социалистический лагерь во главе с Советским Союзом и капиталистический лагерь во главе с США. СССР и США, их союзники боролись за вовлечение в свои орбиты влияния стран третьего мира. К решению военно-политических задач стали привлекаться не только военные специалисты и подразделения регулярной армии, но и спецслужбы. Поскольку официальное вмешательство далеко не всегда было возможно и приемлемо, оно нередко носило завуалированный, скрытый характер. В связи с этим традиционно заинтересованные в доступе к природным ресурсам развивающихся стран государства Запада, к тому же более благополучные в социально-экономическом отношении, вскоре осознают необходимость использования, наряду с официальными армией и спецслужбами, наемников. Великобритания, Франция, США и Бельгия становились заинтересованы в широком использовании скрытых механизмов военного, экономического и информационного воздействия на бывшие колонии. Социальной базой первых ЧВК становились отставные военные и другие, физически выносливые люди, склонные к риску [2. С. 38-39]. Применение частных армий, как правило, было скрытым и нелегальным, что поднимало проблему правового регулирования их деятельности.

Весьма активно происходило становление ЧВК в Великобритании. Как крупнейшая колониальная империя, это государство охотно привлекало в ЧВК бывших офицеров САС. В тайных операциях был задействован и подполковник Стирлинг (к примеру, в Йемене). С 1972 г. отставник свернул активное участие в частном военном бизнесе, но в конце 1980-х гг. вновь попытался вернуться на рынок этих услуг [3. С. 4]. С 1970-х гг. данный рынок перешел к бурному росту, выйдя на новые рубежи. Основную роль здесь сыграл выход на рынок американцев.

Рынок частных военных и охранных услуг в США развивался по отличному от Британии пути. В целях реализации своих геополитических задач правительственные структуры США (ЦРУ, Государственный Департамент,

Пентагон) по преимуществу привлекали невоенные компании. Последние были призваны обеспечить решение сложных технических проблем. Катализатором расширения рынка, роста числа ЧВК и многообразия оказываемых ими услуг стало окончание «холодной войны» в конце 1980-х – начале 1990-х гг., распад социалистического лагеря, СССР и некоторых других государств (например, Югославии). Распад биполярного мироустройства сопровождался переходом к монополярному миру во главе с США и ростом количества локальных военных конфликтов. Одновременно началось резкое сокращение военных расходов в крупнейших державах мира – сотни тысяч и миллионы военных становились безработными в Евразии, Северной Америке и других регионах мира [2. С. 47-49]. Так сформировались предпосылки для развития ЧВК и в бывших социалистических странах, дальнейшего их развития на Западе. Профессиональные военные обладали необходимым опытом и стремлением использовать его, обеспечив свое трудоустройство.

Начиная с весны 2003 г., когда США, совместно с рядом союзников, развернули вооруженную агрессию против Ирака, расцвет данного бизнеса подчеркнул необходимость использования западного опыта и в России, других государствах. ЧВК представляют собой более гибкий, в сравнении с регулярными армиями, инструмент внешней политики – они могут использоваться неофициально, а потери наемников не влекут столь серьезные последствия для правительства и общественный резонанс, как гибель военнослужащих. Частный бизнес не связан существенными политическими, правовыми и иными ограничениями, в отличие от правительственной армии (примерами являются американские кампании в Ираке и Афганистане, активно проводившиеся с использованием возможностей ЧВК) [2. С. 4; 21-22]. Частные компании способны более эффективно решать и вспомогательные задачи – вести переговоры с другими воинскими формированиями, враждующими сторонами, террористами и бандитами и проч. Официально не представляя государство, они изначально обладают большей свободой маневра. Это позволяет максимально скрытно и эффективно достигать основные цели и задачи вооруженного вмешательства. Возможность гибкого применения – то преимущество ЧВК, которое обосновывает целесообразность заключения с ними большинства государственных контрактов [7. С. 457].

Государственные органы могут дистанцироваться от военных операций и иных мероприятий частных компаний. Правительство заинтересовано, в первую очередь, в своевременной и полной уплате ЧВК налогов и соблюдении закона, и этим государственное регулирование зачастую ограничивается. Не столь обременителен и парламентский, и общественный контроль за деятельностью таких структур. Поэтому они работают не столько в собственных коммерческих интересах, сколько в национальных интересах конкретных государств.

Россия обладает богатыми военными традициями и устоями. На протяжении многих столетий русская армия одержала немало блистательных

военных побед. Это объясняет закономерное появление русских на рынке частных военных услуг. В то же время, федеральное законодательство запрещает наемничество. В России это уголовно наказуемое деяние, и участие в деятельности частной военной деятельности чревато применением мер уголовной ответственности [10. С. 73]. Государство сохраняет за собой монополию на применение силы внутри страны и за ее пределами.

Несомненно, легализация деятельности ЧВК – непростая и неоднозначная проблема. С одной стороны, эти военные структуры способны обеспечить национальные интересы на рубежах России и в дальнем зарубежье. Объективно интерес к подобного рода услугам возрос с инициированным Украиной вооруженным конфликтом на Донбассе, ростом влияния России на Ближнем Востоке и в Африке, в Латинской Америке. Так, растет спрос на военную и дипломатическую поддержку России в ряде африканских государств (например, ЦАР, Судан), одновременно африканские лидеры и правительства проявляют интерес к услугам российских ЧВК [9. С. 176-177]. С нашей точки зрения, легитимация деятельности ЧОВК становится вопросом времени, как и их появление в России. Однако государству следует обеспечить надлежащий контроль за их деятельностью, наладить сотрудничество официальной армии и спецслужб с российскими ЧВК, определить основные «правила игры» (они могут обладать правом осуществлять основную деятельность исключительно за пределами России, должны быть исключены любые антиправительственные действия и незаконные методы конкуренции на рынке между российскими ЧВК, а также допуск каких-либо иностранных или международных субъектов к их деятельности) [8. С. 98-100].

Острый социально-экономический кризис 1990-х гг. затормозил становление этого бизнеса в России. Переходный период развития российской государственности в конце XX – начале XXI вв. существенно ограничил возможности применения западного опыта организации деятельности ЧВК. Ослабление государства сопровождалось гражданской войной в Чечне. Война привела к значительным людским и экономическим потерям, дестабилизировала российское общество. Однако по завершению второй войны в Чечне в 2009 г., когда тысячи профессиональных военных нуждались в обеспечении стабильной занятости, военные круги обратили внимание на вопросы возможной легализации образования и функционирования ЧВК [5. С. 207-208].

Первой серьезной попыткой освоить рынок таких услуг стала регистрация российской ЧВК «Славянский корпус» (2013). Формально предприятие было зарегистрировано в Гонконге, поскольку федеральный законодатель еще не разграничил легальное и нелегальное наемничество. Осознание необходимости создания ЧВК тесно связано с установлением целей их деятельности, ключевых полномочий и задач указанных фирм. В соответствии с основной классификацией, ЧВОК разделяются на четыре основных груп-

пы – военные компании, фирмы по оказанию консалтинговых, логистических или частных охранных услуг. Первая группа предоставляет военные услуги, прямо связанные с военными действиями. Сотрудники этих компаний принимают непосредственное участие в военных операциях и столкновениях. Консалтинговые услуги состоят, прежде всего, в обучении и организации тренировочной работы с различными воинскими подразделениями, включая освоение новых видов и типов вооружений, консультирование государственных структур по проблемам, затрагивающим реформирование армии [7. С. 458-459]. Такие компании занимаются и стратегическим планированием, играя роль своеобразного «мозгового центра».

Логистические услуги состоят в деятельности по тыловому обеспечению воинских подразделений, постройке военных объектов. Эту группу составляют и предприятия, основным профилем которых является обслуживание военных компьютерных систем и технически сложных вооружений, имеющих в распоряжении действующей армии. Компании, оказывающие частные охранные услуги, называются и компаниями по безопасности. Их деятельность включает оценку рисков различных военных акций, мониторинг состояния безопасности, кризисное управление. Данные ЧВОК непосредственно обеспечивают безопасность различных объектов, личную безопасность (услуги телохранителя) [7. С. 461]. Основные задачи компаний сводятся к разминированию территорий и объектов, обучением разных подразделений армии и полиции.

Основание собственно военных компаний на территории России в настоящее время недопустимо – военная деятельность остается основой существования и сохранения государства, его внутреннего и внешнего суверенитета. Доступ негосударственных акторов к такого рода деятельности будет подрывать суверенитет и верховенство законной власти [6. С. 87]. Ст. 71 Конституции РФ относит охрану обороны и безопасности государства, защиту границы и территории РФ, включая территориальные воды и воздушное пространство, исключительной экономической зоны и континентального шельфа РФ к предметам федерального ведения [1]. Вместе с тем, специфика роли ЧОВК, их положения среди иных неправительственных структур предопределяет необходимость детальной законодательной регламентации порядка их создания, реорганизации и ликвидации, организации деятельности. Так, ЧОВК основаны на предоставлении права на законное применение насилия в определенных случаях, они действуют в критических условиях и ситуациях.

Правительство РФ и российские спецслужбы сотрудничают с организациями, аналогичными ЧВК, в целях более эффективного осуществления своих функций, при этом не допуская узаконению их деятельности. В то же время, в России живет немало бывших военнослужащих с солидным боевым опытом, стремясь реализовать собственные способности и знания,

в том числе и на коммерческой основе. Будучи вынуждены считаться с законодательными ограничениями и даже запретами своей деятельности, российские компании обладают весомым потенциалом развития и могут серьезно повлиять на международную рыночную конъюнктуру [4. С. 24].

На сегодня объем рынка услуг, оказываемых ЧВОК, составляет примерно 400 млрд. долл. При нынешнем положении дел российские наемники, действуя на полуправильной основе, становятся конкурентами крупными зарубежными компаниями, за счет высоких профессиональных качеств, сравнительно невысоких требований по оплате. Уступая в опыте подобной деятельности, они доставляют определенные неприятности ряду «старых» игроков. В случае полной легализации деятельности ЧВК на территории РФ возможны существенные изменения на рынке, что чревато и обострением геополитической обстановки в мире, и ростом конфликтного потенциала российско-американских отношений (вполне вероятен рост числа локальных конфликтов и боестолкновений, что весьма опасно постепенным перерастанием разногласий частных компаний в военные действия между государствами) [2. С. 63]. Тем не менее, Российское государство способно минимизировать риски, в том числе создав надежную правовую основу деятельности ЧВК за рубежом и отчасти внутри государства, урегулировать проблемы предоставления ими военных и охранных услуг, осуществления иной деятельности. Особое внимание следует уделить на организацию контроля и надзора за деятельностью ЧВК (в том числе, с участием военных специалистов, представителей Минобороны РФ и специальных служб, органов прокуратуры).

Правовые основы деятельности ЧВОК должны исходить из норм Конституции РФ, федеральных конституционных законов и федеральных законов, международных договоров РФ. Важное значение имеют и иные федеральные нормативно-правовые акты – указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, акты иных федеральных органов государственной власти. при использовании ЧВОК за пределами территории РФ они должны действовать в соответствии и с учетом национального законодательства государства пребывания.

Законодательное определение пределов деятельности, целей и задач ЧВОК должно учитывать возможные угрозы и риски функционирования компаний для граждан и общества, что касается и случаев неправомерного применения силы. Функционирование компаний должно подчиняться национальным интересам государства, но не частным, коммерческим интересам компаний и их владельцев. Одной из ключевых становится проблема ограничения круга лиц, допускаемых к оказанию частных военных и охранных услуг. По мнению автора, сотрудниками ЧВОК не могут быть: лица, не достигшие 21 года; признанные недееспособными или ограниченно дееспособными по решению суда, либо по состоянию здоровья не способные

исполнять служебные обязанности; лица, которым предъявлено обвинение в совершении любого преступления либо имеющие непогашенную или снятую судимость; лица, уволенные с государственной службы за совершение дисциплинарного проступка, грубое или систематическое нарушение трудовой дисциплины, иные проступки, если после данного проступка прошло менее 3 лет; иные категории лиц [10. С. 74].

В современных условиях ЧОВК становятся действенным средством решения внешнеполитических проблем. Сохранение государством монополии на применение силы – важная гарантия поддержания общественно-политической стабильности, и при постепенной легализации деятельности ЧОВК необходимо учитывать приоритет интересов Российского государства и многонационального народа РФ. Не осуществляя агрессивной, экспансионистской внешней политики, Россия нуждается скорее в ограниченном применении ЧОВК [11]. Тем не менее, легализация деятельности таких компаний позволит более последовательно и эффективно обеспечивать российские интересы в новых условиях, в различных государствах и регионах мира. С ростом геополитического соперничества существует объективная потребность гибкого применения военных возможностей государства за рубежом. Это касается и обеспечения защиты ряда иностранных государств от иностранной агрессии, в особенности в случаях недопустимости открытого вмешательства России в вооруженные конфликты, прямой военной и иной поддержки правящих режимов. Агрессивный характер внешней политики отдельных государств современного мира подчеркивает необходимость определенного задействования как официальных, так и неофициальных каналов предоставления военной помощи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013.

3. Королькова Е.Е. Право применения силы и деятельность частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах // Международное право. 2018. № 1.

4. Малышев В.Н., Руденко А.Е., Катун Е.С. Деятельность частных военных компаний и государственные интересы // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. 2015. № 3.

5. *Надтока Р.В.* Частные военные компании как активный проводник национальных интересов государства: угроза или новые возможности для России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 1 (17).

6. *Овчаров А.В.* Частные военные компании в России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3 (86).

7. *Саврыга К.П.* Частные военные и охранные компании по международному праву // Международное право и международные организации. 2013. № 4.

8. *Смирнов С.В.* Частные военные компании как угроза государственному суверенитету современного государства // Правовое государство: проблемы понимания и реализации. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика». 2015.

9. *Сазонова К.Л.* Деятельность частных военных и охранных предприятий: вопросы ответственности // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 8-1 (34).

10. *Старцун В.Н.* К вопросу об актуализации законопроектной деятельности по созданию частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 2.

11. Частные военные компании в России могут развязать войну за лидерство // Russia Today. 05.08.2012 // <http://russian.rt.com/inotv/2012-08-05/CHastnie-voennie-kompanii-v-Rossii>

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.018

УДК 32.327

ЧЭН ГО

*аспирант кафедры политического
анализа и управления Российского университета
дружбы народов (RUDN University),*

Китай, г. Нанкин

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4927-6596>

ИНЬ ЦЮНЬ

*аспирант кафедры теории и
истории международных отношений
Российского университета дружбы
народов (RUDN University),*

Китай, г. Цзинань

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2685-9898>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ПРЕЗИДЕНТА ТРАМПА: БИТВА ЗА ВЛИЯНИЕ

Целью данной исследовательской работы является изучение современных китайско-американских отношений в эпоху президента Трампа с точки зрения теории международных отношений. В статье показано, что нынешние стратегические взаимные сомнения, напряженность и конфликты между Китаем и Соединенными Штатами основаны на двух аспектах восприятия: один – тревога «передачи власти», вызванная стремительным ростом китайской мощи, а другой – борьба экономических моделей Китая и Соединенных Штатов, вызванная различиями между ними. Методология исследования базируется на сложном сочетании научных методов, преимущественно аналитических, систематических и сравнительных. Полученные выводы могут быть использованы в управлении двусторонними китайско-американскими отношениями в условиях текущей торговой войны и других потенциальных кризисов в сложных международных отношениях и современной глобальной политики.

Ключевые слова: *экономическая модель, международные отношения, передача власти, китайско-американские отношения, администрация Трампа.*

CHENG GUO

*Ph.D. Student, Department of Political
Analysis and Management, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Nanjing, China*

YIN QUN

*Ph.D. Student, Department of Theory
and History of International Relations,
Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University)
Jinan, China*

POLITICAL ANALYSIS OF THE SINO-U.S. RELATIONS UNDER PRESIDENT TRUMP ERA: POWER TRANSFER AND THE BATTLE OF THE MODEL

The study objectives of this research work is to interpret the current Sino-U.S. relations under President Trump era from the perspective of international relations theory. The article revealed that the current strategic mutual doubts, tensions and conflicts between China and the United States are based on two aspects of perception: one is the anxiety of “power transfer” caused by the rising China’s rapid strength, and the other is the battle of economic model between China and the United States triggered by the differences. The research methodology is based on a complex combination of scientific methods, mainly analytical, systematic, comparative. The obtained conclusions can be applied in managing more stable and positive Sino-U.S. bilateral relations amid the current trade war and other potential crisis in complexity of international relations and contemporary global politics.

Key words: *Economic Model, International Relations, Power Transfer, Sino-U.S. Relations, the Trump administration.*

Introduction. The Sino-U.S. relations have undergone a dramatic change in the Trump era, remaining the experts and the think tanks the unclear direction. So far, President Trump has sent many chaotic signals about China policies and practices, including some consistent insistence and frequent erratic behavior. Trump terribly attacked China during his campaign speech, but in the early days of his administration, he corrected some of his sensational and radical statements, established a enthusiastic working relationship with the Chinese leaders at the beginning, and used to be a “friendly partner”. On the surface, enthusiasm peaked

in the grand scene of President Trump's state visit to China in November 2017. On adoption of his China policies, Trump did not directly target China at the beginning, by using a series of actions to shake and destroy relations with the US traditional allies, including withdrawal from the Trans-Pacific Partnership Agreement (TPP), the Paris Climate Agreement, and the Joint Comprehensive Plan of Action (Iran Nuclear Deal), he even threatened to withdrawal from the North American Free Trade Agreement (NAFTA), meanwhile starting imposing trade tariffs on Canadian and Japanese products. He also targeted the European Union and NATO, which have long been regarded as embodying the ideals and institutions of Western liberal internationalism.

On China policy, the Trump administration announced in March 2018 that according to the conclusion of the U.S. "China Section 301", it will impose a package of tariffs on Chinese exports to the U.S. up to 60 billion dollars and sue China at the WTO [2]. The Trump administration also introduced the executive order (or referred as the updated law) to limit or even restrict the Chinese investment in the United States [5]. On June 15, 2018, the U.S. government issued a formal list of about 50 billion U.S. dollars of the Chinese exports to the U.S. would be subject to a 25% tariff increase from July 6. On July 11, 2018, the Trump administration announced its intention to impose a 10% tariff on additional 200 billion against Chinese imports [4].

Although the Sino-U.S. trade dispute is only part of the global trade war launched by the Trump administration, it has attracted the most attention among the public. In the fierce discussions in the Chinese media, many people thought that this was President Trump's carefully designed hang-off plan for the Chinese economy, and some scholars and commentators even claimed that China and the United States had entered the "new cold war" period [15].

Sources and methods. Though the Sino-U.S. relations had been studied by so many experts, the Sino-U.S. relations under President Trump since the trade war have created a fundamental new task force for all experts from both sides. As the Sino-U.S. relations are heading to a dramatic new direction today, which would reset the former Sino-U.S. relations that lasted for 4 decades, the uncertainty facts and risks are rapidly increasing [7; 3; 12].

The methodological basis consists of the general scientific methods of political analysis on international relations issues, in particular analytical, theoretical, comparative, situational, and descriptive methods, which are based on the principles of consistency and historicity. Furthermore, research methods are based on the principles of systematic and structural-functional analysis, which provides the comprehensive review of power transfer and model factors in a changing Sino-U.S. relations.

In the process of China's rise, the greatest external factor has always been the United States, and the highest priority has always been Sino-U.S. relations. There are tens of millions of dimensions in Sino-US relations, but from the perspective

of international relations, it can be roughly reduced to two factors: the elements of economic cooperation and the elements of geopolitical roles. The weighting of these two factors runs through the decision of the leaders of the two countries on how to develop bilateral relations.

The two paradigms in modern international relations theory are frequently used to explain the current and future of Sino-U.S. relations. The first is the security dilemma, which can be described as one of the most basic concepts in the theory of international relations to understand the conflict between the sovereign states. Starting from the basic proposition that the primary purpose of a country in the realist theory of international relations is to maintain its own security to the maximum, the security dilemma describes the dilemma that a country faces in terms of security. As the American political scholar John H. Herz defines, the security dilemma refers to “in an anarchic international environment, nations (or regions) have mutual distrust, mutual fear, and security as the primary goal. In this case, countries try their best to increase military expenditures and gain military advantages to improve their own security conditions. However, in an endless arms race, the military advantage of one country will soon be broken by the same expansion efforts of other countries. It is impossible to obtain absolute security, which puts countries in an irresolvable dilemma” [9. P. 241]. John J. Mearsheimer, a master of U.S. international relations study, believes that the security dilemma embodies the basic logic of his offensive realist theory of international relations, that is, “it is difficult for a country to enhance its own survival opportunities without threatening survival of other countries [11. Pp. 35-36].” Particularly to the rise of China, he concluded that China’s rise cannot be peaceful [10].

The security dilemma can logically lead to the imagination of power transfer in the international system. This theory states that although the international community does not have a super-government, there is a hierarchy among countries based on strength, which is basically a five-tier pyramid structure: at the top of the tower is the super powers, which are also the dominate nation of the international order. As Organski points out, “The dominant state is the state that established (or inherited from other countries) the current international order, and also from the existing international order. The country that benefits the most from the existence of order.” At this stage, this country is the United States. Countries in the second tier are the so-called “major powers”. They are those large countries that are powerful but still inferior to their dominant powers. Today they include China, Russia, Japan, France, Germany, and so on. The third level is “middle powers”, such as Canada, Australia, and South Korea. The fourth layer is “small powers”, which probably include countries such as Singapore that are small but have certain regional and international influence. The fifth level, the lowest level, is the dependencies [14. P. 364].

The second paradigm is the power transfer. From the point of view of the power transfer theory, the stability of the international order depends on

the relationship between the dominate nation and some so called “strong but dissatisfied” countries. The latter become emerging powers, generally because they are established and benefit from the international order. Allocation becomes strong only after it has been finalized, without participating in the rulemaking process. Facing the growing strength of the emerging countries, the vested interests of the international order, including the dominate nation and its allies, are willing to share with them a small portion of power and resources that are far less than the share of the true strength of the emerging countries in the international community, and especially reluctant to share the power to the emerging countries of rulemaking power, but only to remain them of maintaining the status quo. But from the perspective of the emerging powers, as their strength and self-confidence rise, they will definitely intend to seek a new position in the international community that is commensurate with their strength. When the strength of the emerging country (and its allies) is close to or in an advantageous position relative to the original dominate nation (and its allies), the transfer of power may occur through war. In the process of power transfer, the emerging countries seek to change the status quo, including reformulating international rules. The dominate nation have two opposite choices to respond: the first is to increase investment to maintain their position in the system, and the second is to reduce their commitment to the system and maintainance costs without harming their dominant position. One of the second response strategies is to launch a preventive war to eliminate or weaken the emerging power while the dominate nation still has a military advantage.

A description of the contradiction between China and the United States due to security dilemmas and power transfers, the most popular statement today is that the two countries may have fallen into the «Thucydides Trap». The emergence of this concept is relatively new. The basic principles and conclusions are very simple: the ancient Greek historian Thucydides in his famous book “Ber In the history of the Lopenica war, the cause of the decades-long war between Athens and Sparta was written.” The real reason that made the war inevitable was the growth of the power of Athens and the resulting Spartan fear [1]. By extension, the growth of emerging powers will inevitably challenge the existing dominate nations, threatening their primacy in the international system, and eventually lead to war.

For the first time, the Trump Administration’s “U.S. National Security Strategy Report” directly listed China together with Russia as strategic competitors in military, economic, and global influence which pose major threat to the U.S. national security. The 2018 U.S. National Defense Strategy Report continued this tone, labeling Russia and China as “revisionist powers” and “the greatest challenge to U.S. security beyond terrorism”, and ranking major power competition as a priority concern for U.S. defense strategy, It marks a major shift in the focus of the U.S. military mission. These signs may indicate that the U.S. strategy toward China is undergoing a major shift, which might implant a great

deal of uncertainty into the relationship between the two countries and make confrontational disputes even conflicts more frequent.

From the perspective of many Chinese domestic observers, it is imperative time to change China's foreign policy gradually which would suit for the complexity of the changing contemporary world politics. China needs to establish a proactive-role diplomatic system that would be preventive to face more difficulties in this major power competition in a long run. China's foreign policy has gradually revised its "hiding its capabilities" and entering the "striving for success" stage, a sign that has become increasingly apparent in the past five or six years. Today, China's economy has become the second largest in the world. Although economic growth has slowed down, it is still much faster than the developed countries. Under the support of huge military expenditures and the guidance of increasingly advanced military ideology, the powerful trend of China's military power is also clearly revealed. Today, China has attracted worldwide attention, and in the Asia-Pacific region, it is the only "player" on the same platform as the United States. Regardless of whether or not China acknowledges it verbally, it is only a matter of time until it maintains its own stable development to achieve a certain leadership position in the region and globally.

The "One Belt and One Road" initiative that China has dedicated to promote in recent years is also considered as a way to accelerate the transfer of power. "The Silk Road Economic Belt" and the "21st Century Maritime Silk Road", referred to as the Belt and Road, is a rare attempt by China to support its strength during the reform and opening up period. The major national planning of strategic operations to change the international order and reorganize international forces is also the top-level design of foreign relations determined by the new Chinese government [17]. As a comprehensive initiative, the "Belt and Road" aims to make China's huge industrial capacity and infrastructure construction capacity useful in the entire Eurasian continent and its coastal ports, and will bring countries along the route to China through investment financing, trade facilitation, and transportation. Road facilities, policy coordination, etc. were connected and took the opportunity to establish the first international financial institution (Asian Infrastructure Investment Bank) led by China. In the process of promoting the "Belt and Road", China can also become a major rule maker. Overall, as commentators concluded, the "Belt and Road" initiative can improve China's political leadership and "improve China's strategic credibility" and "strengthen China's willpower to achieve a peaceful rise" [8].

The traditional analytical framework of realist international relations theory predicts from the perspective of competition of power that a change of power or even war between China and the United States may occur. The development of Sino-U.S. relations is constrained by a variety of external factors in the international system, however it is actually difficult to move towards catastrophic confrontation. This is because the mainstream theory of international trade is still

the “comparative advantage theory”, which advocates that if all countries focus on the production areas with relative resource endowment advantages (while abandoning the areas where their production costs are relatively high), countries on this basis free exchange and removal of various trade barriers can bring economic benefits to all countries. From this perspective, the Trump administration’s protectionism trade policy would definitely damage the United States’ position in the world economy and even the political order. Actually, top advisers within the Trump administration sent the President the warnings, which basically have two levels. First, free trade and globalization are the only way out not only for the United States, but also for the global economy. Second, if the United States withdraws from the TPP, it will give up the vacuum space in the Asia-Pacific region and regional economic integration dominance to China’s leadership.

From the perspective of the Trump administration, there are two levels of model disputes in economic relations with China and other countries: one is the dispute over free trade and economic nationalism, and the other is the state-led economic model and the market-driven economic model. At the first level, it is increasingly clear that Trump believes that free trade is not good for the United States. The United States should no longer defend free trade, but must promote capital, industry (most importantly, manufacturing) through certain levels of trade protection measures.

The impact of the model dispute on Sino-U.S. relations may be more profound than the so-called “transfer of power” and “Thucydides trap.” In addition, the qualitative nature of China’s economic system in mainstream American discourse today has returned to the understanding that China is still a fully planned economy. This is something that observers who have some knowledge of the Chinese system would not agree with. This statement ignores at least three facts: (1) the major goal of China’s economic reform is to establish a high-level and open market economy system; (2) China’s private enterprises have developed rapidly and occupy an important position in the national economy; (3) The goal of China’s SOE reform is to make SOEs the subject of market-based operations.

One of the most important and uncertain questions about the model dispute is what is the future direction of the Chinese model. If people really want to build an anti-market, anti-liberalization, anti-international order, and anti-free trade system, then the existence of the model dispute is a fact, which may even become the biggest driving factor for Sino-U.S. confrontation. However if China has been firmly on the road to reform and opening up, the current U.S. characterization and attacks on the Chinese system are only due to misunderstanding, or just intentional, containment-oriented public opinion initiation and consensus building. In essence, it is an unethical Power Politics. At least the United States cannot demonize China at the level of public opinion. In general, China should protect itself and seek its own best interests, and it is the best choice to continuously advance reform and opening up.

China-U.S. Relations in the New Era: Steady Progress in a Big Change.

The scholars from different countries with different political opinions all have got this common ground, that the normal and stable world order is experiencing and suffering the pain of being torn by the Trump administration. Global politics is experiencing a rare “Trump dilemma” [6].

China’s rise is not a sudden phenomenon: For decades, the whole world knows the fact that China is indisputably rising, and predict this trends would become the fact that China is the biggest economy. What has changed significantly is the judgment and cognition of China’s rise, which is reflected in the consensus on containment of China formed by the Washington policymakers in recent years and the subversion of the existing liberal international order after President Trump took office. These two major changes are happening rapidly, and now Sino-U.S. relations are placed in a severe instability. However the fundamentals of Sino-U.S. relations have not changed, and the basic structure of the international order still exists. Under the current international order, for a long run, Sino-U.S. relations will still be characterized as strategic competitors while cooperating with each other, which have been referred as coo-petition. In this case, the Sino-U.S. relations are both complex and simple.

China and the United States are certain strategic competitors. It is inevitable that contradictions and conflicts exist between a rising superpower and the current superpower that is still developing steadily, and the mutual containment and competition between China and the United States at the regional and global levels will also be inevitable, so the U.S. geopolitical containment of China’s rise is logical and natural, it will continue to use the Taiwan issue and the South China Sea to contain China, train Japan and India to counterbalance China in Asia, and will absolutely counter China’s Belt and Road Initiative and Made In China 2025 Project as China’s expansion of its influence on a global scale. For response, China will gradually enter the traditional geopolitical sphere of influence of the United States in Asia, Africa and Latin America. From the point of competing interests between China and the United States, China should not expect to establish close partnerships and alliances with the United States for a long run.

Meanwhile, China and the United States will not become inevitable enemies. Scholars on international relations often subconsciously summarize China and the United States have a non-friend or enemy relationship, without taking into account the nature and nationality of these two countries. China with a moderate nationality is naturally not an hegemonic country with aggressive nature. Although the United States has a tendency to dominate, it always has an idealistic color and does not have the desire to colonize and eliminate other countries. In general, both Chinese and American nations are constructive, not predatory, and believe that a happy life comes from hard work rather than external plunder, which has been confirmed by history. The economic miracle created by China after the reform and opening up, and the commercial success of overseas Chinese

in Hong Kong, Taiwan, Singapore and around the world have shown that as long as the Chinese have a stable environment and a relatively free economic system, they can use their own hands to create prosperity and happiness. The same is true in the United States. Since the rise of the United States, it has first existed as the world's largest industrial and agricultural production base and the most important market. The United States is currently at a very contradictory state of mind towards China: on the one hand, it is very vigilant and exclusive to China challenging its dominance; on the other hand, it also hopes to incorporate China into the existing international economic and legal track and abide by the rules of international games. Americans are proud to believe that the United States itself will always be the most competitive in such a system. Frankly speaking, the existing international economic system is not good for developing countries, but China, which has its own resources and has strong industrial and technological capabilities, can no longer simply summarize itself as a developing country. In utilizing the international market and the free economic system, China has become a collaborator of developed countries to a considerable extent and has thus obtained considerable benefits.

Conclusion. Thus, the power transfer and the battle for economic models as two major issues, have been recognized as fundamental and strategic contradictions between the two countries, which caused great challenges to the operation of contemporary international relations, manifested by the following: First, the transfer of power, or even the chain reaction caused by the anxiety about the transfer of power, may cause a catastrophic impact on the contemporary international order. Second, if the main participants of the international economy no longer believe that international order could provide sufficient and operable codes of conduct and effective dispute resolution mechanisms for trade disputes between them, disputes over economic models would fall into a chaotic economic war in the jungle, and the international economic system maintained by international order will collapse. Facing the serious consequences that may arise from these two power struggles, China and the United States need to return to a rule-oriented international order and jointly formulate new rules to improve the international order through mutually respectful negotiations in order to continue to provide public goods in terms of rules and order to the international community.

The relationship between China and the United States is always two-sided. In addition to containment and counter-containment, confrontation and prevention in the strategic field, China and the United States must cooperate in many fields. Both countries also have the desire to stabilize world order and maintain world peace.

REFERENCE:

1. *Allison G.* The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // *The Atlantic*, 24 September 2015 // <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/>

2. *Breuninger K., Tausche K.* Trump slaps China with tariffs on up to \$60 billion in imports: 'This is the first of many' // CNBC News, 22 March 2018 // <https://www.cnbc.com/2018/03/22/trump-moves-to-slap-china-with-50-billion-in-tariffs-over-intellectual-propertytheft.html>.

3. *Chabra T.* The China Challenge, Democracy, and U.S. Grand Strategy (Washington, DC: Brookings Institution, 2019) // <https://www.brookings.edu/research/the-china-challenge-democracy-and-u-s-grand-strategy>

4. *David B.* U.S. Unveils Additional Tariffs on \$200 Billion More in Chinese Imports // Wall Street Journal, 10 July 2018 // <https://www.wsj.com/articles/u-s-preparing-additional-tariffs-on-up-to-200-billion-of-chinese-imports-1531260864>.

5. *Davis B., Schlesinger J.M.* Trump Decides to Use Updated Law to Restrict Chinese Investment, Drops Executive Action Option // The Wall Street Journal, 27 June 2018 // <https://www.wsj.com/articles/trump-decides-to-use-updated-law-to-restrict-chinese-investment-drops-executive-action-option-1530100735>

6. *Donnan S.* Globalisation marches on without Trump // Financial Times, 6 November 2017 // <https://www.ft.com/content/d81ca8cc-bfdd-11e7-b8a3-38a6e068f464>

7. *Edelstein D.M.* Cooperation, Uncertainty, and the Rise of China: It's about Time // Washington Quarterly 41, no. 1 (2018) // <https://doi.org/10.1080/0163660X.2018.1445904>.

8. *Gu X.* The "Belt and Road" Initiative and the Transfer of Global Power // Xinjiang Social Science, 2018, 19(2): 27-42.

9. *Herz J.H.* International Politics in the Atomic Age, Columbia University Press, 1959.

10. *Mearsheimer J.J.* Can China Rise Peacefully? // National Interest, 25 October 2014 // <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204>.

11. *Mearsheimer J.J.* The Tragedy of Great Power Politics, W.W. Norton & Company, 2001.

12. *Medeiros E.S.* China Reacts: Assessing Beijing's Response to Trump's New China Strategy // China Leadership Monitor, no. 59 (Spring 2019) // <https://www.prcleader.org/medeiros>.

13. Official Website of Office of the United States Trade Representative. June 15, 2018 // <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/june/ustr-issues-tariffs-chinese-products>

14. *Organski A.F.K.* World Politics, Alfred A. Knopf, 1958.

15. *Roach S.* (2019). Will Another Cold War Follow Trade War? // Yale Global Online. Yale University. Retrieved 3 September 2019 // <https://yaleglobal.yale.edu/content/will-another-cold-war-follow-trade-war>

16. *Tammen R.L.* Jacek Kugler and Douglas Lemke // Power Transition Theory // Trans Research Consortium Work Paper #1.

17. *Wang J.Y.* Geopolitics Battle in the One Belt, One Road Initiative // China's Foreign Policy Review, 2016, 53(2):48-60.

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.019

УДК 94(410)

Е.П. МАКАРОВ

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
социологии, политологии и истории Отечества
Самарского государственного технического
университета, Россия, г. Самара

Т.Е. МАКАРОВА

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры дошкольного образования
Самарского государственного социально-педагогического
университета, Россия, г. Самара

РОЛЬ АССОЦИАЦИИ ДЕТСКИХ САДОВ В СТАНОВЛЕНИИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В статье исследуется вопрос развития системы дошкольного образования и воспитания в Великобритании в первые десятилетия XX в. Главное внимание уделяется рассмотрению деятельности британской Ассоциации детских садов и анализу дискуссии двух групп интересов внутри данной организации. Посредством изучения споров относительно воспитательной и образовательной составляющих деятельности детского сада обнаруживаются две точки зрения на миссию дошкольного образования Великобритании. Одна точка зрения связывается с позицией первого президента Ассоциации детских садов Маргарет Макмиллан и ее последователей, вторая точка зрения находит отражение во взглядах первого секретаря Ассоциации детских садов Грейс Оуэн и ее сторонников. Отдельным предметом рассмотрения является связь общественно-политических и научных дискуссий начала XX в. с современным обсуждением в британском обществе проблемы реформирования дошкольных образовательных учреждений.

Ключевые слова: Великобритания, дошкольное образование, детский сад, воспитание, Ассоциация детских садов, Маргарет Макмиллан, Грейс Оуэн.

E.P. MAKAROV

*Ph.D., senior lecturer of the department
Sociology, Political Science and History of the Fatherland,
Samara State Technical University,
Samara, Russia*

T.E. MAKAROVA

*Ph.D., associate Professor of the department
of Preschool Education, Samara State University
of Social Sciences and Education
Samara, Russia*

THE ROLE OF THE NURSERY SCHOOL ASSOCIATION IN THE FORMATION OF EARLY CHILDHOOD EDUCATION IN THE UK IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article examines the development of pre-school education and upbringing in the UK in the early decades of the XX century. The main attention is paid to the consideration of the activities of the British Nursery School Association and analysis of the discussion of two interest groups within this organization. Through the study of disputes regarding the educational and educational components of the activities of the kindergarten, two points of view on the mission of pre-school education in the UK are revealed. One point of view is associated with the position of the first president of the Nursery School Association Margaret McMillan and her followers, the second point of view is reflected in the views of the first secretary of the Nursery School Association Grace Owen and her supporters. A separate subject of consideration is the relationship of socio-political and scientific discussions of the early XX century with a modern discussion in British society of the problem of reforming preschool educational institutions.

Key words: *UK, early childhood education, kindergarten, parenting, Nursery School Association, Margaret Macmillan, Grace Owen.*

В научно-педагогической среде Великобритании идеи введения всеобщего дошкольного образования начали обсуждаться лишь в первые десятилетия XX в. К тому времени страна имела опыт периода Первой мировой войны, когда по всей стране были организованы государственные учреждения, бравшие на себя заботу о детях во время рабочего дня их родителей, трудившихся на производствах, ориентированных на военные нужды. В послевоенное время вопрос о необходимости повсеместной организации дошкольных образовательных учреждений стал часто упоминаться в кон-

тексте парламентских дебатов [12. Р. 4-27]. Депутаты лейбористского, либерального и консервативного толка в своих программных выступлениях не раз упоминали необходимость повышения государственного внимания к вопросам улучшения качества педиатрии и дошкольного образования, а также отмечали, что подобные социальные инициативы несут в себе далеко идущие позитивные последствия [7. Р. 125].

Политические дискуссии начала 1920-х гг. напрямую отразились в Законе об образовании 1921 г., в рамках которого предусматривалось выделение государственных грантов на организацию новых образовательных учреждений для детей от двух до пяти лет. Благодаря государственной поддержке в стране начали возникать детские центры, бравшие в качестве образца дошкольные учреждения военных лет [3]. Необходимость в координации и регламентации деятельности данных учреждений довольно быстро привела к созданию в 1923 г. Ассоциации детских садов (Nursery School Association).

Первым президентом данной организации стала Маргарет Макмиллан, известная в Великобритании того времени благодаря активному участию в организации приютов для беспризорных детей и центров социального обеспечения малоимущих многодетных семей. В последнее десятилетие XIX в. М. Макмиллан была популярной политической фигурой благодаря активному участию в национальном социалистическом движении. Выступая с лекциями в Йоркшире и Ланкашире она критиковала капитализм с морально-этической точки зрения призывала к преодолению несправедливости, сопутствующей капиталистическому укладу британской экономики [14. Р. 5-56].

Занимаясь вопросами образования, М. Макмиллан стала членом школьного совета Брэдфорда и принимала активное участие в улучшении условий пребывания детей в школе. В 1906 г. вместе со своей сестрой Рейчел, М. Макмиллан направила в парламент предложение о введении обязательного медицинского осмотра школьников, позднее включенное в образовательный законопроект 1907 г. Сестры Макмиллан получили грант на организацию в Лондоне учреждения, где дети могли бы получать необходимую медицинскую помощь. Заведение сестер Макмиллан открылось в 1910 г., а в 1914 г. его удалось расширить до специализированного комплекса для детей из малоимущих семей, в котором установился режим, состоявший из прогулок на свежем воздухе, развивающих игр, регулярного медицинского осмотра и питания по расписанию. Предприятие сестер Макмиллан получило широкую известность в период 1914-1918 гг., а М. Макмиллан отмечала, что опыт организации детского учреждения показал, что дети из трущоб могут вырасти здоровыми и ответственными молодыми гражданами. В этот период заведение М. Макмиллан посетили многие известные люди, включая членов парламента, премьер-министра С. Болдуина и королеву Марию, супругу короля Георга V [13. Р. 30-38].

В период 1914-1918 гг. основной проблемой дошкольных учреждений была нехватка квалифицированных кадров. В законе об образовании 1918 г. отмечалась необходимость создания дошкольных учреждений, в задачу которых входила бы умственная и физическая подготовка детей, включающая развитие базовых социальных навыков. Законом оговаривалась необходимость подготовки квалифицированных учителей, которые обладали бы необходимым опытом и могли бы заниматься воспитанием детей дошкольного возраста. Местные органы образования при этом получали финансирование, специально заложенное для обучения и поощрения работников дошкольных учреждений [2]. В начале 1920-х гг. власти предприняли попытку координации деятельности всех дошкольных учреждений, что обусловило создание единого органа, названного национальной профессиональной Ассоциацией детских садов. Репутация и политические связи М. Макмиллан обусловили ее выдвижение в 1923 г. на пост президента данной организации [13. Р. 35].

Вторым по значимости в ассоциации был пост первого секретаря, который заняла Грейс Оуэн, руководившая подготовкой работников дошкольных учреждений Манчестера. Традиция дошкольного образования Большого Манчестера была старше лондонской, и брала начало в 1873 г., когда У. Мазер организовал бесплатный детский сад в Солфорде, а затем и Манчестерскую ассоциацию детских садов (Manchester Kindergarten Association), первую в Великобритании. Манчестерский опыт основывался на трудах Ф. Фребеля, предложившего термин «детский сад», а также идеях И.Г. Песталотци об активном обучении, ориентированном на интересы ребенка [11. Р. 155-157]. Г. Оуэн проходила обучение по методам Ф. Фребеля в колледже, затем в 1905 г. получила ученую степень в Колумбийском университете США. Вернувшись в Великобританию она была принята на работу в Манчестерский университет и стала директором Манчестерского колледжа детских садов (Manchester Kindergarten Training College). Данный колледж к 1917 г. стал главной кузницей кадров в дошкольные образовательные учреждения, а Г. Оуэн была избрана секретарем Совета по детским садам Манчестера и Солфорда (Manchester and Salford Council for Day Nurseries and Nursery Schools) [5. Р. 917-937].

Можно заметить, что опыт М. Макмиллан был преимущественно организационно-политическим, а деятельность Г. Оуэн носила научно-педагогический характер. На момент основания Ассоциации детских садов и М. Макмиллан, и Г. Оуэн были членами английского общества Ф. Фребеля, но имели различные взгляды на миссию дошкольного образования [11. Р. 156]. Современники характеризовали М. Макмиллан как хорошего оратора и политика, а Г. Оуэн называли исследователем с широким научным кругозором [6. Р. 97-108].

После учреждения Ассоциации детских садов были разработаны общие принципы, на которых осуществлялось обучение работников дошкольных

образовательных учреждений. Далее встал вопрос о субсидировании детских садов, расположенных в неблагополучных районах. К этому времени обнаружилось расхождение во мнении между президентом ассоциации и ее сторонниками с одной стороны, и первым секретарем с большей частью членов ассоциации в другой стороны. М. Макмиллан считала, что часть имеющегося бюджета необходимо перераспределить в пользу обеспечения нужд живущих в бедности детей, а также детских садов в районах, населенных преимущественно рабочим классом [1. Р. 20-29]. Г. Оуэн в связи с этим отмечала, что при подобном подходе неизбежна экономия, ставившая под сомнение возможность расширения сети детских садов по всей стране. Она предлагала альтернативный вариант распределения денежных средств пропорционально среди всех имеющихся в стране дошкольных учреждений [5. Р. 917-937].

Следующим спорным пунктом был вопрос о профессиональной подготовке будущих работников дошкольных учреждений. Г. Оуэн придерживалась академических принципов и считала, что работник дошкольного учреждения должен быть прежде всего квалифицированным специалистом в своей области, и не важно, насколько он будет классово близок той среде, в которой ему предстоит работать. В то же время, М. Макмиллан не раз подчеркивала необходимость погружения работника с социальную среду, существующую вокруг детского сада в конкретной области. Таким образом по ее мнению работник мог получить реальное представление об уровне жизни и потребностях семей, находящихся в сложных жизненных условиях [9. Р. 40-45]. При том, что ассоциация стремилась к увеличению числа детских садов по всей стране, успешность их работы напрямую зависела от воспитателей и учителей. Признавая важность погружения работника в местную социальную среду, в ассоциации подчеркивали не меньшую важность приверженности работника педагогической и организационной культуре учреждения [4. Р. 63-90].

Еще одним вопросом, вызвавшим расхождение во мнениях внутри Ассоциации детских садов был срок обучения работников дошкольных учреждений. М. Макмиллан отстаивала идею о необходимости трехлетнего обучения будущего воспитателя детского сада, включающее обязательную наставническую практику. Остальные члены ассоциации и Г. Оуэн выступили за стандартизацию программы по двухлетнему курсу обучения [10. Р. 61-64].

К 1925 г. все еще ощущался дефицит педагогических кадров, при этом ассоциация подготовила стандарт, согласно которому на одного квалифицированного педагога в дошкольном учреждении должно приходиться не более тридцати пяти детей. В 1927 г. М. Макмиллан высказала мнение о том, что детские сады могут учесть опыт приютов, в которых до ста пятидесяти детей могут находиться под присмотром одного квалифицированного педагога и его неквалифицированных помощников. В 1930 г. ассоциация

окончательно утвердила стандарт, при котором тридцать пять детей должны находиться под присмотром одного педагога и двух его помощников. В 1927 г. М. Макмиллан высказала сожаление в том, что ассоциация поддерживала подготовку педагогов, которые не имели представления о социальной среде в которой они работали, не жили по соседству и проводили в детском саду по несколько часов в день, воспринимая детей без учета их индивидуальных особенностей [1. Р. 17-25].

М. Макмиллан считала, что основной миссией детского сада является воспитание, в то время как Г. Оуэн подчеркивала, что должен преобладать образовательный компонент. Именно этот вопрос стал камнем преткновения, препятствующим выработке единой политики Ассоциации детских садов. М. Макмиллан подчеркивала, что воспитательная миссия детского сада не может быть частью системы школьного образования. М. Макмиллан указывала, что с точки зрения развития ребенка возраст от двух до пяти лет является важнейшим, и в этот период ребенок нуждается прежде всего в воспитании, а не в обучении [10. Р. 60]. Г. Оуэн напротив, всячески поддерживала открытие детских классов во вновь открывающихся школах, указывая на позитивный опыт работы детских садов в Манчестере [8. Р. 118-123]. План М. Макмиллан по созданию по всей Великобритании сети детских садов, основанной на программе содействия социальному равенству, так и не осуществился. Вместо этого, предложенные Г. Оуэн детские классы определили облик дошкольного образования на десятилетия вперед. Не сумев убедить Ассоциацию детских садов в правильности принятия своего варианта программы развития дошкольного образования Великобритании, после 1930 г. М. Макмиллан приняла решение окончательно отказаться от сотрудничества с Г. Оуэн, отклонив неоднократные приглашения к дальнейшей совместной работе [5. Р. 917-937].

После смерти М. Макмиллан в 1931 г. и переоценки ее теоретического и практического наследия стало понятно, что Ассоциация детских садов отводит идеям Г. Оуэн вспомогательную роль даже несмотря на то, что большинство из них было принято к реализации. Популярность М. Макмиллан в британском обществе во многом обуславливалось тем, что она говорила от имени обездоленных и боролась за право нуждающихся детей на получение достойного воспитания и образования в раннем возрасте [9. Р. 42]. М. Макмиллан считала физическое и моральное здоровье населения национальным ресурсом, что также отражалось в политической повестке того периода [6. Р. 97-108].

К началу 1930-х гг. дискуссии в Ассоциации детских садов относительно сущности и содержания дошкольного образования начали сходиться на нет, и на первый план вышли иные вопросы. В контексте национальных и международных социально-политических процессов того времени стоит признать, что система дошкольного образования, основанная на принципах, предложенных Г. Оуэн оказалась более подходящей [8. Р. 118].

Анализ дискуссий относительно спорных моментов в дошкольном образовании Великобритании первой половины XX в. позволяет по-новому взглянуть на современное состояние данного образовательного сегмента. Актуальность воспитательной составляющей в дошкольном образовании вновь обсуждалась в период 1939-1945 гг., затем снова возобладала образовательная составляющая. Вопросы дошкольного образования попали в политическую повестку с принятием закона о системе дошкольного образования в 1996 г. Как и в первой половине XX в. государство увеличило финансирование данного сектора и попыталось регламентировать процесс образования в детских садах.

В 1997 г. начался процесс реформирования системы раннего образования. Государство создавало единое образовательное пространство с унифицированным курсом для детей 3-4 лет. В период 1997-1998 гг. было значительно увеличено финансирование дошкольных учреждений и обозначены механизмы прохождения ими государственной аккредитации. По итогам проверки 1997 г. было выявлено, что более 70% учреждений не соответствовали предъявляемым государством требованиям [4. Р. 63-90]. За пореформенное десятилетие 1997-2007 гг. по всей Великобритании было создано множество дошкольных учреждений, способных одновременно обеспечивать потребности более миллиона детей. В период 2009-2010 гг. таких учреждений было более трех тысяч.

Государственные социальные программы в дошкольном образовании периода 1997-2010 гг., ориентировались также на Национальную стратегию по уходу за детьми 1998 г., регламентировавшую рынок образовательных услуг. Дискуссии 2010-х гг. вновь обнаружили две точки зрения. Первая учитывала необходимость внимания государства к вопросу воспитания детей из социально и экономически неблагополучной среды. Вторая отражала потребность в удовлетворении общественного спроса на прогрессивное развитие дошкольников. Разделение понятий ухода за детьми и дошкольного образования в современном общественном дискурсе Великобритании обсуждается наряду с высокой стоимостью образования и низкой квалификацией работников дошкольного образования. В настоящее время игровой, воспитательный и образовательный элементы по-прежнему присутствуют в практике подавляющего большинства детских классов, отражая особенности национальной системы дошкольного образования.

Таким образом, можно констатировать, что со времени зарождения системы дошкольного образования в Великобритании и по настоящее время не прекращаются политические, общественные и научные дискуссии относительно наиболее актуальных проблем. Государство признает необходимость своевременного и поэтапного реформирования системы дошкольного образования, направленного на лучшее материально-техническое оснащение детских садов, обеспечение их учебно-методической базой. В настоя-

щее время, как и в начале XX в. в Великобритании достаточно остро стоят вопросы совершенствования стандартов в системе дошкольного образования и повышения качества подготовки кадров.

Непрерывное реформирование системы дошкольного образования своевременно реагирует на локальные проблемы, связанные с недостатком мест в дошкольных учреждениях. И для государства, и для британских семей вопрос посещения и пребывания ребенка в детском дошкольном учреждении остается крайне важным, поскольку напрямую связывается с социализацией и включением ребенка в общественные отношения.

Власти Великобритании проводят непрерывную работу по повышению качества дошкольного образования, совершенствуется правовая база, ведется строительство новых учреждений, уделяется внимание вопросам подготовки квалифицированных кадров для дошкольных учреждений. Также, как и в первой половине XX в., в настоящее время остается актуальным вопрос соблюдения санитарных норм и обеспечения организации питания в дошкольном учреждении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Bradburn E.* Margaret McMillan: portrait of a pioneer. London, 1989.
2. Education Act. 1918. 8 & 9 Geo. 5.
3. Education Act. 1921. 11 & 12 Geo. 5.
4. *Grover C.* The National Childcare Strategy: the social regulation of lone mothers as a gendered reserve army of labour // *Capital & Class*. 2005. No 29 (1).
5. *Jarvis P., Liebovich B.* British Nurseries, Head and Heart: McMillan, Owen and the genesis of the education/care dichotomy // *Women's History Review*. 2015. No 24 (6).
6. *Jarvis P., Swinarski L., Holland W.* Early Years Pioneers in Context: Their lives, lasting influence and impact on practice today. London, 2017.
7. *Koven S.* Borderlands: women, voluntary action and child welfare in Britain 1840-1914 // *Mothers of a New World*. London, 1993.
8. *Lascares V.C., Hinitz B.F.* History of Early Childhood Education. London, 2011.
9. *Mansbridge A.* Margaret McMillan: prophet and pioneer. London, 1932.
10. *Moriarty V.* Margaret McMillan: I learn, to succor the helpless. Nottingham, 1998.
11. *Read J.* The Froebel Movement in Britain 1900-1939. London, 2011.
12. *Ross E.* Survival Networks: women's neighborhood sharing in London before World War I // *History Workshop Journal*. 1983. No 15.
13. *Steedman C.* Childhood, Culture and Class in Britain: Margaret McMillan 1860-1931. New Jersey, 1990.
14. *Yeo S.* A New Life: the religion of socialism in Britain // *History Workshop Journal*. 1977. No 4 (1).

ПОЗИЦИЯ РОССИИ В ЕГИПЕТСКОМ ВОПРОСЕ В 1896 г.

Целью статьи является исследование позиции России в египетском вопросе в период Восточного кризиса 1896 г. Традиционно принято считать, что Петербург не уделял Африке особого внимания и никак не вмешивался в процесс колонизации континента. В действительности, в рассматриваемый период Россия играла довольно значительную роль в Северо-Восточной Африке. В основу работы положен принцип историзма, требующий исследования явлений и процессов в связи с конкретными условиями, породившими их. Статья написана на основе широкого круга источников (в том числе архивных) и литературы. В условиях оккупации Великобританией Египта, Франции важно было учитывать и мнение России, которая, тем более, была связана с Францией союзническими обязательствами, и являлась давним противником Англии. Необходимость поддержания коммуникаций со своими дальневосточными владениями приводила Петербург к мысли о том, что пока Суэцкий канал находится в руках его мощного конкурента, интересы России в любой момент могут быть поставлены под угрозу. Таким образом, Франция и Россия обоюдно стремились добиться эвакуации британских войск из Египта. Позиция России в этом вопросе была в значительной степени независимой, и даже более активной, чем французская.

Ключевые слова: международные отношения, Россия, египетский вопрос, Франция, Великобритания.

Ye. V. MOROZOV

Candidate of Historical Sciences,
associate Professor of Novgorod state University,
Veliky Novgorod, Russia

RUSSIA'S POSITION ON THE EGYPTIAN QUESTION IN 1896

The aim of the article is to study Russia's position on the Egyptian issue during the Eastern Crisis of 1896. It is generally accepted that Saint Petersburg did not pay much attention to Africa and did not interfere in the process of

colonizing the continent. In fact, during the period under review, Russia played a rather significant role in Northeast Africa. The article is based on the principle of historicism, requiring the study of phenomena and processes in connection with the specific conditions that gave rise to them. The article is written on the basis of a wide range of sources (including archival) and literature. Under Great Britain's occupation of Egypt by France, it was important to take into account the opinion of Russia, which was all the more tied to France with allied commitments, and was a longtime enemy of Great Britain. The need to maintain communications with its Far Eastern possessions led Saint Petersburg to the idea that while the Suez Canal was in the hands of its powerful competitor, Russia's interests could be jeopardized at any time. Thus, France and Russia mutually sought to achieve the evacuation of British troops from Egypt. Russia's position on this issue was largely independent, and even more active than the French.

Key words: *international relations, Russia, Egyptian problem, France, Great Britain.*

С начала 1890-х гг. англо-французское соперничество за Африку вступило в активную фазу. Соглашение 1890 г. лишь обозначило нечеткие сферы влияния двух государств в Западной Африке, которую, к тому же, предстояло еще завоевать. О Северо-Восточной Африке в договоре ничего не говорилось. В то же время шла колонизация остальных частей континента. Великобритания начала осваиваться на территориях к югу от махдистского Судана, а Франция приступила к проведению активной политики в Эфиопии.

В феврале 1896 г. французский посол А. де Курсель сообщил британскому премьер-министру лорду Солсбери, что в египетском вопросе Франция ищет лишь психологического удовлетворения, которое может быть достигнуто эвакуацией из страны британских войск, после которой над Египтом должен быть установлен англо-французский кондоминиум [13. Р. 458-465]. Британское правительство сообщило Франции, что отвоевание Судана является одним из предварительных условий эвакуации из Египта, то есть англичане смогут покинуть эту страну, лишь гордясь своими достижениями в этом деле [15. Р. 343]. Британская пресса в течение долгого времени изображала махдистов как непримиримых врагов цивилизации, поэтому британское общественное мнение оказалось вполне готово к вторжению в Судан [15. Р. 259]. Махдизм воплощал ислам в его наиболее крайнем и фанатичном варианте, поэтому с таким соседом безопасность Египта постоянно находилась под угрозой, но британское правительство не могло приступить к отвоеванию Судана, пока финансовое положение Египта еще было неустойчиво, а военные кадры слабы. В Англии серьезно подошли к поставленной задаче. Главнокомандующим англо-египетской армией, про которую британский исследователь А. Сиболд писал, что она «превышает

самые мощные силы, которые, когда бы то ни было были брошены на поле боя в любой из африканских стран», стал генерал Г. Китченер [7. С. 165]. Пока готовилась операция по захвату северного Судана, британское правительство осуществило разведывательную миссию в район Северо-Восточной Африки. В конце августа 1896 г. исследователь Г. Кавендиш добрался до Адена, где встретился с генералом Каммингхэмом, который подарил ему 30 винтовок. В Бербере Кавендиш был приветливо принят местным английским резидентом. Сформировав караван из 84 человек, он покинул Берберу 5 сентября и двинулся по направлению к озеру Стефани (ныне Чоу Бахр) [10. Р. 372-373]. Кавендиш дошел до реки Омо и исследовал побережье озера Рудольфа. Он отмечал, что местные жители очень недоверчиво относились к нему, так как боялись внезапного нападения эфиопских войск, известных своей жестокостью к покоренным народам. Это означало, что Эфиопия активизировала свои военные походы на юг. Вернувшись в Лондон, Кавендиш сделал обстоятельный доклад британскому правительству и позже, в 1899 г., получил официальную благодарность за то, что сведения, им полученные, помогли британским войскам оккупировать территории Восточной Африки. Когда Англия захватила суданский порт Суакин, французский министр иностранных дел Г. Аното запросил своего российского коллегу А.Б. Лобанова-Ростовского, нельзя ли заручиться согласием Турции и занять другой пункт на Красном море, чтобы восстановить стратегическое равновесие в регионе [1. Д. 139, л. 308-309].

В итоге Россия и Франция совместно выступили против использования британским правительством средств Кассы египетского долга для экспедиции в Судан [11. Р. 310]. Суть вопроса заключалась в следующем: половина доходов Египта шла на развитие страны и нужды ее управления, другая половина уходила на выплаты процентов по внешним долгам. Лондонская конвенция 1885 г. предписывала, что ежегодные расходы Египта не должны превышать определенной суммы. Если же это происходило, то эквивалентная сумма должна была быть выплачена комиссии по долгам. По соглашению 1888 г. кассе по долгам было дано право перечислять добавочные выплаты в общий резервный, а не амортизированный фонд. Из этого фонда в случае непредвиденных расходов могли выделяться субсидии, которые не облагались дополнительным налогом [9. С. 180]. Когда началась британская экспедиция в Донголу на севере Судана, стало ясно, что Египет не сможет финансировать ведение военных операций. Тогда египетское правительство обратилось в кассу по долгам с просьбой кредита в 500 тыс. египетских фунтов из общего резервного фонда [16. Р. 245-250]. Комиссия по долгам собралась на совещание по этому вопросу. Представители Англии, Германии, Австро-Венгрии и Италии согласились выдать субсидию, но члены комиссии от России и Франции выступили против. Большинством голосов положительное решение было принято. Тогда Франция и Россия

заявили, что полномочия комиссии не предусматривают выдачи подобных субсидий. Для обсуждения сложившейся ситуации был создан смешанный независимый трибунал, принявший решение, что военные расходы не являются непредвиденными, поскольку предполагалось, что Египет и так постоянно находится в состоянии войны. Египетскому правительству следовало вернуть полученную ранее сумму со всеми процентами и издержками, однако выяснилось, что она уже была потрачена [12. Р. 85-86].

Стремясь спасти положение и не допустить усиления Франции в Египте, британский генеральный консул Кромер срочно телеграфировал Солсбери просьбу выдать Египту ссуду в 500 тыс. фунтов. Британское правительство выразило свое согласие. 6 декабря 1896 г. необходимые 515 600 фунтов были переданы египетским казначейством в кассу по долгам. Позже Англия списала Египту этот долг [9. С. 181-182]. Таким образом, французская дипломатия потерпела поражение, но франко-русское единение в египетском и суданском вопросах стало серьезным фактом на мировой политической арене.

Исключительное положение Англии в Египте не устраивало Россию, так как несло в себе постоянную угрозу свободе сообщения с ее дальневосточными территориями [6. С. 79]. По египетскому вопросу Россия заняла очень жесткую позицию. Главным инициатором подобной политики стал министр иностранных дел А. Б. Лобанов-Ростовский. Еще в январе 1895 г. российский посол в Англии Е.Е. Стааль высказал соображение о том, что сближение между Францией и Англией невозможно лишь до той поры, пока последняя оккупирует Египет. Если египетский вопрос будет урегулирован, то Франция не замедлит вступить в союз с Англией, не обращая внимания на Россию [4. С. 107]. Комментируя это, товарищ российского министра иностранных дел В. Н. Ламздорф писал, что России «нужна сильная Франция, и мы создали ее путем благоразумной и рациональной политики..., однако такая Франция нужна нам для обслуживания интересов России, а не для того, чтобы самим следовать за ней. Не мы обязаны Франции, а сама Франция обязана нам всем» [4. С. 254].

В октябре 1895 г. А.Б. Лобанов-Ростовский сказал германскому императору Вильгельму II, что Англия, подкупив Францию уступками в Египте, может начать войну против России [5. С. 15]. Российский министр иностранных дел считал, что политика правительства лорда Солсбери может привести к территориальному разделу Оттоманской империи [1. Д. 70, л. 290]. В ноябре в беседе с В.Н. Ламздорфом Лобанов заявил, что установление полного британского господства в Египте недопустимо с точки зрения интересов России, и очень недоброжелательно высказался в адрес посла в Лондоне Е.Е. Стааля, который якобы «продолжает рассматривать положение в розовом свете» и «спит, как сурок; нос у него довольно короткий, а дальше носа он ничего не видит» [4. С. 322]. Эта оценка Стааля не вполне верна. В апреле 1896 г. посол писал о предполагаемом вторже-

нии англичан в Судан: «Эта экспедиция все меняет... Можно подумать, что Тройственный союз возрождается, причем Великобритания готова поддержать его; Европа вновь разделена на два враждебных лагеря» [11. Р. 313].

А.Б. Лобанов-Ростовский выдвинул идею проведения конференции европейских держав по египетскому вопросу. В марте 1896 г. министр заявил лорду Солсбери, что положение в Египте непосредственно затрагивает интересы Петербурга. Россия решила снова поднять вопрос о выводе английских войск из Египта. Он был поставлен перед турецким султаном Абдул-Хамидом II с целью побудить его к активным действиям, и добиться созыва международной конференции по поводу эффективной нейтрализации Суэцкого канала и ограничения английской оккупации Египта [8. Р. 35].

В это время в Великобритании российский император в замке Белморал имел беседы с королевой Викторией и лордом Солсбери. По итогам двух встреч с царем, состоявшихся 27 и 29 сентября, лорд Солсбери составил меморандум, который позднее был опубликован [14. С. 216-222]. Британский премьер заявил Николаю II, что Англия готова пойти на значительные уступки России в вопросе режима Проливов и дать гарантии действенной нейтрализации Суэцкого канала в обмен на поддержку британских планов в Египте. Если верить Солсбери, то Николай быстро уступил и сказал, что египетский вопрос наиболее остро стоит для Франции, а он сам не имеет возражений против оккупации Египта. Довольный премьер напомнил царю, что его прадед Николай I в свое время первым предложил осуществить раздел Оттоманской империи, причем Египет он собирался отдать Англии, а Франции – Сирию. В российском министерстве иностранных дел были недовольны нерешительной позицией царя. Позже Николаю II пришлось написать королеве Виктории письмо, в котором указывалось, что статус Египта – «очень серьезный вопрос, затрагивающий не только Францию, но и всю Европу. Россия весьма заинтересована в том, чтоб были свободны и открыты ее кратчайшие пути к Восточной Сибири». Далее царь подчеркнул, что «британская оккупация Египта – это постоянная угроза нашим морским путям на Дальний Восток... Вот почему Россия и Франция не согласны с пребыванием Англии в этой части света и обе страны желают *реальной целостности* канала. За несколько недель до своей смерти князь Лобанов запрашивал об этом лорда Солсбери..., но мы *так и не получили ответа*. Я очень хорошо помню этот день. Жаль, что я не напомнил ему об этом в Белморале» [2. С. 197].

3 октября русский посол в Лондоне Е.Е. Стааль изложил лорду Солсбери четкую точку зрения, сформированную министерством иностранных дел по этому вопросу. Британский премьер заявил, что если Россия в египетском вопросе удовлетворится отменой оговорок, сделанных Англией по поводу конвенции 1888 г., то их можно аннулировать. «Но если речь идет о переговорах об эвакуации долины Нила и о том, чтобы поднять египет-

ский вопрос в целом, тогда дело меняет свой характер» [3. С. 339]. Даже целью приобретения проливов российское правительство отказалось от раздела Турции и признания британского господства над Египтом. Заручившись содействием Германии и Франции, Петербург дал отпор замыслам Лондона на Ближнем Востоке.

С 6 по 8 октября 1896 г. Николай II находился с визитом в Париже. В тот момент Г. Аното был готов пойти на сближение с Англией, но лишь при условии урегулирования египетского вопроса и нейтрализации Суэцкого канала. Министр был готов в принципе согласиться с британской оккупацией Египта, надежно обеспечив там экономические интересы Франции и получив уступки в отношении навигации по каналу [3. С. 341]. 7 октября царь заложил в Париже первый камень в строительство нового моста Александра III. Слово «союз» не произносилось, но говорилось о «драгоценных узах» между Францией и Россией. Министр иностранных дел России Н. П. Шишкин провел переговоры со своим французским коллегой Г. Аното, на которых, кроме положения в Османской империи, обсуждались и вопросы выработки совместной политики союзников в Болгарии, Египте и Эфиопии [6. С. 94].

Таким образом, в египетском вопросе в 1896 г. позиция России была в значительной степени независимой, и даже более активной, чем французская. Необходимость поддержания коммуникаций со своими дальневосточными владениями приводила Петербург к мысли о том, что пока Суэцкий канал находится в руках его мощного конкурента, интересы России в любой момент могут быть поставлены под угрозу. Таким образом, Франция и Россия обоюдно стремились добиться эвакуации британских войск из Египта. Это положение привело к активизации французских экспедиций в Северо-Восточной Африке при мощной поддержке России, а в дальнейшем – к Фашодскому кризису 1898 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 133. Оп. 470. Д. 70, 129, 139.
2. «Дражайшая бабушка...» Письма Николая II королеве Виктории. 1894-1900 гг. / Сост. С. Житомирская, С. Мироненко // Исторический архив. 1995. № 1.
3. История дипломатии. Т. II / Автор тома – В.М. Хвостов. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963.
4. *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894-1896. М.: Международные отношения, 1991.
5. Переписка Вильгельма II с Николаем II. М.: Мосполиграф, 1923.
6. *Рыбаченок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Институт истории РАН, 1993.

7. Смирнов С.П. История Судана (1821-1956). М.: Наука, 1968.
8. Хвостов В.М. Ближневосточный кризис 1895-1897 гг. М., 1929.
9. Черчилль У.С. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897-1900. М.: Эксмо, 2004.
10. Cavendish H.S.H. Through Somaliland and around and south of Lake Rudolf // The Geographical Journal. 1898. Vol. 11. № 4.
11. Correspondence diplomatique du Baron de Staal. (1884-1900). Т. II. Paris: Riviere, 1929.
12. Cromer, Lord. The Modem Egypt. London: Macmillan, 1911.
13. Documents Diplomatiques Français (1871-1914). 1 série (1871-1900). Т. XII. Paris, 1932.
14. Jefferson M.M. Lord Salisbury's Conversations with the Tsar at Balmoral, 27 and 29 September 1896 // The Slavonic and East European Review. Vol. XXXIX. № 92. December 1960.
15. Steele D. Lord Salisbury. A Political Biography. London; N.Y.: Routledge, 2001.
16. Politis N. La Caisse de la Dette Égyptienne, ses Pouvoirs et sa Responsabilité // Revue Générale de Droit International Public. Vol. III. 1896.

DOI 10.35775/PSI.2020.60.3.021

УДК 94

КУ ЧАМЯН

*аспирант кафедры истории России
XIX века – начала XX века исторического
Факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

КАВКАЗСКИЙ ВОПРОС В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 20-50-х годов XIX века

Цель настоящей статьи – проследить процессы регулирования вопросов на Кавказе, а также причину их интернационализации в период от Венской до Парижской систем международных отношений в рамках столкновения таких великих держав как Россия и Великобритания и их борьбы за первенство на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: *Кавказ, Ближний Восток, Крымская война, Кавказская война.*

KU CHAMYAN

*Postgraduate student at the Chair
of Russia's history of the XIX – beginning
of the XX century, Historical Faculty, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

THE CAUCASUS ISSUE IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 20-50IES OF THE XIX CENTURY

This article aims to explain the process how and why Caucasus question became internationalization from Vienna system to Paris system on the context of rivalry between Russia and Britain in Near East.

Key words: *Caucasus, Near-East, Vienna system, Crimean War, Caucasian War.*

В результате победы в войне против Наполеона на общеевропейской арене сложилась новая система разделения сил. Россия, в глазах европейских коллег, стала влиятельным и могущественным государством. Александр I

был одним из главных инициаторов устройства постнаполеоновской системы, получившей название Венской, целью которой стало предупреждение революционных движений и сохранение статуса-кво в Европе.

Венский конгресс 1814-1815 гг. дал Александру I надежду на осуществление его давней мечты создать цельную общеевропейскую систему, способную обеспечить в Европе «долгие годы мира и благоденствия». Главную предпосылку для осуществления этого русский император видел в материальной компенсации государствам, понесшим большие потери во время наполеоновских войн. Важно отметить, что эта компенсация должна соответствовать нуждам обороны государства и не достигать размеров, позволяющих нести угрозу для безопасности соседей. По мнению великого императора, только на таких условиях можно было установить в Европе прочное равновесие и безопасные взаимоотношения [6. С. 158].

Значение России в рамках Священного Союза вызывало беспокойство Великобритании и Франции. Ведущие страны Европы были встревожены военным потенциалом России, что могло привести, с точки зрения Парижа и Лондона, к повторению Бонапартского кошмара и нарушить баланс сил в Европе.

В результате учреждения Венской системы после наполеоновских войн, в Европе появились два политических лагеря: либерально-конституционный запад в лице Великобритании и Франции, и консервативно-монархический восток в лице России, Австрии и Пруссии [6. С. 227]. В этом контексте, один английский историк называл сложившуюся международную систему как «Западный дуэт (Western Duo) и Восточное трио (Eastern Trio) [17. P. 34]».

Россия стала активно расширять влияние на Балканах и на Ближнем Востоке. Причиной этому служили, с одной стороны, следствия русско-турецкой войны 1828-1829 гг. (подписание Адрианопольского мирного договора 1829 г.), что привело к укреплению влияния России, с другой стороны, ослабление Турции на Балканах и в Черноморском проливе [9. С. 66].

Согласно Адрианопольскому договору, к России присоединились новые черноморские территории: весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая, в пределах которого находились г. Анапа и г. Поти [9. С. 153-154]. Судя по всему, британский кабинет министров был встревожен экспансией России на Ближнем Востоке, вследствие которого нависла угроза безопасности в Индии – главной колонии Лондона.

В высших кругах Британии преобладали русофобские настроения после того, как Россия оказала военную помощь Турции во время турецко-египетской войны (1831-1833), в результате чего между Россией и Турцией был подписан Ункяр-Искелесийский договор в 1833 г. Обеспокоенность Великобритании и Франции была вызвана секретной статьей договора, которая обязывала Турцию закрывать проход через Дарданеллы любым иностранным военным судам по первому требованию России [15. С. 92].

Об этой секретной статье стало известно Лондону, что вызвало волнения в британском обществе, так как Ближневосточный регион непосредственно был связан с интересами Великобритании. В экономическом плане Ближний Восток представлялся для английских буржуа неотъемлемым рынком сбыта [22].

Помимо экономического фактора, следует отметить, что для английских кораблей стратегически важным элементом политики было оставить за собой доступ к Черному морю для контроля и защиты Индии [22]. Оказалось, что поворот Турции в сторону России, ухудшение англо-турецких отношений, отказ участвовать в Венской конференции и сохранение таким образом «свободных рук» по отношению к Османской империи помогли России отстоять на первом этапе кризиса свои позиции на Ближнем Востоке [4. С. 107].

Тогда геополитический соперник России обратился к Кавказу, представлявшему собой Ахиллесову пяту, которая могла помешать продвижению России к Ближнему Востоку. Географический фактор играл очень важную роль. Кавказ является мостом, соединяющим два континента (Азию и Европу) между Каспийским и Черным морями. С точки зрения защиты Индии, Великобритании было необходимо тормозить продвижение политического влияния России на Ближнем Востоке, здесь имеется в виду Каспийский и Черноморский регионы, которые являлись не только рынком сбыта английских товаров, но и оборонной линией для безопасности Индии. Лондон внимательно наблюдал за расширением влияния России на Кавказе.

Немаловажную роль сыграли события Кавказской войны, так как проблемы на Кавказе оставались не только внутрироссийскими заботами. Активный интерес в регулировании кавказских проблем проявляли и соседние государства (Османская империя и Персия), а также западноевропейские державы, главной целью которых оставалось ослабление России (в том числе и ее позиций на Кавказе). В особенности под начальством Шамиля усилилось антироссийское военное движение в течение 1830-1840 гг. и российское войско сконцентрировалось в восточно-кавказском регионе.

Шамиль прекрасно вооружил свою армию. Владея секретами плавания стали хорошего качества, горские мастера изготавливали холодное оружие высокого класса, научились делать нарезное огнестрельное оружие. Позиции мюридов укреплялись благодаря восстаниям среди местного населения, вспыхнувшим в Кайтаге, Табасаране и Кюринском ханстве. Военные успехи Шамиля над царской армией в Ашильте, Тилитле и Ахульго спланивали мюридов и еще больше воодушевляли их на борьбу за независимость [3. С. 50-51].

Наряду с распространением своего влияния на внутренние районы Северо-Восточного Кавказа, Шамиль также пытался расширить освободительное движение на Северо-Западный регион. К началу 40-х гг. XIX в. «государство» имама достигло пика своего могущества. С этого же времени

в политике Шамиля прослеживалась тенденция к увеличению территории имамата за счет вовлечения в газават народов Закубанья, так в 40-е гг. XIX в. в Черкессию были направлены эмиссары имама, целью которых было распространение среди адыгских народов «истинного» ислама и вовлечение их в газават.

В Британских кругах национально-освободительное движение Шамиля расценивалось как национальная и политическая борьба против Российской империи, сходная с различными антиимпериалистическими движениями в разных частях Европы и Ближнего Востока, которые в то время вызывали симпатию и энтузиазм у английских либералов [16. Р. 49]. В этом контексте, с точки зрения кабинета министров Великобритании, кавказский вопрос выступал в качестве геополитического инструмента для сковывания влияния России на Ближнем Востоке, ограничивая связи Российской империи с Каспийским и Черноморским регионами, которые непосредственно касались безопасности Индии.

Оказалось, что тогда Кавказская война стала интернационализирована в рамках соперничества европейских держав, которые представляли собой разные государственные ценности: Россия – консерватизм, Великобритания – либерализм. При кооперации с Портой, правительство Великобритании активно участвовала в координации действий на Ближнем Востоке.

Наибольшую активность в этом деле проявляло английское посольство в Константинополе. Посол Понсонби, в соответствии с распоряжениями министра иностранных дел Генри Джон Темпла Пальмерстона, организовал летом 1834 г. экспедицию яхты «Туркуаз», одного из кораблей английской эскадры, находившейся в Средиземном море, к российским берегам Черного моря. Командир яхты, капитан английской королевской гвардии Лайонс (Лейсон), получил предписание осмотреть российские укрепления на черноморском побережье, а также, высаживаясь на берег, установить связи с наиболее влиятельными представителями местного черкесского населения. Лайонс передал им так называемую «Декларацию независимости Черкесии», написанную, по наблюдениям М. Блиева, английскими дипломатами в Константинополе [2. С. 653-654].

В 1835 г. руководители адыгских племен создали «Декларацию независимости» и этот документ был направлен монархам Азии и Европы в том числе в Англию. В тот же год, декларация была опубликована в различных зарубежных изданиях. Интерес представляет оценка Кавказа в международных отношениях. В декларации говорилось, что жители Кавказа не являются подданными России и что в течение многих лет они втянуты в войну с ней [7]. Одновременно с декларацией капитан Лайонс привез в Черкессию «Воззвание» к «абазинским жителям, эффендиям, гаджиям и черному народу», написанное Сафар-беем» влиятельным натухайцем, одним из наиболее активных англо-турецких агентов в течение 30 лет. Воззвание содержало

призыв: «С врагами же нашими не только не быть в согласии и примирении, но даже и смотреть на них не должно» [2. С. 654].

В английском кругу подчеркивали, что «лучше Черкессия была бы в составе Турции для свободы торговли в Черном море по причине того, что Трабзон в то время играл важную роль для торговли английских судов» [23]. С точки зрения Лондона, блокировка Черноморских линий нанесла ущерб по торговому интересу Великобритании [23].

В соответствии с этим, борьба за независимость адыгского народа использовалась как политический инструмент против России. В мае 1836 г. адыги, которые находились в Османской империи, ожидали прибытия корабля с боеприпасами для Северо-Западного Кавказа. Они направились сопровождать груз до черкесского побережья, чтобы в дальнейшем попытаться ударить по некоторым постам, занятым русскими войсками. Англичане с нетерпением ожидали сообщения об успехе этой экспедиции, чтобы найти повод для того, чтобы их флот имел основание войти в Черное море для поддержки горцев [11. С. 166].

Тем временем, Дэвид Уркарт был одним из важных игроков, участвовавших со стороны Англии в кавказском вопросе. Стоит отметить, что в результате деятельности Уркарта начался дипломатический диалог между горцами и кабинетом министров Великобритании. Уркарт считал, что борьба черкесов могла задержать русскую экспансию на Черном море [24. Р. 249]. Как уже упоминалось выше, согласно Адрианопольскому договору, в состав России вошла часть черноморского побережья, но в этих районах ей противостояли народы Черкесии, которые в этой борьбе искали иностранной помощи, в том числе Англии и Турции. Д. Уркарт полагал, что Великобритания должна поддерживать борьбу черкесов за независимость от России. В 1837-ом году, Великобритания заявила о не принятии Адрианопольского договора и объявлении его нелегальным. С точки зрения Лондона, поскольку черкесский народ, издревле населявший северо-западный Кавказ, не принимал участие в заключении Адрианопольского договора, то договор не имеет значение по гарантии территориального статуса и целостности Черноморского побережья, которое вошло в состав России в 1829 г. [23. Р. 1109]. Уркарт сам отстаивал то что, Черкессия должна служить буфером между Россией и Турцией и преградить России путь к Индии.

Вопрос по свободному плаванию по Черному морю обострился тогда, когда Россия конфисковала английский суд «Виксен». 29-го октября 1836 г., из Лондона в Черкессию отплыло судно «Виксен» с целью поощрения торговли Великобритании с адыгами. Суть состоялась в том, чтобы инцидент с судном «Виксен» послужил, с одной стороны, доказательством о неукрепленном положении России на Черноморском побережье и, в этой связи, неспособностью России отслеживать провозимые англо-турецкими агентами контрабандистские товары, а с другой стороны, инцидент со шхуной «Вик-

сен» свидетельствовал о том, что на практике западноевропейские державы не признавали условий Адрианопольского договора, а потому и нарушали его, действуя против России. Кроме того, торгово-коммерческие выгоды понуждали горцев поддерживать отношения с турками путем контрабанды. В то время Россия еще не в полном объеме установила свой таможенный и карантинный контроль на побережье.

В связи с захватом и конфискацией английской шхуны «Виксен» между Королевством Великобритания и Россией обострились дипломатические отношения. Тем не менее, Россия, считая себя неподготовленной к войне с Великобританией стремилась, чтобы кавказский вопрос не переплетался с дипломатическими столкновениями в международной обстановке и не стал причиной военного конфликта. Необходимо отметить, что наблюдались некоторые разногласия по поводу восточной политики Великобритании, однако К.В. Нессельрод сам поверил в то, что Россия и Великобритания говорят на одном языке по вопросу противостояния с Францией во время Восточного кризиса. В этом отношении, Нессельрод передал в Лондон приказ Николая I выяснить возможность будущего соглашения с Великобританией, а также предлагал совместными усилиями урегулировать турецко-египетский конфликт [4. С. 106-107]. В отличие от того, что Россия считала Великобританию союзником, кабинет министров Великобритании никогда не оставлял свой русофобский подход на Ближнем востоке.

Несмотря на то, что авантюрному плану Уркарта с «Виксеном» не удалось осуществиться, деятельность английской агентуры на Кавказе не прекратилась. Весной 1837 г. среди черкесов вновь появляются английские агенты Белл и Лонгворт, которые дали обещание предоставить горцам военно-дипломатическую помощь со стороны Великобритании и убедили их устранять пророссийские племена.

Адам Чарторыйский, глава польской эмиграции, считал, что обострение Восточного вопроса могло давать польским революционерам шанс сражаться на втором фронте. Историк утверждал, что Великобритания и Франция были главными защитниками свободы в борьбе против России в качестве лидеров монархической системы, а идеи А. Чарторыйского вдохновляли союз Лондона и Парижа против укрепления русского влияния на международной арене, в том числе и на Ближнем Востоке [25. Р. 231].

Особое внимание польских революционеров было обращено на антироссийское движение кавказских горцев. Они считали, что их противостояние с Россией имеет то же значение, что и революционные, и национально-освободительные движения в Европе и других частях мира (например, в Южной Америке). При таком понимании международной обстановки кавказские племена, страдавшие от давления со стороны России, выглядели как члены союза в борьбе за свободу разных народов, чью независимость Российская империя подавляла в качестве лидера Священного союза.

Польские эмигранты использовались англичанами под видом установления контактов с сосланными на Кавказ польскими революционерами и якобы для оказания помощи польскому национально-освободительному движению.

В это время польские лидеры стремились установить связь с черкесами, чтобы привлечь к себе внимание кабинета министров Великобритании и поднять свой авторитет в его глазах. В соответствии с этим, М.С. Чайковский хотел доказать британскому правительству, что польские эмигранты могут действовать на Кавказе намного успешнее, чем щедро оплачиваемые английские агенты [8. С. 435].

А. Чарторыйский стремился создать в Черкесии, хотя бы какое-то подобие государства, чтобы формально иметь в лице данного института – «предмета» для провозглашения независимости – и дать западным державам повод для вмешательства в черкесские дела на основе признания этой «независимости». Лидер поляков был намерен создать на Кавказе грандиозный антирусский союз из различных этнических элементов, представлявших черноморских казаков и дезертиров польской армии [5. С. 69].

Следует отметить, что между тем Османская империя служила местом, где собирались революционеры и люди, не поддерживающие российскую политику, которые обостряли дипломатическую ситуацию, поскольку Россия требовала от Порты экстрадировать их [4. С. 128]. Порта отказалась вернуть их и при поддержке Турции, польские революционеры присоединились к антирусской контрабандистской деятельности, которая велась совместно с англо-турецкими агентами. В июне 1846 г. к черкесскому берегу пристали три турецких контрабандных судна. На этих суднах, нагруженных оружием и боеприпасами прибыл польский революционер Адам Высоцкий. Ему было поручено объехать всю Черкесию и предложить горцам свои услуги в борьбе против русских.

Действительно дипломатические обострения, столкновения между державами, недовольства, накопившиеся в течение 30-40 гг. окончательно превратились в 50-х гг. в военное столкновение, которое выразилось в Крымской войне, с которой кавказский вопрос неизбежно переплетался.

В этом контексте лорд Пальмерстон заявил: «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии. Крым, Черкесию и Грузию отторгнуть от России; Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана» [20. Р. 315].

Во время Крымской войны, Кавказ был важным стратегическим пунктом для противостоящих сторон. Союзное войско в составе Великобритании, Турции и Франции, намерено было сотрудничать с горцами против России.

Что касается состояния на Черноморском побережье Кавказа, союзному войску казался план благоприятным для осуществления экспансии. Многочисленные гарнизоны были совершенно разброшены и оторваны друг от друга. По мнению Воронцова в сложившейся ситуации, «Первое действие таковой войны будет немедленная потеря почти всех наших укреплений на восточном берегу... В Черном море против сильных неприятельских флотов защиты нет и падение всего, что мы имеем на этом берегу, даже при сохранении, может быть Новороссийска, будет иметь пагубное следствие для могущества России на Кавказе» [1. С. 341-342].

На самом деле, согласно планам коалиции в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства высадка на Кавказском побережье должна была привести к кооперативным действиям, в соответствии с которыми союзное войско после экспедиции в Крым немедленно планировало завоевать Кавказ одновременно со стороны Турции (против Грузии), со стороны черноморского побережья и Таманского полуострова (против Северного Кавказа), и тем самым оказать помощь мюридам. С этим планом были связаны действия Шамиля, Мухамед – Эмина и Сефер-бея вплоть до окончания Крымской войны [11. С. 98]. Исходя из этого плана, необходимо было завоевать два стратегически важных для мюридов пункта: Тифлис для соединения с турецким войском, вторгшимся из Закавказской границы и Кабарды для соединения с Черкесским народным и англо-французским войском.

Среди народов на северо-западном Кавказе наблюдались пророссийские племена, которые зависели от торговли с Россией. По сообщению французского военного корабля «Шарлемань», между старшин прибрежных горских племен не было согласия. В сложившейся ситуации было невозможно координировать действия союзных войск и местного ополчения [14. С. 200]. Между тем даже антироссийские племена считали союзные войска очередными завоевателями, а не освободителями. Население пребывало в состоянии неуверенности из-за политических ошибок турок, единственной целью которых было противодействие наibu Мухаммеду-Эмину, которого и англичане подозревали в том, что он подговаривал абадзехов не помогать европейцам. Прикубанские бжедуги (адыгское племя) выразили особое недоверие политике Мухаммеда-Эмина. В сопровождении отряда ему пришлось совершить поездку по территории с целью получения присяги от владетельных князей. Тогда и возникли трения между Мухаммедом-Эмином и Сефер-беем.

С другой стороны, самую важную роль сыграл провал турецких войск на Кавказском фронте. Речь идет о том, что несмотря на неблагоприятное положение России и количественное превосходство анатолийского войска, со стороны Порты на Кавказе во время Крымской войны, союзному войску не удалось осуществить свои планы на Кавказе. Главную роль сыграл про-

вал турецких войск на кавказском фронте, которые не успели осуществить совместную операцию с англо-французским и мюридическим войсками. Турецкое войско терпело очередные поражения при Ахалцыхе, Башкадыкларе, Нигоити, Чолоке, Чингильском, Кюрок-даре и Карсе в период с 1853-1855 гг.

Следует отметить, что вместе с тем героизмом российских войск при начальстве таких князей как В.О. Бебутова., И.М. Андраникова, Я.П. Бакланова и Н.Н. Муравьева, местные жители и ополченцы плечом к плечу совместно с русским войском усердно защищали свои земли против натисков Турции.

Е.В. Тарле подчеркивал, что «подвиги русских войск, а также грузинской милиции и их пламенный патриотизм, привязанность к родной земле грузинского, армянского и азербайджанского населения помогли отстоять Закавказье, которое, связав большую турецкую армию и разгромив ее, сыграло тем самым важную роль в общем трудном деле отстаивания русской государственной территории от врагов [13. С. 498].

Победа над Карсом 16-го ноября 1855 г. привела к прекращению военного нападения турок, а победы российской армии на кавказском фронте оказали большое влияние при мирных переговорах в Париже [13. С. 498].

Более того, одновременно с поражением союзного войска на Кавказе, французское войско было в крайне неблагоприятном состоянии: увеличивалось количество солдат, страдавших от эпидемии и холода. Во французских кругах начала господствовать мысль о том, что прямого интереса у Франции в этой войне нет и потому не стоит больше жертвовать человеческими жизнями [19. Р. 344]. С другой стороны, Наполеон III был намерен сотрудничать с Александром II, для урегулирования, возникавших политических коллизий в Европе из-за которых Франция противостояла с Италией, Австрией и Пруссией. Князь Монтебелло подчеркивал «Так же как Великобритания находится в состоянии конфликта с Россией, Франция – Австрией и рано или поздно Пруссией. Соответственно Франции нужно разделять свое внешнеполитическое дело от Ближнего востока для личного национального интереса» [26. Р. 313-314].

18 (30) марта 1856 г. на Парижском мирном конгрессе, в работе которого приняли участие Австрия, Великобритания, Россия, Франция, Сардинское королевство и Турция, был подписан Парижский мирный трактат. Используя противоречия между победителями, русская дипломатия добилась смягчения условий мира.

Одновременно статья XI договора устанавливала, что Черное море является нейтральным и, что вход в него и его порты открыт для торгового мореплавания всех народов, но запрещен для военных судов как прибрежных, так и других держав [12. С. 26]. Иными словами, России и Турции запрещалось иметь на Черном море военный флот и арсеналы. В дополнительной конвенции устанавливалось количество легких военных судов Рос-

сии и Турции на Черном море, необходимых для выполнения сторожевой службы [10. С. 38-39].

Однако единогласия между Францией и Англией не удалось достичь. Оказалось, что Парижский мирный договор ограничивал российское влияние на европейские территории Порты, поставляя их под гарантии в рамках общеевропейского закона, с другой стороны, помимо требований Лондона, поскольку об азиатских территориях в мирном договоре нет речи, Россия без надзора и сговывания со стороны европейских держав расширяла территориальную экспансию на кавказские и среднеазиатские регионы после Крымской войны [18. Р. 124].

Соответственно, в тексте Парижского договора Северный Кавказ не упоминался, хотя в процессе переговоров Северному Кавказу и Черкесии уделялось немалое внимание. Английская дипломатия (премьер министр лорд Палмерстон и министр иностранных дел граф Дж. Кларендон) пыталась настоять на создании государства Черкессия и установлении российско-турецкой границы «от Азовского моря до Кубани» с передачей Кавказа под «номинальную власть» Османской империи [2. С. 738].

В английских кругах возникло глубокое недовольство по поводу Кавказского вопроса в Парижском договоре. Князь Джон Маннер настаивал на том, что «поскольку Кавказ является физической крепостью через которую Россия сможет спокойно продвигаться на южную и восточную, рано или поздно она захочет завоевать Константинополь. В следствии с этим, национальный интерес Великобритании находится в опасном состоянии от Кавказа до Гиндукуша» Кроме того, поскольку союзные державы не жесткими мерами ограничили российское право над Черным Морем, Россия будет восстанавливать свои военные корабли по прошествии нескольких лет [21].

Как констатирует английский историк Алан Тейлор: «По новой Парижской системе, Россия нацелена стабилизировать такие внегосударственные вопросы как проблемы Кавказского и Среднеазиатского региона, а Франция с поддержкой Петербурга рассчитывает противостоять Италии, Австрии и Пруссии» [27. Р. 90].

В итоге следует отметить, что когда Восточный вопрос стал обостряться в 30-е гг. XIX века, проблемы кавказского региона стали неизбежно переплетаться с межгосударственным конфликтом. При этом обстоятельстве Великобритания пыталась интернационализировать кавказский вопрос с целью вытеснения России и уничтожения оной на Ближнем востоке. Однако намерение Великобритании провалилось из-за отсутствия согласия не только с Францией и Турцией, но и с самыми горцами на Кавказе несмотря на то, что Россия потерпела поражение в Крымской войне. Помимо ожиданий Лондона, Россия не сдавала своих позиций по укреплению Востока, наоборот, продолжала активное продвижение в восточном направлении.

После Крымской войны Россия окончательно уладила Кавказ в 1864-ом г. и с завершением кавказской войны дальше продвигает свои внешне-

политические цели на среднеазиатские и дальневосточные регионы, без препонов со стороны европейских держав. Продвигаясь в глубь среднеазиатских ханств, Россия приближалась к индийским границам Британской империи, что вызывало сильную тревогу в Лондоне. Хотя Россия никогда не собиралась захватывать Индию, активное российское продвижение в Среднюю Азию представляло собой тактичное средство давления на англичан [6. С. 303]. Однако следует отметить, что накаленные отношения между Великобританией и Российской империей распространялись дальше по евразийскому континенту несмотря на то, что в 1856 г. были подписаны Парижские соглашения, устанавливающие систему регулирования международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. АКАК. Письмо кн. Воронцова к Николаю от 18-30 января 1854 г. Т. 10.
2. *Блиев М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: «Мысль», 2004.
3. *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля.
4. *Георгиев В.А., Киняпина Н.С.* Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. Москва: Наука, 1978.
5. *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х годов XIX в.
6. *Дегоев В.В.* Внешняя Политика России и Международные системы: 1700-1918 гг.: учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2004.
7. Декларация независимости Черкесии // Проблемы Кавказской Войны и Выселения Черкесов в пределы Османской империи (далее-ПКВВЧПОИ). 1835 г. № 2 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Probl_kavk_vojny/1-20/2.htm.
8. Записки Михаила Чайковского // Старина. 1895. № 11.
9. *Золотухин М.Ю., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г.* История международных отношений и внешней политики России в Новое время. XIX век: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2015.
10. Конвенция между Россией и Турцией относительно содержимых в Черном море военных судов.
11. *Меркулова О.В.* Англо-русские противоречия на Северном Кавказе 1830-1860 гг. XIX в. М., 2009.
12. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952.
13. *Тарле Е.В.* «Крымская война» II. Сочинения. 1959. Том IV.
14. *Чечуева А.К.* Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60 гг. XIX вв. М., 2008.
15. *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

16. *Allen William Edward David and Paul Muratoff*. *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921*. Cambridge University Press, 2011.

17. *Bartlett C.J.* *Peace, War and the European Powers, 1814-1914*. Macmillan International Higher Education, 1996.

18. *Bridge Roy and Roger Bullen*. *The Great Powers and the European States System 1814-1914*. Routledge, 2014.

19. *Fay C.* *Souvenirs de la Guerre de Crimée, 1854-1856*.

20. *Guedalia P.* *Palmerston*. London, 1926.

21. *Hansard's Parliamentary Debates*. (Далее HPD.). London, 1856. V. 141.

22. HPD. *Russia and Turkey*. Deb 20 April 1836. Vol. 32 // <https://hansard.parliament.uk/Commons/1836-04-20/debates/dd9a42d4-217a-49e6-b9fe-2b92b23c613d/RussiaAndTurkey?highlight=russia%20turkey#contribution-041fdb05-af95-4a5f-bd2e-a232da42c0b6>.

23. HPD. *Russia*. 14 December 1837. Volume 39 // <https://hansard.parliament.uk/Commons/1837-12-14/debates/5ee85177-0536-47b2-882b-c141c58994f4/Russia?highlight=russia#contribution-7d588c6a-cb13-4a1e-b414-988af402270f>.

24. *King Ch.* *Imagining Circassia: David Urquhart and the Making of North Caucasus Nationalism // The Russian Review*. 2007. № 66.

25. *Kukiel M.* *Czartoryski's foreign policy in exile. Czartoryski and European Unity // Princeton University Press*, 1955.

26. *Roux François-Ch.* «*La Russie et l'alliance anglo-française après la guerre de Crimée*». *Revue Historique* 101, 1909. Fasc. 2.

27. *Taylor Alan John Percivale*. *The struggle for mastery in Europe, 1848-1918*. Oxford University Press, 1954.

НАШИ АВТОРЫ

Агапов Платон Валериевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (platonbogun@gmail.com).

Бурьгин Александр Алексеевич – специалист по учебно-методической работе Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (aa95burygin@mail.ru).

Габдрахманова Наиля Талгатовна – доцент Математического института имени С.М. Никольского Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (Gabd-nelli@yandex.ru).

Гришин Всеволод Олегович – студент Факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, Россия, г. Москва (vo.grishin@mgou.ru).

Демидова Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург (elena_demidova@mail.ru).

Жамбаева Ульяна Баировна – кандидат философских наук, доцент Управления высшего образования РЭУ им. Г.В. Плеханова, Улан-Баторский филиал, советник Президента монгольской дипломатической организации мира и дружбы, Монголия, г. Улан-Батор (etnopolitolog@yandex.ru).

Инь Цюнь – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (RUDN University), Китай, г. Цзинань (312267208@qq.com).

Каратуева Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры управления социально-политическими процессами и истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (e_karatueva@mail.ru).

Крюкова Елена Вячеславовна – кандидат политических наук, доцент Государственного университета управления, Россия, г. Москва (greza21@yandex.ru).

Кузнецов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель Университетского колледжа агробизнеса Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина, Россия, г. Омск (dv.kuznetsov@omgau.org).

Куренкова Евгения Алексеевна – доцент, кандидат исторических наук, профессор Факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета, Россия, г. Москва (ea_kurenkova@mgou.ru).

Куриев Рамзан Назырович – студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Курьев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (Kurylev-kp@rudn.ru).

Ку Чамян – аспирант кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (etnopolitolog@yandex.ru).

Макаров Егор Павлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета, Россия, г. Самара (egor.makarov.esq@gmail.com).

Макарова Татьяна Егоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного образования Самарского государственного социально-педагогического университета, Россия, г. Самара (egor.makarov.esq@gmail.com).

Морозов Евгений Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент Новгородского государственного университета, Россия, г. Великий Новгород (etnopolitolog@yandex.ru).

Орешин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Россия, г. Москва (oreshin12345@yandex.ru).

Осипенко Светлана Викторовна – доцент кафедры Военной администрации Военного университета Министерства обороны РФ, Россия, г. Москва (sv.osipenko2016@mail.ru).

Осмаев Мовла Камилович – кандидат экономических наук, доцент Чеченского государственного университета, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный (osmaev.movla@yandex.ru).

Петрова Ксения Сергеевна – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (petrova_kseniia_93@mail.ru).

Сабирова Екатерина Николаевна – аспирант Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, г. Уфа (Sabirova-katerina@mail.ru).

Семенов Виктор Николаевич – кандидат технических наук, заведующий лабораторией Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (viktor_55@mail.ru).

Хвалей Андрей Андреевич – студент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (andrew13.05@mail.ru).

Химич Даниил Александрович – соискатель Математического института имени С.М. Никольского Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (Danihim@mail.ru).

Чэн Го – аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Китай, г. Нанкин (ivanс25@yahoo.com).

Яковенко Сергей Николаевич – адъюнкт кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва (yakovenko.serguei@yandex.ru).

OUR AUTHORS

AGAPOV P.V. – Candidate of Sociology, Associate Professor Department of History and Theory of Sociology sociological faculty of Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

BURYGIN A.A. – Specialist in educational and methodological support at the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

CHENG GUO – Ph.D. Student, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Nanjing, China.

DEMIDOVA E.N. – PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of international relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

GABDRAKHMANOVA N.T. – Associate professor, Mathematical Institute named after S.M. Nikolskiy, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

GRISHIN V.O. – Student of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow region state university, Moscow, Russia.

KARATUEVA E.N. – Candidate of political science, associate Professor of the Department of management of socio-political processes and history of the Saint Petersburg state agrarian University, Saint Petersburg, Russia.

KHIMICH D.A. – Applicant, Mathematical Institute named after S.M. Nikolskiy, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

KHVALEY A.A. – Student at the Department of Political Science of the East in the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KRYUKOVA E.V. – Candidate of political science, associate Professor, State University of management, Moscow, Russia.

KU CHAMYAN – Postgraduate student at the Chair of Russia's history of the XIX – beginning of the XX century, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KURENKOVA E.A. – Assistant professor, candidate of historical sciences, professor of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow region state university, Moscow, Russia.

KURIYEV R.N. – Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KURYLEV K.P. – Doctor of Historical Sciences, Professor Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

KUZNETSOV D.V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, teacher “Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin, University College of agribusiness”, Omsk, Russia.

MAKAROV E.P. – Ph.D., senior lecturer of the department Sociology, Political Science and History of the Fatherland, Samara State Technical University, Samara, Russia.

MAKAROVA T.E. – Ph.D., associate Professor of the department of Preschool Education, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia.

MOROZOV Ye.V. – Candidate of Historical Sciences, associate Professor of Novgorod state University, Veliky Novgorod, Russia.

ORESHIN S.A. – Candidate of historical sciences, researcher, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

OSIPENKO S.V. – Associate Professor of Military administration Military University of the Ministry of Defense (VUMO RF), Moscow, Russia.

OSMAEV M.K. – Candidate of economic Sciences, associate Professor of the Chechen state University, Grozny, Chechen Republic, Russia.

PETROVA K.S. – Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

SABIROVA E.N. – Federal state budgetary scientific institution Ufa Federal research center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

SEMENOV V.N. – Candidate of Technical Sciences, head of laboratory Far Eastern Federal University, the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

YAKOVENKO S.N. – Postgraduate student, Department of History, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

YIN QUN – Ph.D. Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Jinan, China.

ZHAMBAEVA U.B. – Candidate of philosophical Sciences, associate Professor of Management in higher education, REU im. G.V. Plekhanova, Ulaanbaatar branch, Adviser to the President of the Mongolian diplomatic organization for peace and friendship, Ulan-Bator, Mongolia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наш сайт: **www.etnopolitolog.ru**

E-mail: **etnopolitolog@yandex.ru**

Scientific Journal
“Issues of National and Federative Relations”
Volume 10. Issue 3 (60), 2020

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of
the Russian Science Citation Index.

Academic papers published in the journal
undergo obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Perkova D.V.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.etnopolitolog.ru

E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 26.03.2020

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “PrintUP”

Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105

Tel.: (495) 925-00-06

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!
Открыта подписка на журнал
«Вопросы национальных и федеративных отношений».
Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70114.

		ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»									
		АБОНЕМЕНТ на журнал	70114								
<u>Вопросы национальных и федеративных отношений</u>											
Количество комплектов											
на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал 70114								
<u>Вопросы национальных и федеративных отношений</u>											
Стоимость	Каталожная			Количество комплектов							
	услуги почты										
	полная										
на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ»

Журнал издается совместно с Институтом современной политики РУДН. Издание нового научного журнала призвано восполнить пробелы развития политической теории и решить проблемы популяризации политической науки в научных и учебных заведениях, а также дает дополнительную возможность многим учёным представить на суд научной общественности свои исследования и организовать дискуссии по актуальным проблемам современной политики.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,489

Интернет-ресурс: www.voprospolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в базу РИНЦ

Пятилетний импакт-фактор журнала: 1,294

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:

voprospolitolog@yandex.ru